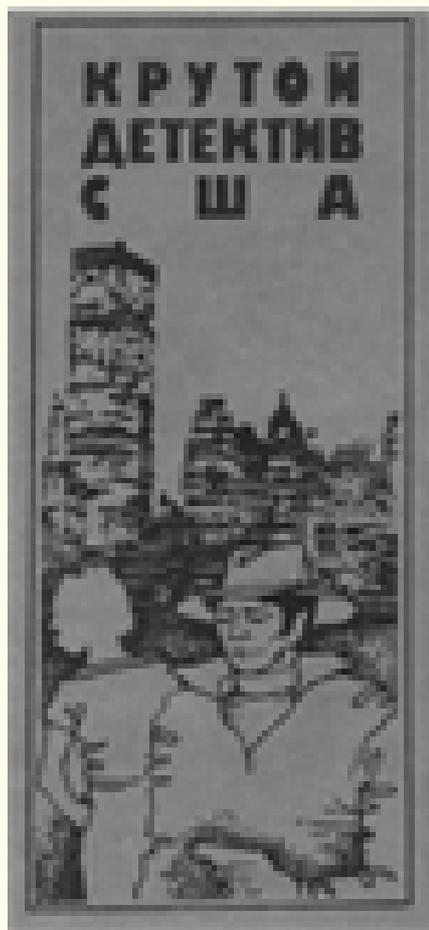

Крутой детектив США. Выпуск 4.
Дама-призрак. Дело об изящном силуэте
СПб.: МП РИЦ «Культ-информ-пресс», 1993

Содержание:

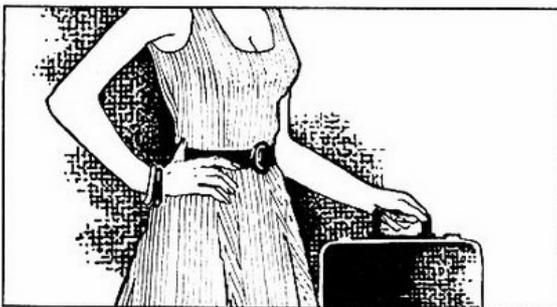
- Корнелл Уолрич. Дама-призрак (роман, перевод Л. Евсеевой), стр. 5-180
- Эрл Стенли Гарднер. Дело о стройной тени (роман, перевод И. Антоновой), стр. 181-314

Корнели Уолрич

РОМАН

**ДАМА-
ПРИЗРАК**

Эри Стенли Гарднер

РОМАН

**ДЕЛО ОБ
ИЗЯЩНОМ
СИЛУЭТЕ**

Карлос Уаррич

РОМАН

ДАМА- ПРИЗРАК

1. За сто пятьдесят дней до казни Шесть часов вечера

Был майский вечер, час, когда назначаются свидания. Час, когда половина города, которой еще нет тридцати, причесавшись, пополнив наличность в кошельках, весело спешила на свидание, а другая половина, тоже до тридцати, напудрив нос и надев нечто сногшибательное, с радостным сердцем отправлялась на то же самое свидание. Куда ни глянь, на каждом углу, в каждом ресторане или баре, перед аптеками, в холлах гостиниц и Бог знает, где еще встречались две половины города. И везде разыгрывалась старая история - старая, как мир, и вечно новая.

Небесная сфера тоже как будто собралась на свидание: алмазные заколки из двух звезд поддерживали лиф ее вечернего платья, яркая полоска горизонта на западе была покрашена красной губной помадой. В прорезях улиц блестели неоновые огни, игриво подмигивая прохожим; таксоны издавали птичьи трели, и все куда-то спешили. Воздух напоминал игристое шампанское, слегка надушенное капелькой «Коти», - неосторожному человеку такой воздух мог ударить в голову. Или в сердце.

Такой был вечер. И в такой вечер он шагал по улице с выражением Непримируемости на лице и нарушал всеобщую гармонию. Встречные задавали себе вопрос: почему он так мрачен? У человека с такой энергичной походкой со здоровьем все в порядке. Причиной не могло быть и отсутствие денег - он был одет дорого и некричаще, что трудно имитировать. Не могли его угнетать и годы. Если ему и перевалило за тридцать, то самое большее несколько месяцев назад. Он выглядел бы гораздо привлекательнее, если бы позволил своему лицу не хмуриться.

Уголки его губ были опущены, и рот напоминал подкову, прибитую под носом. Пальто, висящее на руке, раскачивалось в ритме шагов. Шляпа была сдвинута назад и заломлена так, будто, надев ее, он больше о ней не вспомнил. Казалось, искры из-под его ног не разлетаются только потому, что на нем ботинки на каучуковой подошве.

Он не собирался туда, куда попал. Подойдя к этому заведению, он резко затормозил - как будто в ногу натянулся тросик, остановив его на месте. Возможно, он обратил внимание на это заведение только потому, что, когда он проходил мимо, там зажглась неоновая вывеска. Неоновые буквы, напоминающие красные цветы, сообщили название заведения - «Ансельмо» - и окрасили тротуар у входа.

Вероятно, поддавшись какому-то импульсу, он резко свернул в сторону и вошел в бар. Несколько ступенек спускалось в длинное помещение с низким потолком. Заведение было небольшое и в это время непереполненное. Глаза отдыхали в приглушенном освещении, направленном вверх. Вдоль стен тянулись два ряда маленьких кабинок со столиками. Он направился прямо к стойке, которая имела форму подковы, развернутой к выходу, даже не взглянув, есть ли посетители в кабинках. Пальто он положил на высокий табурет, бросил сверху шляпу и сел рядом. По его виду можно было предположить, что он останется здесь недолго. В поле его зрения появилось белое пятно куртки бармена.

- Добрый вечер, сэ.

- Шотландское, - ответил он на приветствие. - И немного воды - чем меньше, тем лучше.

Садясь, он бессознательно отметил, что справа стоит широкая ваза с печеньем или пряниками. Не поворачивая головы, он протянул к ней руку. Рука наткнулась на что-то гладкое, что слегка дернулось. Он посмотрел в том направлении и снял свою руку с другой, раньше него протянувшейся к вазе.

- Извините, только после вас, - пробормотал он, отвернулся и снова погрузился в свои мысли, но тут же опять обернулся.

Потом он время от времени смотрел на нее, как будто что-то взвешивая. Его внимание привлекала ее удивительная шляпа. Она напоминала дыню - не только формой и размером, но и цветом.

Шляпа горела таким оранжевым пламенем, что было больно глазам. Казалось, она освещает весь бар, как фонарь, низко подвешенный в праздничном саду. Прямо из центра шляпы росло

длинное петушиное перо, торчащее вверх, как ус редкостного жука. Такой цвет могла себе позволить одна женщина из тысячи. Она себе это позволила, и это ей шло. Она выглядела необычно, но совсем не смешно. Остальная одежда была в приглушенном, сдержанном стиле, черная, рядом с маяком шляпы почти невидимая. Возможно, шляпа стала для нее символом внутреннего освобождения. Возможно, надев ее, она пыталась заявить: «Будьте со мной осторожны. На меньшее, чем звезда с неба, я не согласна».

Она отламывала кусочки печенья, делая вид, что не обращает на него внимания. Когда он встал и подошел к табурету, на котором она сидела, она перестала крошить печенье и легким наклоном головы как будто дала знак: можете говорить; буду ли я слушать, зависит от того, что вы скажете.

Он обратился к ней с обезоруживающей прямоотой:

- У вас есть планы на вечер?

- И да, и нет, - вежливо ответила она, нисколько не поощряя его. Она не улыбнулась, никак не дала понять, что принимает его общество. Держалась она прекрасно, в ее поведении не было и намека на доступность.

И в его поведении не было заискивающей слащавости. Он продолжал резким, безличным тоном:

- Если у вас свидание, я не хочу казаться навязчивым.

- Вы не кажетесь мне навязчивым. - Она сказала это очень хорошо, она еще не решила окончательно.

Его взгляд остановился на часах, висящих прямо перед ними над стойкой бара:

- Уже шесть часов десять минут.

Она тоже подняла глаза на часы и согласилась нейтральным тоном:

- Да.

Он достал из кармана бумажник, взял из одного отделения небольшой конверт и открыл его; там были две полоски плотной розовой бумаги.

- У меня два билета на ревью в «Казино». Первый ряд, у центрального прохода. Вы не хотели бы пойти со мной?

- Вы не теряете времени зря. - Она перевела взгляд на его лицо.

- Я вынужден не терять времени зря. - Он сердито посмотрел на билеты. - Если у вас свидание, скажите. Я попробую пригласить кого-нибудь другого.

В ее глазах промелькнул интерес.

- Вы обязательно должны использовать эти билеты?

- Это дело принципа, - пробормотал он недовольно.

- А если я сочту это неудачной попыткой познакомиться? - спросила она. - Я так не считаю лишь потому, что вы предложили это прямо, не пытаясь ничего приукрасить. Значит, за этим ничего не кроется.

- Действительно. - Лицо его по-прежнему было каменным.

Слегка повернувшись к нему, она приняла приглашение:

- Мне всегда хотелось сделать что-нибудь подобное. Так почему бы не сегодня? Такой случай, по крайней мере в той форме, как вы преподнесли, представляется не часто.

Он положил руку ей на плечо:

- Сначала нам надо договориться. Так будет проще после спектакля. Как вы считаете?

- Это зависит от того, о чем мы договоримся.

- Мы останемся случайными знакомыми. Один вечер, и все. Вместе поужинаем и ходим в театр. Не будем друг другу представляться: никаких имен, адресов, никаких лишних подробностей. Просто...

Она закончила фразу:

- ...двое, которые вместе отправились в театр. Знакомство на один вечер. Такое условие кажется мне разумным, даже необходимым, будем его соблюдать. Мы избавимся от проявлений самолюбия, а может быть, от необходимости лгать.

Она протянула ему руку, и короткое рукопожатие подтвердило их взаимное согласие. Она в первый раз улыбнулась ему. Улыбка была приятная, сдержанная, без слащавости.

Он дал знак бармену и хотел расплатиться за двоих. - Я уже заплатила, еще до вашего прихода. Бармен вынул из кармана книжечку, написал сверху карандашом: «1 шотл. виски - 0,60», оторвал счет и подал ему. Он обратил внимание на то, что счета пронумерованы и ему достался тринадцатый номер, жирно напечатанный в правом верхнем углу.

Кисло улыбнувшись, он протянул его обратно вместе с требуемой суммой, повернулся и пошел вслед за ней к выходу. Девушка, сидевшая со своим кавалером в одной из кабинок у стены, выглянула и проводила взглядом огненную шляпу, проплывавшую мимо. Он немного отстал и успел перехватить этот взгляд. У двери она повернулась к нему:

- Итак, я в вашем распоряжении.

Он подал знак стоящему неподалеку такси. Другое такси, проезжавшее в это время мимо, попыталось его обойти, но первое не позволило отбить пассажиров и продвинулось вперед, что не обошлось без легкой царапины на крыле и ругани побежденного чужака. Прежде чем конкурент отъехал, а водитель успокоился настолько, что мог обратить внимание на пассажиров, она уже разместилась на заднем сиденье. Ее спутник задержался у дверцы рядом с водителем, объясняя, куда ехать:

- «Мейсон Бланш». - Потом он сел рядом с ней.

В машине горел свет, и они его оставили. Вероятно, оба посчитали, что погасить свет означало бы установить более интимную атмосферу, а это казалось неуместным.

Через минуту он услышал ее тихий смех, проследил за ее взглядом и сдержанно улыбнулся. Фотографии на визитках таксистов редко бывают произведениями искусства, но эта выглядела просто карикатурой: оттопыренные уши, выпученные глаза и к тому же чрезвычайно лаконичные имя и фамилия, которые почти рифмовались: Аль Альп. Он прочитал фамилию и тут же ее забыл.

Уютный ресторан «Мейсон Бланш» был известен своей кухней. Здесь царила атмосфера довольства.

Когда они вошли, она сказала:

- Извините, я приведу себя в порядок, заглажу следы, которые на мне оставило время. Не ждите меня здесь, идите садитесь, я вас найду.

Он заметил, что уже в дверях дамской комнаты она сделала движение рукой, как будто хотела снять шляпу. Ему пришло в голову, что истинной причиной этого маневра была потеря решимости, что она ускользнула от него на момент, чтобы войти в зал без него, привлекая как можно меньше внимания.

Метрдотель встретил его у входа в зал вопросом:

- Вы один, сэр?

- Нет, у меня заказан столик на двоих. - Он назвал свое имя: - Я Скотт Хендерсон.

Метрдотель проверил заказ; испытующе посмотрел на него и спросил:

- Вы будете один, мистер Хендерсон?

- Нет, - ответил Хендерсон безразличным тоном.

Его ждал единственный свободный столик, стоящий отдельно в нише; с трех сторон он был закрыт, и сидящих за ним было видно только спереди.

Вскоре она появилась в дверях без шляпы, и он удивился, насколько шляпа меняла ее внешность. Она выглядела теперь довольно бесцветно. Огонь погас. Она производила впечатление смазанное и неясное, превратившись в заурядную женщину в черном платье, с темно-каштановыми волосами, в нечто сливающееся с фоном. Не красавица и не уродина, не высокая и не маленькая, не элегантная и не замарашка - никакая, бесцветная, ничем не отличающаяся от множества женщин, которых можно встретить на каждом шагу. Никто не задержал на ней взгляда, не зафиксировал ее в памяти. Метрдотель, занятый раскладыванием салата, не удосужился оставить свое занятие, чтобы проводить ее к столу. Хендерсон встал, чтобы она увидела их столик. Она прошла вдоль стенки, самым незаметным путем.

Шляпу она несла в руке, а потом положила на сиденье свободного стула, наполовину прикрыв скатертью, вероятно, чтобы на нее ничего не накапало.

- Вы часто здесь бываете? - спросила она.

Он промолчал.

Она быстро отступила:

- Извините, это из области личных вопросов.

У обслуживавшего их официанта на подбородке была бородавка. Ее нельзя было не заметить. Заказ он сделал, не советуясь с ней. Она внимательно слушала и, когда он закончил, одобрила его взглядом.

Ее ждал нелегкий труд: выбор тем для беседы был очень ограничен, к тому же приходилось бороться с его дурным настроением. Как истинный мужчина, он предоставил ей самой преодолевать трудности и был по-прежнему молчалив. Иногда он делал вид, будто слушает, но было ясно, что мысленно он далеко. Когда он возвращался к реальности, было заметно, что это стоит ему больших усилий, иногда почти судорожных.

- Вы не хотите снять перчатки? - спросил он. Перчатки были черные, как и все на ней, кроме шляпы. В перчатках она справилась и с коктейлем, и с пюре, но на кусочке лосося лежал кружок лимона, который она безуспешно пыталась выжать вилкой. Она тут же стянула перчатку с правой руки и как будто колебалась, снимать ли левую, но в конце концов, преодолев внутреннее сопротивление, сняла.

Он смотрел словно сквозь нее куда-то вдаль, стараясь не останавливать взгляд на обручальном кольце, но она знала, что он обратил на него внимание.

Она умела прекрасно вести светскую беседу. Кроме того, она умела избегать банальных тем о погоде, газетных новостях и меню.

- Эта ненормальная Мендес из Южной Америки, которая выступает в ревю, год назад, когда я ее видела впервые, говорила почти без акцента. Чем больше контрактов, тем хуже становится ее английский. Если и дальше так пойдет, в следующем сезоне она вернется к чистому испанскому.

Он наградил ее слабой улыбкой. Она умела держаться. Только женщина, которая умеет держаться, могла делать то, что делает она в этот вечер, не явив себя в дурном свете. Она обладала чувством такта и безответственностью. Но достаточно было бы одной капли, чтобы выглядеть гораздо интереснее. Будь она чуть хуже воспитана, в ней была бы пикантность парвеню; будь немного утонченнее, она была бы великолепна. А так - ни рыба, ни мясо - она напоминала плоскую картинку: ей не хватало третьего измерения.

В конце ужина он обратил внимание на то, как она рассматривает его галстук. Он тоже опустил глаза на галстук и неуверенно спросил:

- Не тот цвет? - Галстук был однотонный, без узора.

- Нет, он отличный, - поспешно заверила она, - но не совсем подходит к вашему костюму. Это единственная деталь, которая не сочетается с остальным... Не сердитесь, я не хочу вас поучать, - извинилась она и замолчала.

Он снова посмотрел на галстук - с интересом, будто раньше не знал, что на нем надето, будто сам удивился, увидев его. Чтобы немного уменьшить дисгармонию, на которую она обратила внимание, он засунул глубже в карман пиджака платок.

Потом они выкурили по сигарете, немного посидели за рюмкой коньяка и поднялись. Только у выхода перед большим зеркалом она надела шляпу и снова как будто ожила, стала выразительной. Он отметил про себя, насколько шляпа меняет ее, - как будто зажегся яркий, праздничный свет.

Такси остановилось перед театром, и огромный швейцар, ростом не меньше ста девяноста сантиметров, открыл перед ними двери. В его глазах промелькнуло удовольствие, когда шляпа проплыла перед ним. У швейцара были большие усы, как у моржа, он напоминал карикатуру на театрального швейцара из журнала «Нью-Йоркер». Он широко открытыми глазами следил за шляпой. Хендерсон заметил это, но тут же забыл - насколько человек вообще может что-то забыть.

В фойе было пусто - они опоздали. Даже контролера уже не было у входа. Анонимный силуэт, вырисовывавшийся на фоне стены, встал у них на пути у входа в зал, билетерша фонариком осветила билеты и повела их по коридору, светя им под ноги.

Они сидели в первом ряду, даже слишком близко. Сцена сначала казалась размазанной оранжевой краской, но скоро глаза привыкли, Они терпеливо следили за ревю, составленным из отдельных номеров, смонтированных, как эпизоды фильма. Время от времени женщина с удовольствием смеялась. Его хватило только на вымученную улыбку. Шум, краски, яркий свет достигли апогея, и занавес закрылся - закончилось первое отделение.

Загорелись люстры, поднялся шум - зрители вставали и покидали зал.

- Хотите покурить? - спросил он.

- Останемся здесь. - Она подняла воротник. В зрительном зале было душно, и он понял, что она не хочет, чтобы кто-нибудь узнал ее.

- Вы уже видели этих артистов? - спросила она приглушенным голосом и улыбнулась.

Он наблюдал, как она машинально теревит в руках программку, загибая правый верхний уголок. Все листки теперь были загнуты один на другой.

- Это у меня дурная привычка, иногда я даже не замечаю, что делаю.

Открылись дверцы, ведущие в оркестровую яму, и появились музыканты, чтобы подготовиться ко второй части представления. Ближе всего к ним, отделенный от них только перилами, сидел ударник. Он напоминал грызуна, который за последние десять лет ни разу не выбрался на солнце. Кожа на его лице была сильно натянута, прилизанные волосы блестели, как мокрая купальная шапка с белым швом посередине. Верхнюю губу украшали усы, напоминающие скорее черный дым, выходящий из носа.

Он передвинул стул, укрепил что-то на своих инструментах и, покончив с этим, уселся поудобнее. И тут ему в глаза бросилась ее шляпа. Вероятно, она его потрясла. Тупое, неинтеллигентное лицо застыло. Он открыл рот, как рыба, и забыл его закрыть. Он пытался отвести от нее взгляд, но не мог с собой ничего поделать, глаза его все время возвращались к шляпе.

Хендерсон с любопытством наблюдал за ним со стороны, но, заметив, что упорный взгляд музыканта становится уже неприличным, одарил его таким взглядом, что тот повернулся к своему пюпитру и уставился в ноты. Несмотря на то что голова его была повернута в другую сторону, по напряженной позе было видно, что он продолжает думать о спутнице Хендерсона.

- Наверное, я произвела на него впечатление, - улыбнулась она.

- Великолепный барабанщик сражен, - подтвердил он.

Ряды за ними вновь заполнились. Свет в зале погас, опаздывающие пробрались на свои места; началось второе отделение. Она снова рассеянно загибала ослиные уши на своей программке.

В середине второго отделения американский оркестр ушел, его заменили экзотические тамтамы и гремящие тыквы. Под их аккомпанемент появилась звезда вечера, сенсация из Южной Америки Эстелла Мендес.

Спутница подтолкнула его локтем. Он непонимающе посмотрел на нее и снова перевел взгляд на сцену. Обе женщины уже уловили роковое обстоятельство, пока недоступное мужскому интеллекту. Он услышал таинственный шепот:

- Какое у нее лицо! Она готова меня убить.

Черные глаза женщины на сцене сверкали ненавистью сквозь ослепительную улыбку каждый раз, когда ее взгляд падал на точную копию ее собственной шляпы, украшавшую голову спутницы Хендерсона, сидящей в первом ряду. Трудно было не обратить на нее внимание.

- Теперь я знаю, откуда появилась идея этого сооружения, - вздохнула она грустно.

- Но почему она так сердится? Наоборот, она должна себя чувствовать польщенной.

- Вам, мужчинам, этого не понять. Пусть лучше украдет все мои драгоценности, но не трогает мою шляпу. А здесь шляпа к тому же важная деталь. Как часть ее образа. Вероятно, ее тайно скопировали; сомневаюсь, что она бы на это согласилась...

Он начал с интересом следить за выступлением.

Пение было безыскусно, как и бывает с настоящим искусством. Или как некоторые себе позволяют, и им это сходит с рук. Она пела по-испански, но и на этом языке текст не отличался излишней глубиной.

Чика-чика, бум-бум,
Чика-чика, бум-бум...

Припев без конца повторялся. При этом она делала большие глаза, танцевала и бросала цветы из висящей на руке корзины женщинам, сидящим в зале.

Она спела два куплета, и практически все женщины в трех первых рядах были одарены цветами. Кроме спутницы Хендерсона.

- Она специально меня не замечает, чтобы отомстить за шляпу, - прошептала она понимающе.

И действительно, каждый раз, когда актриса проплывала мимо них, ее глаза зловеще сверкали и из них только что не сыпались искры.

- Смотрите, сейчас я попрошу у нее цветок, - предупредила она, чтобы он не пропустил развлечение.

Она молитвенно сложила руки под подбородком. Намек был демонстративно проигнорирован. Тогда она умоляюще протянула руки.

Глаза на сцене сузились, как щелки, потом взгляд был отведен и вновь стал нормальным.

Неожиданно спутница Хендерсона щелкнула пальцами, резкий звук был слышен, несмотря на музыку. Взгляд вновь обратился к виновнице, прожигая ее бешеной злостью. В воздух полетел следующий цветок, но опять не для нее.

- Нет, я не сдамся, - услышал он упрямый шепот.

Она поднялась и встала у своего кресла, с улыбкой прося то, что ей хотелось получить.

Актриса оказалась во власти этой индивидуалистки, ей надо было любой ценой поддерживать в глазах публики образ любезного и очаровательного существа. Поведение спутницы Хендерсона имело еще одно непредвиденное последствие: когда актриса танцевальным шагом возвращалась на другой конец сцены, прожектор, послушно следовавший за ней, осветил голову одиноко стоящей в первом ряду партера фигуры. Теперь уже от общего внимания не могло укрыться, что шляпы одинаковые. Комментарий разбежался кругами, как вода вокруг брошенного камня.

Актриса капитулировала моментально. Цветок, вырванный при помощи шантажа, взлетел в воздух, описав элегантную дугу над прожекторами. Она сделала еще слабое движение рукой, будто извиняясь, но под маской любезности скрывалось тропическое бешенство, способное убить на расстоянии. Спутница Хендерсона ловко поймала цветок, пошевелила губами, как бы благодаря, но он сумел прочесть по ее губам:

- Спасибо, девка испанская!

Поверженная актриса медленно отступила за кулисы, кружась в ритме музыки, которая постепенно стихала, как стук колес исчезающего вдали поезда.

Зал сотрясаясь от аплодисментов. Две руки - вероятно, ассистента режиссера - с трудом удерживали за кулисами актрису, которая пыталась вырваться на сцену совсем не для того, чтобы поблагодарить зрителей. Было видно, как ее руки сжимаются в кулаки и трясутся в жажде мести. Потом прожекторы погасли, и начался следующий номер.

Когда занавес опустился в последний раз и они встали, Хендерсон бросил программку на сиденье своего кресла. Его удивило, что она подняла ее и сложила вместе со своей.

- Я их оставлю на память, - сказала она.

- Не думал, что вы сентиментальны, - заметил он, ведя ее по проходу, заполненному зрителями.

- Это даже не сентиментальность. Знаете, я люблю иногда снова пережить то, что когда-то сделала не раздумывая. И такие мелочи этому помогают.

Почему она говорит об этом? Что она имеет в виду? То, что пошла с ним, хотя и встретила его впервые? Вероятно, решил он. Когда они пробирались к такси сквозь толпу у входа, произошел неприятный эпизод. Они уже остановили такси, но еще не успели сесть, как появился слепой нищий, который с немым укором стоял рядом, чуть не упираясь ей в бок миской, в которую собирал подаяние. Кто-то в толпе случайно задел сигарету, которую она держала в руке, и горящий окурочек упал в его миску. Хендерсон увидел это, но, прежде чем успел что-то сделать, доверчивый бедняга сунул руку в миску и, обжегшись, резко отдернул ее. Хендерсон тут же сам выбросил из миски окурочек и подал нищему доллар.

- Простите, дружище, она нечаянно.

Пострадавший продолжал с несчастным видом дуть на обожженный палец, и Хендерсон добавил еще доллар, чтобы тот не подумал, что над ним хотели подшутить. Потом он открыл дверцу такси и сел рядом с ней. Она прокомментировала этот эпизод словами:

- Как это было трогательно!

Он еще не сказал водителю, куда ехать.

- Сколько времени? - спросила она.

- Без пятнадцати двенадцать.

- Может быть, возвратимся туда, где мы встретились? Выпьем по бокалу на прощанье и расстанемся. Вы пойдете своим путем, я - своим. Я люблю замкнутый круг.

Ему пришло в голову, что в центре круга пустота, но вслух он этого не сказал - это прозвучало бы недостаточно галантно.

В баре было гораздо больше народу, чем в шесть часов. Они пробились к свободному месту в конце стойки; она села, он встал рядом.

- За ваше здоровье и до свидания. Я рада, что встретила вас, - задумчиво сказала она, склонившись над бокалом.

- Рад слышать это.

Они выпили - он до дна, она лишь немного.

- Я ненадолго задержусь здесь, - сказала она тоном, не допускающим возражений, и подала ему руку.

- Спокойной ночи и счастья вам.

Они пожали друг другу руки.

Когда он уже уходил, она с упреком посмотрела на него и сказала:

- Теперь, когда вы настояли на своем, вам следует вернуться и помириться с ней.

Он удивленно посмотрел на нее.

- Мне с самого начала было ясно, что вас мучает, - сказала она спокойно.

На этом они расстались. Он направился к выходу, она вернулась к своему бокалу.

Конец приключения.

В дверях он обернулся. Она все еще сидела за стойкой бара, задумчиво опустив голову, и машинально вертела в руке бокал. Ярко-оранжевая шляпа виднелась в просвете в форме буквы «У» между двумя склоненными спинами, ярко-оранжевая шляпа в сигаретном дыму - нереальная, как сон, как несыгранный спектакль.

2. За сто пятьдесят дней до казни

Полночь

Через десять минут, преодолев расстояние в десять кварталов, он вышел из такси перед угловым домом. Сунув в карман сдачу, которую ему дал таксист, он открыл своим ключом дверь и вошел в вестибюль. Какой-то маленький человечек, видимо, ожидал кого-то, бесцельно прохаживаясь взад и вперед; он был не из этого дома, по крайней мере Хендерсон его никогда раньше не видел. Лифт он не вызывал - кнопка не горела.

Хендерсон обошел человека, не обращая на него внимания, и нажал кнопку лифта.

Незнакомец тем временем рассматривал картинку на стене вестибюля со вниманием, которого не заслуживали ее художественные достоинства. Он демонстративно повернулся спиной к Хендерсону и старался не замечать его. Вероятно, у него совесть не чиста, если он отворачивается, подумал Хендерсон, наверное, ждет кого-то, рядом с кем ему не следовало бы показываться.

Потом Хендерсон решил: «А мне что до этого? Зачем я ломаю над этим голову?» Спустился лифт, и Хендерсон вошел в кабину. Тяжелые металлические двери закрылись сами. Он нажал кнопку «6» - верхний этаж. Лифт двинулся, и через стеклянный ромб дверей Хендерсон увидел, что человечек, видимо, рассердившись, что его знакомый или знакомая не появляются, прекратил изучать картинку и направился к телефону. Впрочем, это его не касалось.

Он вышел из лифта на шестом этаже. В коридоре было тихо, слышался только звон монет в его кармане, когда он искал ключ. Он открыл дверь своей квартиры, первой справа от лифта. Свет в прихожей не горел, за дверью было темно, как в могиле. Он глубоко вздохнул со смешанным чувством презрения и недоверия, щелкнул выключателем, и маленькая прихожая осветилась. Но освещен был только ее маленький куб, за дверью в противоположной стене по-прежнему была непроницаемая тьма.

Закрыв дверь, он бросил пальто и шляпу на стул. Тишина и темнота действовали ему на нервы. На его лице снова появилось упрямое недовольство.

Повернувшись к двери, он позвал:

- Марселла! - Его голос звучал властно и несколько враждебно.

Он вошел в комнату, продолжая говорить резким тоном:

- Ну и что дальше? Не пора ли прекратить? Я знаю, что ты не спишь, не считай меня дураком. Я видел с улицы, что у тебя в спальне горел свет. Веди себя разумно, так мы никогда не договоримся!

Ответа не было. Он двинулся в темноте к выключателю, ворча уже не так решительно:

- Ты же не спишь, а, как только услышишь, что я иду, притворяешься. Опять не желаешь серьезно поговорить?

Он протянул руку, но, прежде чем прикоснулся к выключателю, раздался щелчок и свет неожиданно залил комнату. Он увидел, как другая рука удаляется от выключателя. Это была рука незнакомого мужчины.

Он испуганно дернулся и увидел, что с другой стороны на него смотрит второй человек. Повернувшись назад, он увидел третьего. Эти трое стояли неподвижно, как статуи, окружив его.

Его настолько вывело из равновесия неожиданное появление этих неподвижных, молчаливых фигур, напоминающих покойников, что в отчаянии он стал искать глазами знакомые предметы, желая убедиться, что находится в своей квартире. Наконец его взгляд остановился на кобальтовой лампе, стоящей на столике у стены. Это была его лампа. Потом он увидел кресло в углу комнаты. Это было его кресло. Потом - рамку, стоящую на комод: фотография девушки с копной кудрявых волос и его собственная фотография. Лица на снимках были направлены в противоположные стороны, как будто отвернулись друг от друга. Он был в своей квартире.

Он заговорил первым. Они, кажется, не начали бы говорить до второго пришествия.

- Что вам нужно в моей квартире? - резко спросил он.

Никто не ответил.

- Кто вы такие?

Опять нет ответа.

- Что вы здесь ищете? Как вы сюда попали?

Он снова позвал ее, теперь с вопросительной интонацией, как будто хотел, чтобы она объяснила их присутствие в квартире. Двери, к которым он повернул голову, не отворились, таинственные и непроницаемые.

Наконец один из них заговорил:

- Вы Скотт Хендерсон?

Круг, в центре которого он находился, немного сузился.

- Да, это мое имя. - Он не мог оторвать глаз от двери, которая не открывалась. - Что происходит? Что случилось?

С упорством, которое его бесило, они задавали свои вопросы, не отвечая ему.

- Вы живете в этой квартире?

- Конечно, я у себя дома.

- Вы муж Марселлы Хендерсон?

- Да! Объясните наконец, что означает эта комедия?

Один из них что-то показал ему, но Хендерсон не разглядел что. Только позже он понял, что это было.

Он попытался пройти к двери, но один из мужчин преградил ему путь.

- Где она? Она ушла?

- Она не ушла, мистер Хендерсон, - тихо ответил мужчина.

- Так почему же она не выходит? - От волнения он заговорил очень громко. - Объясните, что происходит?

- Она не может выйти, мистер Хендерсон.

- Минутку! Что это вы мне показывали? Полицейский значок?

- Спокойно, мистер Хендерсон.

Теперь все четверо как будто исполняли общий танец. Он сделал шаг в сторону, и они преградили ему путь, он попытался обойти их с другой стороны, и они снова преградили путь.

- Как я могу быть спокоен, не зная, что случилось? В квартиру кто-нибудь забрался? Случилось несчастье? Она попала под машину? Не трогайте меня. Я хочу сам посмотреть.

Но сила была на их стороне. Он вырывался из одних рук, и его хватали другие. Он уже терял самообладание, и все это грозило перерасти в кулачный бой.

- Это моя квартира! Я здесь живу! Вы не имеете права так со мной обращаться! Почему вы не пускаете меня в спальню моей жены...

Неожиданно они его отпустили. Один из них кивнул тому, что стоял у двери, и сказал:

- Хорошо. Джо, пусти его.

Они сразу же отпустили его, и он чуть не потерял равновесия. Он вошел в комнату, обставленную изящной мебелью, в комнату, предназначенную для наслаждения. Все было в серебристо-голубых тонах, в воздухе витал хорошо знакомый ему запах. Кукла в широкой юбке из голубого шелка, сидевшая на туалетном столике, смотрела на него широко раскрытыми глазами; одна хрустальная подвеска с голубого шелкового абажура упала ей на колени. Обе постели были застелены голубыми покрывалами.

Одна постель была абсолютно гладкой, на другой под одеялом вырисовывалось тело, прикрытое с головы до ног; только сверху виднелось несколько волнистых прядей, напоминающих пену бронзового цвета.

Он остановился как вкопанный. Лицо его побледнело от ужаса.

- Она... что она с собой сделала? Сумасшедшая!... - Он испуганно взглянул на туалетный столик между кроватями, но там не было никаких флакончиков или коробочек из-под таблеток.

Неуверенными шагами он подошел к постели, наклонился, коснулся одеяла, потом через одеяло взял ее за плечо и стал трясти:

- Марселла, что с тобой?

Они вошли в спальню вслед за ним. У него было ощущение, что они внимательно следят за его действиями и оценивают их. Но сейчас все его внимание было поглощено ею.

Три пары глаз следили за ним от дверей. Следили, как он берет за угол покрывало из голубого шелка и отгибает его.

То, что он увидел, было ужасно, невероятно - она смеялась. Окоченевший труп смеялся над своей шуткой. Ее волосы рассыпались по подушке вокруг головы, как раскрытый веер.

Чужие руки снова прикоснулись к нему и медленно, шаг за шагом тянули его от постели. Из поля его зрения исчезли блеск голубого шелка и женщина. Полностью, навсегда.

- Этого я не хотел, - сказал он надломленным голосом. - Я не этого добивался...

Три пары глаз понимающе переглянулись; его слова были зафиксированы.

Его отвели в другую комнату, к дивану. Когда он сел, один из мужчин закрыл дверь.

Он сидел спокойно, прикрыв рукой глаза, как будто ему мешал яркий свет. Они, казалось, не обращали на него внимания. Один стоял у окна и смотрел в пустоту. Второй, стоя у столика, листал какой-то журнал. Третий сидел напротив, но не смотрел на него, он пытался вытащить что-то из-под ногтя, и это занятие, казалось, было для него сейчас самым важным.

Через минуту Хендерсон отвел руку от глаз.

Его взгляд остановился на ее фотографии рядом с его собственной. Он протянул руку и перевернул их, чтобы не видеть.

Три пары глаз понимающе переглянулись.

Молчание начинало невыносимо давить, как свинцовая крышка. Наконец тот, что сидел напротив, заговорил:

- Нам придется с вами побеседовать.

- Вы бы не могли немного подождать? - Слабо оборонялся он. - Мне как-то не по себе...

Мужчина, сидящий на стуле, понимающе кивнул. Тот, что стоял у окна, по-прежнему смотрел в пустоту. Третий продолжал листать дамский журнал. Наконец Хендерсон, протерев ладонями глаза, сказал серьезно:

- Все в порядке, можете начинать.

Все началось незаметно - так, пустой разговор; казалось, они просто тактично ведут беседу, во время которой выясняются общие сведения.

- Сколько вам лет, мистер Хендерсон?

- Тридцать два.

- А ей?
- Двадцать девять.
- Сколько лет вы женаты?
- Пять.
- Ваша профессия?
- Я биржевой маклер.
- Во сколько вы ушли вчера вечером, мистер Хендерсон?
- В полшестого - шесть.
- Точнее не можете вспомнить?
- Конечно, я могу уточнить. Но когда точно, минута в минуту, закрыл дверь, сказать не могу. От без пятнадцати до без пяти шесть. Помню, что пробило шесть, когда я был на углу, там слышен бой с часовни на соседней улице.
- Хорошо. Вы уже поужинали?
- Нет. - Он секунду помолчал и повторил: - Нет, тогда я еще не ужинал.
- Значит, вы где-то поужинали позже?
- Да.
- Вы ужинали один?
- Я поужинал в городе, без жены.
Мужчина у столика закрыл журнал. Тот, что стоял у окна, перестал рассматривать пустоту. Сидящий на стуле мужчина тактично, будто боясь обидеть его, спросил:
- Это было, вероятно, необычно, что вы ужинали в городе без жены?
- Да.
- Почему так случилось в этот вечер? - Детектив не смотрел на него, сосредоточившись на сигарете, с которой стряхивал пепел в стоящую рядом пепельницу.
- Мы договорились пойти ужинать вместе, но в последний момент она стала жаловаться, что плохо себя чувствует, что у нее болит голова... Короче, я пошел один.
- Не было ли между вами ссоры? - Вопрос был задан очень тихо.
Хендерсон ответил так же тихо:
- Конечно, мы наговорили друг другу много неприятного. Знаете, как это бывает...
- Ясно. - Детектив производил впечатление человека, отлично разбирающегося в мелких домашних ссорах. - Но ничего серьезного между вами не произошло?
- Ничего, что заставило бы ее это сделать, если я правильно понял намек. - Он помолчал, потом, как будто что-то поняв, спросил: - Что с ней, собственно, случилось? Вы мне так и не сказали.
Двери открылись, и Хендерсон умолк. Как загипнотизированный, смотрел он на двери спальни, пока они вновь не закрылись; потом попытался встать. Что они от него хотят? Кто они такие? Что они делают в его квартире?
Мужчина встал со стула, подошел к Хендерсону и положил ему руку на плечо. Это выглядело, как сочувственный жест.
Другой мужчина, стоящий у окна, взглянул на него и сказал:
- Вы очень нервничаете, мистер Хендерсон.
Врожденное чувство собственного достоинства пришло Хендерсону на помощь:
- Как я могу быть спокойным? - сказал он с горечью. - Ведь я только что обнаружил, что моя жена мертва.
Человеку у окна нечего было на это возразить.
Двери спальни вновь открылись. Оттуда донеслись звуки, как будто тащили что-то тяжелое. Глаза Хендерсона расширились, он резко встал. Что они с ней делают? Тянут, как мешок картошки... И ее прекрасные волосы волочат по полу... Она так за ними ухаживала...
Его опять держали так, что он не мог двинуться. Двери в коридор закрылись. Из пустой спальни донесся запах, как бы говорящий: «Помнишь? Помнишь, как ты меня любил?»
Он упал на диван и закрыл лицо руками. Было слышно его прерывистое дыхание. Наконец, опустив руки на колени, он сказал с выражением удивления и бессилия:
- Я не думал, что мужчина способен плакать, а сейчас плакал сам...

Детектив, который до этого сидел на стуле, подал ему сигарету и даже зажег спичку. Говорить было уже как будто не о чем, допрос не возобновился. Шла беседа ни о чем, просто чтобы убить время.

- Вы очень элегантно одеваетесь, мистер Хендерсон, - казалось бы, без всякой связи сказал один из них.

Хендерсон недовольно посмотрел на него и ничего не ответил.

- Все, что на вас надето, очень хорошо сочетается.

- Да, это настоящее искусство, - прокомментировал тот, что просматривал журнал.

- Носки, рубашка, даже платок в кармане... - заметил тот, что стоял у окна. - Все, кроме галстука.

- Это вас так занимает? - утомленно упрекнул их Хендерсон.

- Сюда подошел бы синий галстук. Все остальное на вас синего цвета. Я не очень придерживаюсь моды, но, глядя на вас, не могу удержаться... - И детектив добавил с невинным видом: - Как это вы не обратили внимания на такую важную деталь, как галстук? У вас нет синего галстука?

Голос Хендерсона звучал почти умоляюще:

- О чем вы меня спрашиваете? Неужели вы не понимаете, что я не могу сейчас говорить о таких пустяках...

Детектив повторил вопрос тем же бесцветным голосом:

- У вас нет синего галстука, мистер Хендерсон? Хендерсон схватился за голову.

- Вы хотите свести меня с ума? - спросил он тихо, не в силах больше выносить эти пустые разговоры. - Разумеется, у меня есть синий галстук. Он, наверное, в шкафу на вешалке.

- Как же вы его там оставили, если так тщательно одевались? Он просто необходим к вашему костюму. - Детектив сделал обезоруживающий жест рукой. - Может быть, вы его надели, а потом, в последнюю минуту, передумали и переменили?

Хендерсон спросил:

- Неужели это так важно? Почему вы все время об этом говорите? - Он повысил голос: - Моя жена мертва, я сам не свой, а вы интересуетесь галстуком!

Но вопросы сыпались один за другим - монотонно, как капли воды, падающие на голову.

- Вы точно знаете, что не надели сначала тот галстук?

Он ответил сдавленным голосом:

- Конечно, точно. Он должен быть в шкафу.

Детектив бесхитростно заявил:

- На вешалке его нет. Поэтому я вас о нем спрашиваю. Мы нашли вешалку для галстуков. Один крючок там свободен, самый нижний. Остальные галстуки его полностью закрывают. Понимаете, если галстук вытащили из-под других, значит, первоначально выбрали именно его. Если бы вы взяли галстук случайно, то надели бы тот, что висит сверху. Не могу понять, почему вы, подняв все остальные и выбрав самый нижний галстук, вдруг передумали и решили пойти в том, в котором были целый день на работе и который не подходит к вечернему костюму?

Хендерсон сжал руками голову, вскочил и прохрипел:

- Я больше этого не выдержу. Или вы мне скажете, в чем дело, или прекратите! Если его нет на вешалке, то где он? Скажите, если знаете! И вообще, какое имеет значение, где он?

- Это имеет очень большое значение, мистер Хендерсон.

После этих слов воцарилось длительное молчание.

Хендерсон побледнел.

- Дело в том, что галстук затянут вокруг шеи вашей жены. Она задушена.

3. За сто сорок девять дней до казни

Раннее утро

Были заданы еще тысячи вопросов до того, как первые лучи солнца изменили атмосферу в комнате. Комната выглядела, как после затянувшейся до утра вечеринки: окурки торчали из всех посудин, многие из которых не были предназначены для этого. Лампа кобальтового стекла до сих пор светила, поблекший электрический свет производил странное впечатление. Стояли на прежнем месте и обе фотографии.

Все выглядели и вели себя, как после вечеринки: сняли пиджаки, расстегнули воротнички. Один из них пошел в ванну - освежиться холодной водой. Через открытые двери было слышно, как он отфыркивается. Двое других продолжали курить, их глаза беспокойно бегали с предмета на предмет. Только Хендерсон неподвижно сидел всю ночь на диване. У него было ощущение, что он сидит так всю жизнь; он не мог представить себя где-нибудь в другом месте, кроме этой комнаты.

Мужчина, вышедший из ванной, его звали Бёджес, появился в дверях. Он стряхнул воду с волос.

- Где у вас полотенца? - спросил он Хендерсона, как о чем-то само собой разумеющемся.

- Не знаю, - печально сказал Хендерсон. - Она мне приносила, когда мне было нужно. Где они лежат, я до сих пор не знаю.

Детектив беспомощно огляделся, капли воды все стекали с его волос.

- Можно, я вытрусь занавеской душа? - спросил он.

- Конечно, - позволил Хендерсон.

Все началось снова. Всегда все начиналось снова, когда казалось, что уже пришел конец.

- Дело ведь не в билетах в театр. Почему вы пытаетесь нас убедить, что дело было только в них?

Он поднял глаза на говорящего - тот не смотрел на него. Он привык, чтобы люди смотрели в глаза тому, к кому обращаются.

Вопрос задал человек, который на него не смотрел.

- Потому что дело было именно в них. Что вы хотите услышать? Вы не знаете, что люди ссорятся из-за билетов в театр? Такое иногда случается.

Другой сказал:

- Кончайте, Хендерсон. Как ее зовут?

- Кого?

- Я бы на вашем месте не начинал все снова, - недовольно заметил тот, кто задал вопрос. - А то мы опять вернемся к тому, о чем говорили два с половиной часа назад. Как ее зовут?

Хендерсон с измученным видом запустил пальцы в волосы и опустил голову.

Бёджес вышел из ванной, заправляя сорочку за пояс брюк. Он вынул из кармана часы, надел на руку, посмотрел на циферблат и исчез в прихожей, вероятно, пошел к телефонному аппарату. В комнату донесся его голос:

- Можно, Тильней.

Никто не обратил на это внимания, тем более Хендерсон, тупо уставившийся на ковер, стараясь держать глаза открытыми. Бёджес вошел в комнату и прохаживался из угла в угол, будто не знал, чем себя занять. Наконец он подошел к окну и поднял шторы, чтобы внутрь проникло больше света. На подоконнике сидела птица и заговорщически кивала головой. Бёджес сказал:

- Подойдите сюда на минутку, Хендерсон. Вы не знаете, что это за птица?

Хендерсон не встал в ответ на его просьбу, и Бёджес настойчиво сказал:

- Идите скорее, пока она не улетела.

Хендерсон встал, сделал несколько шагов к окну и остановился рядом с Бёджесом, повернувшись спиной к дверям.

- Воробей, - коротко сказал он, смерив детектива взглядом: тебе не это нужно.

- Я тоже так подумал, - заявил Бёджес и добавил: - У вас отсюда прекрасный вид.

- Дарю его вам вместе с птицами, - горько бросил Хендерсон.

Он повернулся и встал как вкопанный. На диване сидела девушка. Она вошла совершенно бесшумно, не скрипнув дверью и не зашуршав платьем.

Трое мужчин внимательно следили за его лицом. Он взял себя в руки. Ни один мускул не дрогнул на его лице, которое казалось окаменевшим.

Они смотрели друг на друга. Она была красива - выразительный англосаксонский тип с голубыми глазами и волосами шоколадного цвета, уложенными в гладкую прическу. Пробор был четкий, как у мужчины. На плечи было наброшено пальто из верблюжьей шерсти, пустые рукава бессильно висели вдоль тела. Шляпы на ней не было, в руках она держала сумочку. Она была молода, в том возрасте, когда девушки еще верят в любовь и мужчин. Возможно, у нее эта вера сохранится до конца дней; кажется, она была идеалисткой. Это было видно по тому, как она смотрела на него: в глазах ее горел огонь.

Он облизал пересохшие губы и слегка кивнул, как бы приветствуя кого-то, с кем едва знаком, чье имя не может вспомнить, но кого не хочет обидеть невниманием.

Бёджес дал своим людям знак, и они вдруг остались одни, никого, кроме них, в комнате не было. Хендерсон попытался остановить ее жестом, но было поздно. Пальто осталось лежать на диване, а девушка бросилась к Хендерсону.

Он попытался отстраниться от нее:

- Перестань. Ты должна быть осторожна. Они только этого и ждут. Наверняка они слышат каждое слово...

- Мне нечего бояться. - Она взяла его за руки. - А тебе? Ты должен мне все рассказать.

- В течение шести часов я делал все, чтобы не впутывать тебя в это дело. Как они тебя нашли? Я дал бы отрубить себе руку, только бы тебя не вmeshивали в это дело.

- Но я не хочу избегать ничего, в чем замешан ты. Ты меня плохо знаешь.

Он не мог ответить, потому что она его поцеловала. Потом он сказал:

- Ты меня целуешь, а сама еще не убедилась, что я...

- Нет, я не могла так ошибиться. Если бы это было так, значит, мое сердце сошло с ума. А мое сердце не ошибается.

- Скажи ему, что я очень рад, - печально поблагодарил он, - Я не испытывал ненависти к Марселле. Просто я ее недостаточно любил, чтобы оставаться с ней. Но убить ее я бы не смог. Думаю, я никого не мог бы убить, даже мужчину...

Она положила голову ему на грудь. Это был жест благодарности, которую нельзя выразить словами.

- Мне этого можешь не говорить. Я же видела, какое у тебя было лицо, когда мы встретили на улице бродячую собаку. Или когда мы увидели ту ломовую лошадь у тротуара... Сейчас не время это вспоминать... Как ты думаешь - почему я тебя люблю? Конечно, не потому, что ты такой красивый.

Он улыбнулся и погладил ее волосы.

- Я люблю тебя за то, что скрыто глубоко внутри, и никто, кроме меня, этого не видит. В тебе столько доброты! Только я знаю тебя. - Она подняла голову. В глазах ее были слезы.

- Не плачь! - утешил он ее. - Я не стою твоих слез.

- Я лучше знаю, не учи меня, - упрекнула она его. Она посмотрела на закрытые двери, свет в ее глазах погас. - А что они? Они думают, что?...

- Думаю, они еще не решили. Иначе они не держали бы меня здесь всю ночь. Как они впутали в это тебя?

- Когда я вчера вернулась домой, то узнала, что ты мне звонил в шесть вечера. Я не могла лечь, не узнав, как у тебя дела, и около одиннадцати позвонила тебе. Они уже были здесь и сразу послали своего человека поговорить со мной. С тех пор один из них все время находится около меня.

- И это их методы - всю ночь продержат тебя здесь! - возмутился он.

- Разве я могла бы уснуть, зная, что ты попал в беду? - Она погладила его по щеке. - Для меня важно только одно, все остальное глупости. Все выяснится, должно все выясниться. Они же должны найти того, кто это сделал, что ты им сказал?

- О нас с тобой? Ни слова. Я старался не вmeshивать в это тебя.

- Может быть, в этом и была проблема. Они поняли, что ты что-то скрываешь. Раз уж они все равно обо мне знают, не лучше ли им все рассказать, как ты думаешь? Нам нечего стыдиться и нечего бояться. Чем раньше скажем, тем лучше. По крайней мере оставят тебя в покое. Все равно по нашему поведению они должны были понять, что мы...

Она не договорила.

В комнату вернулся Бёджес. Вид у него был довольный, как у человека, достигшего своей цели. Двое других вошли за ним, и Хендерсон обратил внимание, что с одним из них он заговорщически переглянулся.

- Внизу ждет машина, мисс Ричман, вас отвезут домой.

Хендерсон бросился к нему:

- Не вмешивайте в это мисс Ричман! Это непорядочно! Она не имеет ничего общего...

- Все зависит только от вас, - остановил его Бёджес. - Мы ее сюда привезли, только чтобы напомнить вам...

- Я вам все расскажу, все, что знаю, - обещал Хендерсон. - Только вы должны поручиться, что ей не будут надоедать репортеры, что ее имя не будут трепать в газетах.

- Но вы должны говорить правду, - предупредил его Бёджес.

- Можете быть уверены. - Он повернулся к ней и мягко сказал: - Поезжай домой, Кэрл. И не беспокойся, скоро все выяснится.

Она поцеловала его при всех, гордая чувством, которое он в ней пробудил.

- Сообщи мне сразу же, как только сможешь, хорошо бы уже сегодня!

Бёджес проводил ее до дверей и сказал стоявшему там полицейскому:

- Скажите Тильнею, чтобы мисс Ричман не надоедали. Пусть не дает никакой информации о ней.

- Спасибо, - благодарно сказал Хендерсон, когда Бёджес вернулся в комнату. - Вы настоящий мужчина.

У детектива был непроницаемый взгляд. Он сел, вынул блокнот, перечеркнул несколько исписанных страниц, открыл чистую и спросил:

- Начнем?

- Можно, - согласился Хендерсон.

- Вы сказали, что поссорились с женой. От этого вы не отказываетесь?

- Нет.

- Из-за билетов в театр. На этом вы тоже настаиваете?

- Из-за билетов в театр и развода. На этом настаиваю.

- Это уже ближе к истине. Какие у вас были отношения? Плохие?

- Никаких - ни хороших, ни плохих. Я бы сказал, что мы надоели друг другу. Я уже раньше просил ее дать мне развод. Она знала о мисс Ричман. Я ей рассказал все, ничего не скрывая. Я думал, что мы договоримся по-хорошему, но она не соглашалась на развод. Просто уйти не имело смысла, и я этого не хотел. Мы с мисс Ричман хотели пожениться. Мы избегали друг друга, насколько это было возможно. Я больше не мог так. Обязательно об этом рассказывать?

- Это очень существенно.

- Позавчера вечером я серьезно поговорил с мисс Ричман. Она знала, как мне трудно, и хотела сама поговорить с моей женой. Я был против, и она убедила меня, чтобы я поговорил сам. Вот ее точные слова: «Попытайся сделать это по-другому. Поговори с ней спокойно, убеди ее». Я знал, что это не поможет, но согласился. По телефону с работы я заказал столик на двоих в ресторане, куда мы раньше часто ходили. Купил два билета в театр, в первый ряд в центре. Из-за этого я, даже не приняв приглашение лучшего друга, который устраивал прощальную вечеринку. Его зовут Джон Ломбард, он уехал на несколько лет в Южную Америку; это была последняя возможность попрощаться с ним перед отъездом. Но ничего нельзя было поделать, я хотел осуществить свой план и должен был быть с ней любезным.

Но когда я пришел домой, ничего не получилось. Она не шла на соглашение. Ее устраивала такая жизнь, и она ничего не хотела менять. Признаюсь, меня это рассердило. Я взорвался. Она молчала до последней минуты. Ждала, когда я приму душ и оденусь. Потом села и начала смеяться: «Почему бы тебе лучше не пригласить ее?» Она издевалась надо мной: «Зачем выбрасывать деньги на ветер?»

В конце концов я позвонил прямо отсюда мисс Ричман. Но ее не было дома. Марселла смеялась надо мной и даже не пыталась это скрывать. Вы знаете, каково это, когда женщина смеется вам в лицо? Кажешься себе клоуном. Я был взбешен и перестал владеть собой. Я крикнул: «Я приглашу вместо тебя первую встречную! Первую юбку, которую встречу, кто бы она ни была!» Потом я схватил шляпу и хлопнул дверью. - Он помолчал. - Это все. Больше я ничего не могу сказать, даже если бы хотел. Потому что это правда, а правду не приукрасишь.

- А потом... все было так, как вы сказали раньше? - спросил Бёджес.

- Все. Но я был не один. Я сделал так, как сказал жене. Встретил какую-то женщину и пригласил ее. Она приняла приглашение, и мы провели вместе весь вечер. Расстались мы за десять минут до того, как я вернулся домой.

- В котором часу вы с ней встретились?

- Сразу же после того, как ушел из дома. Зайдя в бар на Пятидесятой улице, я увидел ее. - Он сделал неопределенное движение рукой. - Минутку, я могу сказать точно, когда встретился с ней. Мы оба посмотрели на часы, когда я показал ей билеты. Было шесть часов десять минут.

Бёджес сжал пальцами нижнюю губу:

- В каком баре это было?

- Я помню только, что там над входом была неоновая вывеска, она все время вспыхивала и гасла.

- Вы можете доказать, что были там сразу после шести?

- Я же вам сказал. Почему это так важно?

Бёджес медленно проговорил:

- Я мог бы от вас это скрыть, но я, наверное, ненормальный. Скажу вам прямо: ваша жена была убита в шесть часов восемь минут. Часы, которые были у нее на руке, разбились о край туалетного столика, когда она упала. Они показывали точно шесть часов восемь минут пятнадцать секунд. А ни одно существо на двух ногах или даже на двух крыльях не могло бы так быстро добраться до Пятидесятой улицы - всего лишь за одну минуту и сорок пять секунд. Достаточно доказать, что вы были в баре в шесть десять, и с вас будет снято подозрение.

- Но я же вам это говорю, я смотрел на часы.

- Это не доказательство, а неподтвержденное заявление.

- А что вы считаете доказательством?

- Когда кто-нибудь подтвердит ваши слова.

- А почему я должен это доказывать? Почему не наоборот?

- Потому что пока дело выглядит так, что никто, кроме вас, ее убить не мог. Иначе зачем мы сидели бы здесь всю ночь...

Хендерсон бессильно опустил руки.

- Теперь понятно, - вздохнул он. - Понятно.

Воцарилось молчание. Наконец раздался голос Бёджеса:

- Женщина, которая, как вы утверждаете, была с вами в баре, сможет подтвердить, во сколько это было?

- Конечно. Она посмотрела на часы одновременно со мной. Она наверняка это вспомнит и подтвердит.

- Ну, хорошо. Этого достаточно. Конечно, если она будет говорить правду. Где она живет?

- Не знаю. Мы расстались там же, где встретились, в том же баре.

- А как ее зовут?

- Не знаю. Я не спросил, а она не представилась.

- Не назвала даже имени? Вы провели вместе шесть часов, вы должны были как-то обращаться к ней.

- Мы никак не обращались друг к другу, - ответил он подавленно.

Бёджес снова вынул блокнот.

- Ну, неважно. Опишите её по крайней мере. Нам придется самим разыскивать.

Последовало долгое молчание.

- Так как? - спросил наконец Бёджес.

Хендерсон заметно побледнел.

- Господи, я не помню, как она выглядела, - проговорил он. - Я не могу вспомнить, она полностью вылетела у меня из головы. Вчера, сразу как вернулся, я, может быть, еще смог бы ее описать, а сейчас не могу. Это было слишком сильное потрясение- смерть Марселлы... А потом вы меня всю ночь допрашивали. Это как испорченный снимок. Я не очень ее рассматривал, голова у меня была забита своими проблемами. - Он переводил взгляд с одного детектива на другого, в поисках поддержки. - Она совсем вылетела у меня из головы.

Бёджес пытался помочь ему:

- Не спешите. Времени достаточно. Подумайте хорошенько. Вспомните, какие у нее были глаза?

Хендерсон отчаянно сжал кулаки.

- Не можете вспомнить? Ну, а волосы, какие были волосы? Какого цвета?

Он закрыл глаза руками:

- Не знаю. Иногда мне кажется, что светлые, иногда - темные. Наверное, что-то среднее. Тем более что волосы были закрыты шляпой. - В его глазах мелькнул луч надежды. - Шляпу я очень хорошо помню. Оранжевого цвета, если вам это поможет. Да, оранжевая, я точно знаю.

- Но шляпу она сняла и, возможно, полгода не наденет. Что нам проку от этой шляпы? Не могли бы вы вспомнить что-то, что касается ее самой?

Хендерсон в отчаянии тер виски, и было видно, что он усиленно пытается вспомнить.

- Она была полная? Худощавая? Высокая? Маленькая? - спрашивал Бёджес.

- Я не могу вспомнить. Что мне делать?

- Вы нас водите за нос! - вмешался в допрос другой детектив. - Ведь это же было вчера, а не неделю назад!

- У меня всегда была плохая память на лица, даже при нормальных обстоятельствах. У нее было лицо, как будто...

- Надеюсь, вы нас не разыгрываете.

Хендерсон все больше и больше запутывался. Его ошибкой было то, что он размышлял вслух, вместо того чтобы обдумать слова.

- Она выглядела, как все женщины. Больше я ничего не могу сказать...

На этом допрос закончился. Лицо Бёджеса стало как каменное, видно было, что он еле сдерживается. Он надел плащ, поправил галстук и сказал рассерженно:

- Идемте, уже пора, мы здесь потеряли достаточно времени.

У выхода он смерил Хендерсона жестким взглядом и сказал:

- За кого вы нас принимаете? Думаете, с нами можно играть в кошки-мышки? Целый вечер, шесть часов вы провели в обществе женщины и утром не можете описать ее. Вы сидели напротив нее в баре, в ресторане, в такси и вместо лица помните какое-то пустое место под оранжевой шляпой? Думаете, мы это проглотим? Вы описываете какой-то призрак, фантом без имени, фигуры, роста, глаз, волос, словом, без всего, что есть у каждой женщины, и полагаете, что мы поверим, что вы были с ней, а не дома с женой, которая была убита в это время! Десятилетний ребенок поймет, что вы говорите неправду. По-моему, есть две возможности: вы выдумали эту женщину, или, как мне кажется, вы ее увидели вечером и теперь пытаетесь убедить нас, что она была с вами, хотя отлично знаете, что это неправда. И специально описываете ее так, чтобы не за что было ухватиться.

- Вставайте, пойдём, - приказал один из детективов резким голосом. - Бёджес не часто выходит из себя, но если вы его выведете - берегитесь.

- Я арестован? - спросил Хендерсон Бёджеса, вставая и направляясь к дверям, в то время как другой детектив крепко держал его за локоть.

Бёджес не ответил прямо. Ответ был понятен из распоряжения, которое он дал третьему детективу, выходя из комнаты:

- Погаси лампу, запри двери. Здесь долго никого не будет.

4. За сто сорок девять дней до казни

Шесть часов вечера

Машина стояла за углом. Начали бить куранты невидимой отсюда башни.

- Наконец-то, - с облегчением сказал Бёджес.

Им пришлось ждать этого около десяти минут, мотор они оставили включенным.

Хендерсон - не свободный и не арестованный - сидел сзади между Бёджесом и детективом из полицейского управления, которые допрашивали его ночью.

Третий, которого звали Додж, стоял с самовлюбленным видом рядом с машиной.

Был такой же вечер, как вчера: время свиданий, подкрашенное на западе небо, куда-то спешащие люди. Хендерсон, сидящий между двумя полицейскими, не двигался. Он понял, как круто может измениться человеческая судьба за каких-то несколько часов.

Дом, в котором он жил, находился рядом, достаточно было пройти вдоль фасада, чтобы увидеть вход. Но теперь это был не его дом. Теперь он жил в камере предварительного заключения, в здании рядом с полицейским управлением.

Его голос звучал глухо.

- Это было недалеко от магазина, - сказал он Бёджесу. - Когда начали бить часы, я шел мимо этой витрины. Я вспоминаю, когда снова вижу все и слышу бой часов.

Бёджес дал знак детективу, стоящему рядом с машиной.

- Вернись к этой витрине и проверь, Додж. Да, отсюда. Начинай.

Бёджес нажал на кнопку секундомера.

Додж, долговязый, рыжий детина, пошел по тротуару, а машина поехала за ним, держась рядом.

У Доджа был очень важный вид; он шел неестественной походкой.

- Он идет в таком же темпе, как вы? - спросил Бёджес.

- Думаю, я шел немного быстрее, - ответил Хендерсон. - Я заметил, что всегда хожу быстро, когда разозлюсь, а вчера я был очень рассержен.

- Добавь темп, Додж! - велел Бёджес помощнику.

Долговязый слегка увеличил темп.

Прозвучал последний удар часов,

Они приблизились к перекрестку. Красный свет остановил машину, но не пешеходов. Вчера Хендерсон не обратил внимания на светофор. Машина догнала Доджа в середине следующего квартала. Они оказались на Пятидесятой улице, Проехали квартал, еще один.

- Вы увидели его?

- Нет. Или не узнал. Вчера тротуар перед баром выглядел так, будто залит красной краской.

Третий квартал, четвертый.

- Нет, это не то.

Бёджес предупредил его:

- Будьте внимательны. Если вы будете водить нас за нос, ваше теоретическое алиби не поможет. Наверняка мы уже проехали мимо этого бара, прошло восемь с половиной минут.

- Раз вы мне не верите, то все это не поможет, - констатировал Хендерсон.

- Мы можем замерить время, которое потребовалось вам для того, чтобы преодолеть расстояние между двумя этими точками, - вмешался в разговор сидящий с другой стороны детектив. - Может быть, таким образом, мы определим, когда вы туда пришли.

- Девять минут! - проворчал Бёджес.

Хендерсон следил за медленно проплывающими мимо фасадами домов.

Какая-то вывеска проплыла назад за окошком машины, бесцветные неоновые трубки не горели. Он резко повернулся:

- Это здесь! Только реклама не горит. «Ансельмо» - так назывался бар. Точно. Иностранное имя...

- Стой, Додж! - крикнул Бёджес и нажал на кнопку секундомера. - Девять минут десять с половиной секунд, - объявил он. - Допустим, десять с половиной - на случай, если на улицах было

больше народу и вам приходилось пробираться сквозь толпу. А чистых девять минут пешком от дома до бара. Добавим минуту на дорогу от дома до первого перекрестка, где вас застал бой часов. Итак, это возможно. - Бёджес повернулся к Хендерсону и посмотрел ему в глаза: - Теперь вам достаточно доказать, что вы пришли в бар самое позднее в восемнадцать часов семнадцать минут, и с вас будет снято обвинение.

Хендерсон ответил:

- Я могу доказать, что был там уже в восемнадцать шестнадцать, только нужно найти эту женщину.

Бёджес открыл дверцу машины и приказал:

- Идемте.

- Вы когда-нибудь видели этого человека? - спросил Бёджес бармена.

Бармен очень неохотно ответил:

- Его лицо мне кажется знакомым, но я вижу множество людей. - Он посмотрел на Хендерсона и неуверенно сказал: - Не знаю.

Бёджес заметил:

- Иногда рама важнее самой картины. Попробуем по-другому. Встаньте за стойку бара. Где вы сидели, Хендерсон?

- Где-то здесь. Часы были прямо надо мной, а ваза с печеньем стояла справа.

- Хорошо, садитесь сюда.

Хендерсон с несчастным видом опустил голову и тупо уставился в стойку бара, как и в тот раз. Это помогло. Бармен прищелкнул пальцами: - Вспомнил! Он был здесь вчера. Он, наверное, привык пить только по одной, пробыл здесь недолго.

- Во сколько это было, точно?

- В начале моей смены, в течение первого часа. Бар еще был наполовину пуст.

- Когда начинается ваша смена?

- В шесть.

- Но нам нужно точно знать, когда он пришел. Бармен покачал головой:

- Не могу вам помочь. Я смотрю на часы, только когда кончается смена. Может быть, в шесть, может быть, в половине седьмого. Точно сказать не могу.

Бёджес вопросительно посмотрел на Хендерсона и снова обратился к бармену:

- Что вам известно о женщине, которая была здесь в то же время?

Ответ бармена означал катастрофу:

- Какая женщина?

Лицо Хендерсона смертельно побледнело. Бёджес жестом не дал ему открыть рот:

- Значит, вы не видели, как он встал, подошел к какой-то женщине и заговорил с ней?

Бармен ответил:

- Не видел.

- Вы не видели женщину, сидевшую у стойки бара.

Хендерсон в отчаянии показал на второе сиденье справа:

- Оранжевая шляпа! - проговорил он, прежде чем Бёджес остановил его.

- Прекратите! - предупредил Хендерсона детектив.

Бармен вдруг рассердился:

- Я работаю в баре уже семнадцать лет. Каждый вечер одно и то же - пьют. Не спрашивайте меня, кто какую шляпу носит и кто кому назначает свидания. Я только выполняю заказы, и все! Скажите, что она пила, и я вам скажу, была она здесь или нет! У нас хранятся все счета! Я принесу их из конторы хозяина.

Все повернулись к Хендерсону.

- Я пил шотландское виски с содовой. Я другого не пью. Минутку, я попытаюсь вспомнить, что пила она...

Вернулся бармен с большой жестяной коробкой счетов.

Хендерсон, потеряв лоб, сказал:

- На дне бокала у нее осталась черешня...

- Черешню кладут в шесть коктейлей. У нее был широкий бокал или высокий на ножке? Какого цвета был напиток?

Хендерсон вспомнил:

- Бокал был на ножке, она все время его вертела в руке, содержимое было розового цвета.
- «Джек розе», - без колебаний выпалил бармен. - Теперь будет нетрудно найти. - Он начал рыться в счетах. Первые лежали в самом низу. - Видите, счета пронумерованы.

Хендерсон вздрогнул и наклонился.

- Подождите! Я помню номер своего счета. Тринадцать. Несчастливое число.

Бармен положил перед ними два счета:

- Вот они. Номер тринадцать - виски с водой. А вот счета на «Джека розе», всего три. Номер семьдесят четыре - мой, а это счета Томми, его смена передо мной. Я знаю его почерк. Наверно, с ней был какой-то мужчина: на счетах три «Джека розе» и один ром. Нормальный человек не станет смешивать эти напитки.

- Значит? - спросил Бэджес.

- Я не помню женщины, которая пришла в бар до начала моей смены. А если бы она там и была, семнадцатилетний опыт работы подсказывает мне, что этот человек не мог подойти к ней, потому что она была с другим мужчиной. И еще мой опыт подсказывает, что этот мужчина был с ней там до конца, потому что никому не придет в голову заказать три «Джека розе», а потом уйти и освободить место для другого. - С этими словами бармен решительно провел тряпкой по стойке, желая прекратить дискуссию.

Голос Хендерсона дрожал.

- Но вы же говорили, что помните меня! Если вы помните меня, почему же не можете вспомнить ее? Смотреть на нее было приятнее.

Бармен ответил с циничной логикой:

- Почему бы мне вас не вспомнить? Вы стоите передо мной. Если вы приведете ее, может быть, я ее и вспомню. Иначе ничем не могу вам помочь.

Хендерсон, как пьяный, держался за стойку бара, как будто не мог устоять на ногах. Бэджес взял его за плечо и сказал:

- Идемте.

Тот судорожно вцепился рукой в стойку.

- Вы знаете, в чем меня обвиняют? В убийстве! - проговорил он хриплым голосом.

Бэджес закрыл ему рот рукой.

- Тихо, Хендерсон! - строго приказал он. Он упирался, когда они вели его к выходу.

- Да, тринадцатый номер несчастливый, - сказал один из детективов, в его голосе слышались циничные нотки.

- Если мы обнаружим, что она была здесь позднее, это вам не поможет, - предупредил его Бэджес. - Но мне все равно интересно, появится ли она позже и когда. Поэтому мы произведем реконструкцию всех ваших действий в тот вечер - шаг за шагом.

- Вы наверняка ее обнаружите! - настаивал Хендерсон. - Кто-то должен был ее запомнить, не в баре, так в другом месте, где мы были.

Детектив, которого Бэджес послал в диспетчерскую такси на поиски вчерашнего водителя, вернулся и доложил:

- У этой фирмы перед баром «Ансельмо» стоят обычно две машины. Я привел обоих водителей. Одного зовут Боб Хиккей, а другого Аль Альп.

- Альп! - воскликнул Хендерсон. - Это смешное имя, которое я не мог вспомнить.

- Пришлите Альпа, а перед вторым извинитесь.

Таксист действительно выглядел комично - как на фотографии, которая была на его визитной карточке, а может быть, еще комичнее в цвете и объеме.

Бэджес спросил:

- Вы везли вчера кого-нибудь от стоянки до ресторана «Мейсон Бланш»?

- «Мейсон Бланш»... - Он не был уверен. - Когда всю ночь кого-то возишь... - Он оживил память собственным методом: - Так, до «Мейсон Бланш» шестьдесят пять центов. В тот вечер ездки были невыгодные. За одну я получил шестьдесят пять центов, а перед этим и после - по тридцать.

- Посмотрите, нет ли среди нас никого из пассажиров, плативших шестьдесят пять центов.

Взгляд таксиста скользнул по лицу Хендерсона:

- Он?

- Это мы вас спрашиваем.

Он повторил, уже без вопросительной интонации:

- Он.

- Один или с кем-нибудь?

Таксист подумал минуту и покачал головой:

- Не помню. Наверное, один.

Хендерсон дернулся, словно его ударили:

- Но вы должны были ее видеть! Она садилась передо мной, я ей открыл дверцу...

- Дама? - обиженно сказал таксист. - Вас я помню очень хорошо, потому что мне поцарапали крыло, когда я к вам подъезжал...

- Да, да, - как утопающий за соломинку, схватился Хендерсон за эту деталь. - Может быть, вы не обратили на нее внимания, потому что смотрели на другую сторону. Но, когда мы выходили...

- Когда вы выходили, - твердо заявил таксист, - я не смотрел в другую сторону. В жизни не слышал, чтобы таксист смотрел в другую сторону, когда ему платят. И я не видел, чтобы она вышла!

- У нас всю дорогу горел свет, - пытался напомнить ему Хендерсон. - Вы должны были видеть ее в зеркало.

Или ее отражение в переднем стекле...

- Теперь я точно знаю, - заявил таксист. - Сначала сомневался, а теперь нет. Я уже восемь лет работаю на такси. Раз горел свет, значит, вы были один. В жизни не видел, чтобы кто-то оставил свет, когда едет с женщиной. Если горит свет, я могу поклясться, что пассажир один.

Хендерсон потер себе горло, как будто оно болело.

- Как же так, меня вы помните, а ее нет?

Бёджес ответил за таксиста:

- Вы и сами не запомнили ее лица, а были с ней шесть часов, так вы утверждаете. А у него за спиной она сидела всего двадцать минут. - Бёджес закончил разговор с таксистом: - Итак, Альп, вы настаиваете на том, что сказали?

- Настаиваю. Вчера вечером этот пассажир был один.

В «Мейсон Бланш» они пришли, когда было уже закрыто. Последние посетители ушли, и со столиков убрали скатерти. Из кухни, где ужинал персонал, доносился звон посуды.

Они сели за один из пустых столиков.

Метрдотель, привыкший кланяться гостям, поклонился и на этот раз, хотя рабочий день уже закончился. Вид у него был не очень презентабельный: он уже успел снять воротничок, на губе у него висели крошки.

Бёджес спросил его:

- Вы когда-нибудь видели этого человека?

Метрдотель посмотрел на Хендерсона:

- Конечно.

- Когда вы видели его в последний раз?

- Вчера вечером.

- Где он сидел?

Метрдотель без раздумий показал на столик в нише:

- Там.

- Хорошо, - похвалил его Бёджес. - Кто с ним был?

- Никто.

У Хендерсона лоб покрылся потом.

- Вы же видели: она пришла сразу после меня! Она весь ужин сидела рядом со мной. Вы должны были ее видеть.

Вы даже прошли один раз мимо нашего стола, поклонились и спросили: «Все в порядке, сэр?»

- Конечно, это моя обязанность. Я по крайней мере один раз подхожу к каждому столику. Я помню, что обратился к вам, потому что у вас был недовольный вид. И помню, что около вашего стола было два пустых кресла, смутно помню, что одно я поправил. Вы сами повторили мои слова. Раз я сказал «сэр», а я именно так сказал, значит, вы были один. Если посетитель с дамой, к нему обращаются «сэр и леди». - Его глаза неподвижно уставились на Хендерсона. Потом он обратился

к Бёджесу: - Если этого не достаточно, я могу показать книгу заказов за вчерашний день. Вы убедитесь собственными глазами.

Бёджес согласился с этим предложением:

- Это никогда не повредит.

Метрдотель прошел в другой конец зала и достал из ящика книгу заказов. Он все время был у них на глазах. Он подал Бёджесу книгу и сказал:

- Ищите дату по оглавлению.

Все, кроме него, склонились над книгой. Он стоял в стороне. Записи в книге были сделаны карандашом, в оглавлении стояло: «Стр. 5-20, вторник». Вся страница была перечеркнута крестом, обозначающим, что этот день навсегда закончился. Но это не мешало прочитать написанное.

На странице было десять имен, записанных столбиком:

- *стол 18-Роджер Эшли, для четверых (зачеркнуто);*
- *стол 5 - миссис Рейбулн, для шестерых (зачеркнуто);*
- *стол 24 - Скотт Хендерсон (не зачеркнуто).*

За третьей фамилией в скобках стояла единица. Метрдотель объяснил:

- Если фамилия зачеркнута, значит, пришли все. Если не зачеркнута - вообще не пришли. А если не зачеркнута, но за ней написана цифра, значит, пришли не все и остальных еще ожидают. Цифры в скобках пишутся, чтобы я видел, сколько человек пришло. Мне не приходится спрашивать, я сразу вижу, куда их посадить. Даже если они явятся только к десерту, все равно я перечеркиваю фамилию.

Отсюда видно, что сэр заказал столик на двоих, но пришел один, его гость или гостья не явилась.

Бёджес провел пальцами по этой строчке, чтобы определить, не было ли что-то стерто.

- Структура бумаги не нарушена, - сказал он.

Хендерсон уронил голову на стол.

Метрдотель сказал:

- Для меня важна книга, и она говорит, что » мистер Хендерсон ужинал у нас вчера вечером один.

- Этого достаточно. Запишите его имя и адрес, на случай, если он нам еще потребуется. Теперь официант, который обслуживал этот стол. Митри Малофф.

Для Хендерсона ничего не изменилось. Страшный сон продолжался.

Новая фигура подходила скорее для комедии. Официант заметил, что один из детективов что-то записывает и сделал рукой жест, напомнивший всем старую рекламу:

- Не так писать! Извините, господа. Писать букву «Д», но не читать.

- Так зачем тогда ее писать? - ухмыльнулся один из детективов.

- Мне наплевать на эту букву, - заявил Бёджес. - Я хочу знать, обслуживаете ли вы двадцать четвертый стол.

- Да, столы от десять до двадцать семь; там обслуживаю я.

- Вы вчера обслуживали этого человека за двадцать четвертым столом?

Официант воспользовался случаем проявить свою профессиональную вежливость:

- Да, конечно! - Он весь сиял. - Добрый вечер! Как поживаете? Надеюсь, вы скоро снова нас посетите.

Он, вероятно, не признал в них полицейских.

- Он придет к вам не скоро, - заверил его Бёджес и жестом остановил поток восхвалений в адрес ресторана, который собирался вылить на них официант. - Сколько человек было за столом?

У официанта был недоумевающий вид, как у человека, который изо всех сил старается помочь, но не знает, чего от него хотят.

- Только он, он один.

- Без дамы?

- Нет, дамы нет. Какая дама? - И официант добавил с невинным видом: - Почему? Он потерял даму?

Все покатались со смеху. Хендерсон открыл рот и осторожно набрал воздуха, как будто у него что-то болело.

Официант видел, что развеселил их, скромно мигал глазками, но, вероятно, так и не понял, чем вызван его успех.

Хендерсон отозвался голосом, в котором слышалось отчаяние побежденного:

- Вы подвинули ей стул, открыли меню и подали ей. - Он ударил себя кулаком по голове: - Я видел, как вы это делали.

Официант начал божиться с искренностью, типичной для славянина, сильно жестикулируя.

- Конечно, я подвину стул, если придет дама. Но когда не вижу даму, почему подвину стул? Я подвину стул для воздуха? Если я не вижу человека, я открою меню и подам ему?

Бёджес предупредил его:

- Обращайтесь к нам, а не к нему. Он арестован. Официант повернул голову, поток его красноречия лился дальше:

- Он дал мне чаевые, как за полтора гостя. Разве с ним быть дама? Думаете, я сегодня ему кланяться, если он мне вчера дал чаевые за полтора человека? - Его возмутила даже мысль об этом. В его глазах горел славянский огонь. - Думаете, я забуду? Я все помню четырнадцать дней! Думаете, я его снова звать, чтобы он пришел? - Он воинственно рассмеялся.

- Сколько составляют чаевые за полтора человека? - расспрашивал развеселившийся Бёджес.

- За одного пятьдесят центов, за два доллар. Он мне дал семьдесят пять, это за полтора.

- А не могли вы получить за двоих семьдесят пять?

- Ну, нет! - воскликнул он, протестуя. - А если бы, то я сделаю так. - Он брезгливо, двумя пальцами поднял воображаемую тарелку со счетом и с ненавистью посмотрел на воображаемого гостя, в данном случае Хендерсона, не отводя глаз, пока не привел его в смущение.

Его толстая нижняя губа оттопырилась в насмешливой и презрительной гримасе. - А потом я скажу: «Спасибо, мистер. Большое спасибо. Большое, большое. Вы это серьезно?» И когда с ним дама, он себя будет чувствовать, как побитый собак.

- Я бы тоже так поступил, - предположил Бёджес и обратился к Хендерсону: - Сколько вы оставили на чай?

Ответ Хендерсона прозвучал очень тихо:

- Столько, сколько он говорит: семьдесят пять центов.

- Я хотел бы посмотреть его счет. Надеюсь, он сохранился? - спросил Бёджес.

- Он у шефа, вам придется обратиться к нему. - На лице официанта читалось удовлетворенное самолюбие, он был уверен, что его правдивость будет подтверждена окончательно и бесповоротно.

Хендерсон же с надеждой наклонился вперед, равнодушие поверженного спало с него.

Шеф принес счета. Они были разложены по дням. Он легко нашел нужный: «Стол 24. Официант 3. 1 ужин». На счете стоял красный штамп: «Оплачено «20 мая».

В папке было еще два счета на стол 24: завтрак за 75 центов и ужин для четверых человек - вероятно, компания, которая появилась позже, перед закрытием.

К машине его пришлось вести - он как будто оцепенел, ноги у него подкашивались. И снова мимо него, как тени, проносились здания.

Вдруг он словно встрепенулся:

- Они все лгут, они хотят меня убить. Все до одного! Что я им сделал?

- Знаете, что это напоминает? - сказал один из полицейских. - Кино, где люди исчезают прямо на глазах.

Хендерсон опустил голову.

За дверьми слышались музыка, смех, аплодисменты, они проникали в кабинет, где царил беспорядок.

Директор ждал их. Дела шли хорошо, и он одарил всех любезной улыбкой, развалившись в вертящемся кресле и наслаждаясь сигарой.

- Нет сомнений, что эти два билета были куплены обычным путем,- заявил он покровительственным тоном. - Могу добавить только одно: никто не видел, что с ним была женщина... - Он остановился и испуганно сказал: - Смотрите, ему плохо. Уведите его, я не хочу лишнего шума во время спектакля.

Они открыли двери, и им пришлось почти вынести Хендерсона - его ноги волочились по полу. Со сцены донеслось: «Чика-чика, бум-бум, чика-чика, бум-бум!»

- Прошу вас, только не это, - всхлипывал он. - Я не могу этого слышать.

Он упал на заднее сиденье полицейской машины и смотрел на них так, будто надеялся, что они спасут его от сумасшествия.

- Почему вы не скажете правду и не признаетесь, что не были там с дамой? - пытался убедить его Бёджес. - Разве вы не понимаете, что так все было бы гораздо проще?

Хендерсон пытался говорить спокойно, но голос его слегка дрожал.

- Знаете, что случится, если я это сделаю? Я перестану считать себя нормальным, я уже не буду ни в чем уверен. Нельзя взять какой-нибудь очевидный факт, например, что я Скотт Хендерсон, и ни с того ни с сего начать отрицать этот факт, оставаясь в своем уме. Она провела со мной шесть часов. Я касался ее руки. Я слышал, как она говорит, чувствовал запах ее духов. Слышал, как стучит ее прибор во время ужина, как стукнул стул, когда она встала. Чувствовал, как опустились рессоры, когда она села в такси. - Он ударил кулаком по колену. - Она была со мной! Была! - Казалось, что он чуть не плачет. - А они пытаются доказать, что ее не существует!

Машина проезжала по улицам, где кружила весь вечер.

Хендерсон сказал:

- Я боюсь, отвезите меня обратно в камеру, прошу вас. Я хочу, чтобы вокруг меня были стены, которые можно потрогать, стены, которые не растают под руками, - Видно было, что он всей душой желает этого.

- Он весь дрожит, - сказал один из полицейских таким тоном, будто его это не касалось.

- Ему нужно выпить, - решил Бёджес. - Остановите на минутку. Сбегайте кто-нибудь за виски, я не могу на него смотреть.

Хендерсон одним глотком выпил виски. Потом снова откинулся на сиденье.

- Отвезите меня назад, отвезите, - просил он.

- С ним не все в порядке, - заметил один из полицейских.

- Такое случается, когда вызывают духов.

Больше ни слова не было сказано, пока они не подъехали к полицейскому управлению. Когда они поднимались по лестнице, Хендерсон споткнулся и Бёджес поддержал его под локоть.

- Вам нужно хорошенько выспаться, - посоветовал он. - И найдите хорошего адвоката. Вам это необходимо.

5. За девяносто один день до казни

...защита пытается убедить нас, что обвиняемый встретил в баре «Ансельмо» неизвестную женщину в шесть часов десять минут вечера в день, когда было совершено убийство. Другими словами, через минуту и сорок пять секунд после того, как, по данным полиции, наступила смерть жертвы. Это очень ловкий ход. Уважаемому суду сразу должно стать ясно, что, если обвиняемый был в это время в баре «Ансельмо» на Пятидесятой улице, он не мог находиться за минуту и сорок пять секунд до этого в своей квартире. Повторяю, это очень ловкий ход. Но не настолько, чтобы он здесь прошел. Защиту устроило бы, чтобы обвиняемый встретился с этой дамой именно в тот вечер. Как будто у обвиняемого было предчувствие, что она понадобится именно в тот вечер. А предчувствия - это очень странная вещь, не правда ли? Вы слышали, как обвиняемый в ответ на мой вопрос сказал, что никогда раньше не пытался таким образом знакомиться с женщинами - ни разу за все время супружества. Обратите внимание - ни разу. Это слова обвиняемого, а не мои. Вы это сами слышали, дамы и господа. Ничего подобного раньше ему не приходило в голову.

У него не было такой привычки. Это не соответствовало его характеру. И именно в тот, а не в другой вечер он это сделал. По крайней мере защита пытается нас в этом убедить. Такое стечение обстоятельств было бы очень кстати, не так ли? Но... - Пожатие плечами и долгая пауза. - Где же

эта женщина? Мы все очень хотели бы ее видеть. Почему нам ее не представляют? - Прокурор выбрал одного из присяжных и указал на него пальцем: - Вы ее видели?

Ответом был красноречивый жест.

- Кто-нибудь из нас ее видел? Может быть, она во время процесса сидела на скамье свидетелей? Конечно, нет, дамы и господа, потому что... - Новая продолжительная пауза. - Потому что этой женщины не существует. И никогда не существовало. Нельзя оживить создание собственной фантазии. Только Господь Бог мог создать женщину.

По залу суда прокатился смех. Прокурор с довольной улыбкой поблагодарил публику за внимание.

- Речь идет о жизни обвиняемого. Думаете, защита не воспользовалась бы случаем и не привела ее в подходящий момент, чтобы произвести впечатление? Наверняка. Могу поклясться. Если только... - Драматическая пауза. - ...эта женщина существует. Мы не будем вмешиваться в расследование. Здесь, в зале суда, мы далеки от тех мест, которые посетил в тот вечер обвиняемый. Взвесим лучше свидетельства людей, которые были там же в то же время, что и он. Вы все слышали сами. Его там видели, да. Все вспомнили, хотя и не вполне определенно, что видели в тот вечер Скотта Хендерсона. На этом следы кончаются. Как будто все таинственным образом ослепли на один глаз. Не кажется ли вам это немного странным, дамы и господа? Мне кажется. Если где-то была пара, то ее или совсем не вспомнят, или, вспомнив одного, сразу же вспомнят и другого. Разве можно увидеть одного человека и не обратить внимания на его спутника? Такое утверждение противоречило бы физическим законам. Я ни в коем случае не могу с ним согласиться. Это выше моего понимания. - Он с притворной скромностью пожал плечами. - Может быть, я не прав, объясните мне, в чем моя ошибка. Может быть, у нее такая прозрачная кожа, что свет проникает сквозь нее, а также и человеческий взор...

Снова шум в зале.

- А может быть, ее просто не было? Тогда ее, конечно, никто не мог видеть. - Тон и поведение прокурора изменились, стали серьезнее. - Но зачем рассуждать об этом? Отнесемся к этому делу серьезно. Речь идет о жизни обвиняемого. Я не хочу делать комедию из судебного процесса. Защита сама поставила себя в смешное положение. Оставим гипотезы и теории и вернемся к фактам. Не будем говорить о видениях и призраках, поговорим лучше о женщине, в существовании которой не было никаких сомнений. Марселлу Хендерсон видели живой и видели мертвой. Она не была миражом. Ее убили. Полиция представила доказательства этого. Это факт номер один.

Мы видим человека на скамье подсудимых, в течение всего процесса он сидел с низко опущенной головой. Сейчас он ее поднял и протестующе смотрит на меня. Ему вынесут приговор, ему угрожает смерть. Это факт номер два. - Драматическим голосом, как актер на сцене, прокурор сказал: - Я больше верю фактам, чем фантазиям, дамы и господа. Факты легче понять.

Вы спрашиваете, каков факт номер три? Обвиняемый убил ее. Да, это факт ясный и неоспоримый. Каждая деталь была подробно доказана, шаг за шагом, как вы сами слышали во время судебного разбирательства. Мы не требуем, чтобы вы верили в вымыслы или галлюцинации, как это делает защита! - Прокурор возвысил голос: - Мы представили документы, протоколы допросов, свидетельские показания, доказывающие вину убийцы! - После этих слов он сделал красноречивую паузу и продолжал уже тише: - Вы ознакомились с обстоятельствами дела и отношениями между супругами в период, предшествующий убийству. Как вы слышали, обвиняемый не опровергает эти факты. Собственными ушами мы слышали, что он подтвердил все показания. Иногда он делал это неохотно, против своего желания, но всё же подтвердил. Вы можете не верить мне, прислушайтесь к собственным словам обвиняемого. Я задавал ему вопросы вчера на судебном заседании, и вы слышали его ответы.

Еще раз коротко резюмирую то, что он сказал.

Скотт Хендерсон влюбился, несмотря на то что женат. Но судят его не за это. Девушка, с которой у него связь, не участвует в процессе. Ее имя даже не было названо в зале суда. Она не была вызвана в качестве свидетельницы, чтобы ее имя не было связано с этим жестоким и непростительным убийством. Вы спрашиваете почему? Потому что она не имеет с этим ничего общего. Мы здесь не для того, чтобы наказывать невиновную и подвергать ее публичному позору, что было бы неизбежно в таком случае. Преступление совершил человек, который сидит перед

вами. Не она. Она ни в чем не виновата. Ее допрашивали как полиция, так и прокуратура и полностью освободили от подозрений в том, что она была связана с преступлением, побуждала к нему или знала о нем заранее. Она и без того страдает, хотя и не совершила ничего предосудительного. Мы все пришли к одному выводу - как защита, так и прокуратура. Ее имя нам известно, но во время судебного разбирательства мы называли ее «девушка» и намерены и далее поступать так же.

Но вернемся к делу. Он опасно влюбился. Да, вы хорошо слышали - опасно, по крайней мере, с точки зрения супруги. Это была порядочная, чуткая женщина. Все, кто ее знал, относились к ней с большой симпатией. Я также, дамы и господа, был с ней знаком. Это нежное и несчастное существо встретилось с недостойным мужчиной. Повторяю, при этих обстоятельствах она не хотела иметь с ним ничего общего. Она не хотела никому причинить зла. И он понял, что не может оставить все по-старому. Он явился к жене и потребовал развода. Она отказалась. Почему? Потому что для нее брак являлся священным. Не чем-то преходящим, что можно из каприза отбросить. Вам кажется это необычным?

Когда он сказал об этом девушке, та предложила расстаться и забыть друг о друге. Но он был не согласен. Он оказался между двух огней. Жена не хотела отказаться от него, а он - от девушки.

Какое-то время он выжидал, а потом сделал новую попытку. Если в первый раз он действовал хладнокровно, то как назвать его поведение при второй попытке?

Он собирался развлечь ее, как какой-нибудь заезжий торгаш, который обрабатывает покупателя, чтобы заключить выгодную сделку. Этот факт о многом говорит. Вы можете сами сделать вывод, на что способен этот человек. Разрушить брак, домашний очаг, бросить жену для него то же самое, что развлечься вечером.

Он купил билеты в театр, заказал столик в ресторане и, придя домой, сказал, что приглашает ее провести с ним вечер. Она не могла понять, откуда такое внимание, даже предположила, что может произойти примирение. Села к зеркалу и стала приводить себя в порядок.

Через несколько минут он вернулся в комнату и увидел, что она сидит за туалетным столиком. Из разговора с ним она поняла, каковы его намерения, и сказала, что не откажется от него. Дала ему понять, что для нее дороже домашний очаг, чем театр и ужин в ресторане. Короче говоря, она опять отказалась предоставить ему развод. И это стало для нее роковым. В руках у него был галстук, который он собирался надеть. Взбешенный тем, что она поняла его намерения, он обмотал галстук вокруг ее шеи. Это было очень легко сделать, когда она сидела у туалетного столика. Он с невероятной силой и жестокостью стянул концы. Полицейские рассказали, с каким трудом они разрезали и сняли петлю, врезавшуюся в шею. Вы когда-нибудь пытались разорвать галстук из шелкового репса? Это невозможно. Вы пораните тканью руки, но не разорвете ее.

Сначала она, вероятно, пыталась сопротивляться, но упала, убитая руками собственного мужа, мужа, который торжественно клялся чтить ее и оберегать. Не забудьте об этом.

Он держал ее перед зеркалом, в котором она могла видеть свою борьбу со смертью. Это продолжалось, вероятно, несколько минут. Как вы думаете, что он сделал, убедившись, что она мертва и больше не стоит у него на пути?

Думаете, он почувствовал угрызения совести или жалость? Совсем нет. Я скажу вам, что он сделал. Он спокойно продолжал одеваться, в той же комнате, рядом с трупом своей жены. Он взял другой галстук и повязал его вместо того, которым задушил жену, взял шляпу, плащ и позвонил девушке.

К счастью, ее не было дома. Но через несколько часов она обо всем узнала. Почему он позвонил ей, когда у него еще дрожали руки, которыми он избавился от жены? Не потому, что его мучила совесть, и не потому, что он хотел ей все рассказать и посоветоваться или попросить о помощи. Совсем нет! Он хотел использовать ее в своих интересах, чтобы она, сама о том не подозревая, обеспечила ему алиби. Он хотел пригласить ее в тот самый ресторан и в тот самый театр, куда пригласил раньше свою жену. Вероятно, у него было намерение перед встречей перевести часы и специально обратить ее внимание на время, чтобы она позже подтвердила его алиби.

Дамы и господа, решайте сами, является ли этот человек убийцей, или нет. Его план не осуществился, потому что девушки не было дома. Поэтому он один вышел из дома и хладнокровно осуществил весь план, который придумал, не пропустив ни одного пункта. Это

заняло у него время с шести часов до полуночи. Тогда ему не пришло в голову сделать то, о чем он нам рассказывает теперь: подцепить первую попавшуюся женщину и использовать ее для алиби. Он был слишком возбужден и не мог сосредоточиться. Может быть, у него не хватило самообладания, он боялся довериться незнакомой женщине, боялся выдать себя своим поведением. Возможно, он подумал, что все равно уже поздно, после того как он ушел из дома, прошло слишком много времени. Алиби могло ему помочь, но могло и обернуться против него, когда после преступления прошло уже довольно длительное время. При допросе могло выясниться, когда в действительности он встретился с этой женщиной. Такие мысли были у него в голове.

Не было ли у него лучшей возможности? Конечно, выдуманная спутница! Призрак, специально описанный неясно и в общих чертах, так что никто не мог ее найти и опровергнуть его вымысел о времени, когда они встретились. Другими словами, что лучше: недосказанное алиби или алиби, которое может быть опровергнуто? Дамы и господа, ответьте на этот вопрос сами. Недоказанное алиби нельзя подтвердить, но при этом всегда остается место для сомнений, в то время как опровергнутое алиби не оставляет возможности правдоподобно защищаться. Ничего лучше нельзя было придумать, и он сделал все так, как задумал. Иными словами, он сознательно мистифицировал следствие, рассказывая, о вымышленном лице. И это было ему выгодно, потому что ненайденная женщина не могла поставить под угрозу его алиби.

И в заключение позвольте, дамы и господа, задать вам простой вопрос.

Возможно ли, чтобы человек, жизнь которого поставлена на карту и который может спастись, только вспомнив внешность женщины, не способен был восстановить в памяти ни одной подробности? Ни единой детали. Не мог вспомнить, какого цвета у нее глаза, волосы, какого она роста, стройная или полная - ничего. Вам бы удалось полностью потерять память, если бы речь шла о вашей жизни? Подумайте об этом, я не хочу вам подсказывать. Уважаемые судьи, мне нечего добавить. Перед вами ясное дело, я не вижу ничего, что бы вызывало сомнения. - Прокурор медленно, театральным жестом показал на Хендерсона. - Штат обвиняет Скотта Хендерсона в убийстве жены. Штат требует его казни. Штат считает дело законченным.

6. За девяносто дней до казни

- Обвиняемый, встаньте и повернитесь лицом к присяжным. Суд присяжных вынес приговор?
 - Да, ваша честь.
 - Считаете ли вы обвиняемого виновным?
 - Виновен, ваша честь.
- Со скамьи подсудимых послышался сдавленный голос:
- Господи, это невозможно...

7. За восемьдесят семь дней до казни

- Обвиняемый, вы хотите сказать что-нибудь, перед тем как будет вынесен окончательный приговор?

- Что может сказать человек, которому все твердят, что он совершил преступление, а он знает, что это неправда? Кто его будет слушать? Кто ему поверит?

Сейчас вы сообщите, что я должен умереть. Ничего не поделаешь, я, как и все, боюсь умирать. Умирать страшно, еще страшнее умереть из-за недоразумения. Когда этот час придет, я постараюсь держаться. Но повторяю всем, кто меня слышит и не верит мне: я этого не делал. Я не убивал. И никакой приговор суда, никакая казнь ничего в этом не изменят. Можете зачитать приговор, ваша честь.

От судейского стола донеслись негромко произнесенные слова, выражающие симпатию:

- Мистер Хендерсон, я никогда не слышал от человека, ожидающего приговора, таких убедительных, достойных и мужественных слов. Но решение присяжных не оставляет мне выбора. - И этот же голос продолжал громко, на весь зал: - Скотт Хендерсон, вы предстали перед судом и были признаны виновным в убийстве первой степени. Суд приговаривает вас к смерти. Казнь будет совершена в тюрьме после двадцатого ноября. Пусть Господь будет к вам милостив.

8. За двадцать один день до казни

Перед камерой, где находился приговоренный к смерти, раздался приглушенный голос:

- Он здесь.

Зазвенели ключи, и голос произнес громче:

- К вам гость, мистер Хендерсон.

Хендерсон не шевельнулся и не сказал ни слова. Двери открылись и снова закрылись.

Они молча смотрели друг на друга.

- Вы, наверное, меня не помните...

- Люди помнят тех, кто осуждает их на смерть.

- Я никого не осуждаю, я только передаю совершивших преступление в руки правосудия.

- И вы пришли убедиться, что ваша добыча не сбежала, что она там, куда вы ее посадили, пришли напомнить, что время бежит, минута за минутой? Вам это доставляет удовольствие? Посмотрите на меня, это очень интересно. Я все еще здесь и никуда не сбежал. Если это все, можете идти.

- Почему столько горечи, Хендерсон?

- Умереть в тридцать два года не сладко.

Бёджес не ответил. Не существует подходящего ответа на такое замечание. Всем своим видом он пытался показать Хендерсону, что понимает его. Он подошел к узкому окошку и заглянул в него.

- Здесь вы не много увидите, - констатировал Хендерсон, не глядя на детектива.

Бёджес повернулся к нему.

- Хотите сигарету? - предложил он.

Хендерсон иронически ухмыльнулся:

- Что вы в них намешали?

- Зачем вы так говорите? - обиделся детектив.

В конце концов Хендерсон взял сигарету - не потому, что ему хотелось курить, а чтобы отделаться от полицейского. Бёджес зажег ему спичку. Хендерсон поблагодарил его презрительным взглядом.

- Что означает ваш визит? Настал день казни?

- Я понимаю, как вы себя чувствуете... - защищался Бёджес.

Хендерсон резко вскочил с нар.

- Вы понимаете, как я себя чувствую? - набросился он на детектива и показал на его ноги, стряхнув на них пепел с сигареты: - Вы можете идти, куда хотите! А я - нет! Он криво усмехнулся: - Убирайтесь! Ищите следующую жертву, что-нибудь свеженькое. Меня уже достаточно обработали.

Он снова лег, пуская дым в потолок.

Они старались не смотреть друг другу в глаза. Бёджес не двигался. Наконец он произнес:

- На обжалование вы получили отказ, если не ошибаюсь?

- Конечно. Теперь нет никаких формальных препятствий, я могу спокойно отправляться в ад, дорога свободна. Те, кому мешает моя жизнь, могут сделать свою работу чисто и аккуратно, все пойдет, как по маслу. - Хендерсон повернулся и посмотрел в глаза Бёджесу: - А почему у вас вид мученика? Жалуете, что не можете продлить мои страдания, что меня нельзя казнить дважды?

На лице Бёджеса появилась гримаса, как будто у сигареты был отвратительный вкус. Он бросил ее на пол и раздавил.

- Это удар не по правилам, Хендерсон. Я еще не начал защищаться.

Хендерсон внимательно посмотрел на него - в поведении Бёджеса было что-то необычное.

- Чего вы хотите? - спросил он. - Почему вы пришли?

Бёджес почесал в затылке.

- Не знаю, как это объяснить... Я знаю, что это ненормальное поведение для полицейского. Для меня ваше дело было закрыто, как только вы предстали перед судом. Мне трудно это выразить, - сказал он неуверенно.

- Почему, скажите на милость? Ведь я же в камере смертников.

- Именно поэтому. Я пришел к выводу... хочу вам сказать... - Он замолчал, потом с трудом выговорил: - Короче, вы, по моему мнению, не совершали преступления. Не думаю, что мои слова имеют для вас значение...

Воцарилось долгое молчание.

- Не молчите и не смотрите на меня так. Скажите что-нибудь, - сказал Бёджес.

- Что можно сказать в ситуации, когда выкапывают из могилы мертвеца, которого сами туда уложили, и просят прощения?

- Я знаю, говорить здесь не о чем. Но я утверждаю, что действовал правильно и придерживался доказательств, которые мне были доступны. Скажу больше: если бы мне снова пришлось вести ваше дело, я сделал бы все точно так же. Мои чувства не имеют значения, я должен придерживаться фактов.

- И почему же резкая перемена взглядов? - с иронией спросил Хендерсон.

- Об этом трудно говорить, как и обо всем вашем деле. Это уже недели и месяцы разъедает мое сознание. Я думаю, все началось на суде. Все перевернулось с ног на голову. Факты, приводившиеся как неопровержимое доказательство вашей вины, стали означать совсем другое, по крайней мере для меня, когда я посмотрел на это с другой точки зрения. Не знаю, понимаете ли вы меня. Фальшивое алиби обычно продумано так хорошо, что все детали прекрасно согласуются. А ваше алиби хромало на обе ноги. В вашей памяти не осталось никаких деталей, касающихся этой женщины. Десятилетний ребенок описал бы ее лучше. Сидя в зале суда, я понял, что вы говорите искренне.

Любая ложь выглядела бы правдоподобнее. Только невинный человек мог подрубить под собой сук так, как это сделали вы. Преступники обычно ведут себя намного изощреннее. Речь шла о вашей жизни, а вы вспомнили только женщину и шляпу. Я сказал себе: именно так и бывает в жизни. Человек, поссорившись с женой, вылетел из дома, как ошпаренный, и подцепил первую попавшуюся женщину. Потом на его голову свалилось несчастье: его жена найдена мертвой, и, конечно, ему хотят пришить убийство... - Бёджес сделал красноречивый жест. - Вспомнит он все подробности о незнакомой женщине, или они вылетят у него из головы? Я давно ломаю себе голову над этим, один раз уже собирался пойти к вам, но в последний момент остановился. Потом я несколько раз говорил с мисс Ричман...

Хендерсон поднял голову:

- Я начинаю понимать.

Детектив перебил его:

- Нет! Вы думаете, она меня уговорила... Совсем наоборот. Я пошел к ней, и мы вместе начали снова все разбирать. Все детали мы перебрали несколько раз, но это не имеет значения. Я меняю мнение из собственных внутренних побуждений, внешние влияния на меня не действуют. И к вам я пришел сам, а не потому, что она меня уговорила. Она даже не знает об этом, впрочем, и я до последней минуты не знал... - Бёджес ходил по камере от стены к стене. - Ну вот и все. Продолжаю настаивать, что я вел следствие, как требовали факты.

Хендерсон молчал. Он сидел и грустно смотрел в пол. Он выглядел несчастным и смирившимся, в нем уже не было столько горечи. Он не поднимал глаз на полицейского.

Бёджес остановился, и Хендерсон услышал звон монет у него в кармане - он машинально перебирал их.

Бёджес посоветовал:

- Найдите друга, который вам поможет. Я не могу заниматься вашим делом. - Монеты снова зазвенели. - В самом деле не могу. У меня масса других дел. Я знаю, бывают детективы, которым удается все сделать походя. Но у меня жена и дети.

Я не могу потерять работу. Тем более что мы с вами чужие люди.

Хендерсон все еще смотрел в пол.

- Я же вас ни о чем не просил, - заметил он без тени упрека.

Бёджес наконец перестал звенеть монетами и остановился посреди камеры.

- Найдите человека, которому вы дороги, который готов для вас сделать все. - Он поднял руку, как будто принося клятву. - Обещаю, что буду ему помогать, как могу.

Хендерсон впервые поднял голову и тут же снова опустил. В его голосе звучала безнадежность:

- Кого?

- Кого-нибудь, кто возьмется за это с верой и энергией. Кого-нибудь, кто способен действовать не ради славы или денег. Кого-нибудь, кому вы дороги, кто готов умереть, чтобы спасти вашу жизнь, кто не сдастся даже тогда, когда будет потеряна последняя надежда. - Он положил руку на плечо Хендерсону, подчеркивая вес и значение сказанного. - Есть девушка, которая так относится к вам. Она очень молода, и у нее нет жизненного опыта. Она делает все, что может, но этого недостаточно.

В равнодушных глазах Хендерсона мелькнул свет. Он посмотрел на полицейского с благодарностью, которая относилась, конечно, к девушке,

- Здесь нужен мужчина, который знает жизнь. Наверняка у вас есть такой друг. У каждого есть хоть один друг.

- Конечно, особенно в начале жизни. И у меня были друзья, но с возрастом они исчезают, особенно когда человек женится.

- Если это такие друзья, о которых я говорил, они не могут исчезнуть, - решительно заявил Бёджес. - Дело не в том, как часто вы встречаетесь. Просто он друг или нет.

- Когда-то у меня был друг, мы были как братья, - вспомнил Хендерсон. - Но прошло уже столько времени...

- Истинная дружба не измеряется временем.

- Но его все равно здесь нет. Когда мы виделись в последний раз, он сказал, что на следующий день уезжает в Южную Америку. Он заключил контракт на пять лет с какой-то нефтяной компанией.

- Он посмотрел на детектива: - Для человека вашей профессии вы сохранили много иллюзий. Вы считаете, что это пустяк - махнуть рукой на свое будущее и ехать за тысячи миль спасать друга? И по первому зову? К тому же он с этим другом долгое время не виделся. С годами у человека грубеет кожа, иллюзии утрачиваются. В тридцать два года дружба значит не так много, как в двадцать пять.

Бёджес остановил поток возражений:

- Скажите, он сделал бы это для вас, когда был моложе?

- Наверняка.

- Ну, видите! Если он сделал бы это тогда, сделает и теперь. Повторяю, дружбу нельзя измерять временем. Если он был другом тогда, то останется им навсегда, а если нет, то он никогда не был другом.

- Но этого от него никто не может требовать.

- Если он будет сомневаться, что выбрать - пятилетний контракт или вашу жизнь, то ему грош цена. А если нет, он сможет вам помочь, - возразил Бёджес.

Потом он вынул из кармана блокнот, вырвал чистый лист и положил его на колено.

Приговорен за убийство Марселлы после твоего отъезда. Спасти меня может главный свидетель. Прошу, приезжай, мне не к кому обратиться. Казнь назначена на третью неделю ноября, в помиловании отказано. Помогите. Скотт Хендерсон. 20 октября.

9. За восемнадцать дней до казни

Было сразу видно, что загар он привез из южных краев. Появился он очень быстро. На вид он был такого же возраста, как Хендерсон, - пять месяцев назад, а не сейчас, когда он считал в камере оставшиеся ему часы и его лицо превратилось в маску.

Он не успел переодеться. На нем была белая шляпа, не подходящая для этого времени года; серый фланелевый костюм ни цветом, ни материалом не сочетался с американской осенью. Только под горячим венесуэльским солнцем он не привлекал бы к себе внимания.

Он был высок и двигался очень легко и свободно. Хотя на нем был новый костюм, он не выглядел прилизанно. Можно было бы немного подровнять усы, поправить слегка сбившийся галстук. Было видно, что ему привычнее отдавать приказы рабочим или склоняться над чертежной доской, чем проводить время с дамами.

- Как он это переносит? - вполголоса спросил он у надзирателя, когда они шли по тюремному коридору.

- Да так... - Ответ означал: чего можно ожидать от человека в такой ситуации?

- Ну конечно. Бедняга! - Он покачал головой. Надзиратель остановился и вставил ключ в замок. Посетитель на секунду замешкался, потом вошел в камеру, пытаясь изобразить на лице улыбку, как будто встреча происходит в холле отеля «Савой».

- Быть не может, Хенди! Что ты здесь делаешь, что за шутки?

Печальное лицо Хендерсона озарила улыбка. Он ответил таким же легким тоном:

- Теперь я здесь живу. Как тебе у меня нравится?

Они долго трясли друг другу руки. Хендерсон, пожимая руку друга, выражал свою безмерную благодарность: все-таки ты приехал, не оставил меня в беде, значит, разговоры о настоящей дружбе не болтовня.

Рукопожатие Ломбарда вселяло надежду: я с тобой, и тебя казнят только через мой труп.

Несколько минут они старались не говорить о самом важном, говорили обо всем, но не о главном. Эта тема была слишком кровоточащей, они боялись ее затронуть.

Ломбард сказал:

- Ты не можешь себе представить, сколько пыли было в поезде.

Хендерсон ответил так же легко:

- Ты прекрасно выглядишь, Джон! Юг пошел тебе на пользу.

- На пользу! Не говори мне об этой Богом забытой дыре! Чего стоят одни москиты!

Я был наивным дураком, когда подписал контракт на пять лет.

- Но платят-то хорошо?

- Хорошо, но зачем деньги в такой дыре? Их не на что тратить. Там все пропахло керосином, даже пиво.

Хендерсон сказал:

- Мне жаль, что я тебя оттуда вытащил.

- Наоборот, ты сделал мне приятное, - великодушно возразил Ломбард. - Контракт действителен, не бойся. По крайней мере я получил несколько дней отпуска.

Они минуту помолчали и наконец заговорили о том, что занимало их мысли.

- Как твои дела, Хенди? - спросил Ломбард, отведя глаза в сторону.

Хендерсон попытался улыбнуться:

- Парень из нашего класса через три недели ставит на себе опыт с электричеством. Как тогда написали в классной стенной газете? «Вполне вероятно, что его имя появится в прессе...» Очень точный прогноз. На этот раз появится. В тот день обо мне напишут во всех газетах.

Ломбард свирепо посмотрел на него:

- Ну, нет! Мы с тобой знакомы с детства, давай говорить открыто.

- Давай, - согласился Хендерсон безразличным тоном. - Жизнь коротка. - Поняв двусмысленность своих слов, он неуверенно улыбнулся.

Ломбард прислонился к умывальнику в углу камеры.

- Я ее всего один раз видел, - сказал он задумчиво.
- Два раза, - напомнил Хендерсон. - Помнишь, мы однажды случайно встретились на улице?
- Да, вспомнил. Она все время тянула тебя за руку.
- Она шла купить себе что-то. Знаешь, как это важно для женщин! Они ничего не видят и не слышат. - Потом, словно извиняясь за ту, которая уже мертва, и не осознавая, насколько это излишне, он произнес: - Мы собирались пригласить тебя на ужин, но, знаешь, все никак было не собраться.

- Знаю, - дипломатично согласился Ломбард. - Жены не терпят тех, с кем их мужья дружили до свадьбы. - Он вынул пачку сигарет и бросил ее Хендерсону. - Не удивляйся, если у тебя после этих сигарет распухнет рот и появятся пузыри на языке. Это я с собой привез - наполовину порох, наполовину средство от насекомых. - Он закурил. - Ты мне все расскажешь?

Хендерсон вздохнул:

- Конечно. Я столько об этом думал, что могу рассказывать даже во сне.

- Ну а я ничего не знаю. Расскажи все, не опуская никаких подробностей.

- Наш брак с Марселлой оказался только предварительным опытом. Мужчина не будет этим хвастаться перед первым встречным, даже перед другом, но, когда приговорен к смерти, нечего скрывать. Потом я встретил ту, настоящую. Это было уже больше года назад. Все началось неожиданно и для меня слишком поздно. Ты ее не знаешь, так что имя не имеет значения. Даже на суде проявили благородство и не назвали ее имени, называли ее просто девушкой. И тебе придется удовлетвориться тем, что я буду называть ее моей девушкой.

- Хорошо, твоя девушка, - согласился Ломбард. Глядя в пол, он внимательно слушал.

- Бедная девушка! Все несчастье в том, что именно она была мне нужна. Будь я свободен, все было бы хорошо. В неудачном браке человек живет как бы вполсилы, даже не подозревая об этом. Только когда придет настоящее чувство, начинаешь искать выход.

- Искать выход, - повторил Ломбард с отсутствующим видом.

- Все было ясно с самого начала. Я уже на втором свидании сказал ей о Марселле. Эта встреча должна была быть последней. Мы говорили себе, что расстанемся, но продолжали встречаться, нас тянуло друг к другу, как магнитом.

Марселла узнала о девушке через месяц. Я сам ей рассказал. Обрати внимание, это не было для нее неожиданностью. Она только улыбнулась и стала ждать, что будет дальше, - как будто наблюдала через стекло за двумя пойманными мухами.

Я предложил ей развестись. Она снова только улыбнулась.

Мне было ясно, что она не принимает это всерьез. Она заявила, что ей нужно подумать. Шли недели, месяцы - она все думала. А я был в подвешенном состоянии. Она все время смотрела на меня с иронической усмешкой. Она получала от всего этого удовольствие.

Я говорил себе: ты взрослый человек и хочешь жениться на девушке, которую любишь. Это не было поверхностное знакомство, я хотел на ней жениться, потому что женщина, с которой я жил, просто не могла быть мне женой.

Моя девушка сказала: «Ей придется на что-нибудь решиться. Она держит нас в кулаке. Ты делаешь ошибку, ничего ей не говоря. Это только укрепляет ее позиции. Поговори с ней дружески. Пригласи ее куда-нибудь и искренне все расскажи. Ведь вы когда-то любили друг друга, что-то должно было остаться от этого чувства, хотя бы общие воспоминания. Наверняка она еще питает к тебе какую-то симпатию, ты должен этим воспользоваться. Объясни ей, что это будет лучшее решение для вас обоих».

Я купил два билета на ревью и заказал столик в ресторане, куда мы вместе ходили до свадьбы. Придя домой, я сказал ей: «Не провести ли нам вечер вместе, как в старые времена?» Она странно улыбнулась и ответила: «Конечно, почему бы и нет». Я пошел в ванную, а она села перед зеркалом и начала приводить себя в порядок. Под душем я от радости запел. Я подумал, что она мне очень симпатична и в этом вся беда. Она всегда была мне симпатична, и я принял это чувство за любовь. - Он бросил сигарету на пол и раздавил ее. Потом, не поднимая глаз, продолжал: - Почему она мне сразу не сказала, что никуда не пойдет? Зачем было пробуждать во мне надежды? Зачем она злорадствовала, видя меня счастливым впервые за последние полгода? Зачем она сказала, что пойдет, хотя с самого начала решила не ходить? В этом была вся ее натура. Ей доставляло наслаждение видеть меня беспомощным как в мелочах, так и в серьезных делах.

Постепенно до меня это дошло. В зеркале мне было видно, что она смеется. Я держал в руках галстук и хотел его завязать. Она уже перестала делать вид, что собирается, и сидела неподвижно, положив руки на стол.

И все время смеялась, смеялась над человеком, который находится в ее власти. О том, что произошло потом, существует две версии - их и моя. До сих пор они полностью совпадают. Но с момента, как я остановился с галстуком в руке у нее за спиной, версии диаметрально расходятся.

Сначала выслушай мою, правдивую.

Она ждала, когда я спрошу, почему она не собирается. Минуту я смотрел на нее и наконец сделал то, чего она от меня ждала. Я спросил: «Ты не пойдешь со мной?»

Она начала смеяться. Надо было видеть, как она смеялась! До тех пор я не знал, каким оружием может стать смех. Через ее плечо я посмотрел на свое отражение в зеркале и увидел, как побледнел.

Она сказала: «Жаль, если пропадут билеты. Не надо сорить деньгами. Почему бы тебе не пригласить ее? Она заслуживает того, чтобы провести вечер с тобой, но не так, как она себе это представляет».

И в ту минуту я понял, что она будет себя вести так до конца, до самой смерти. А это очень долго! Сжав зубы, я сунул руки в карманы. Не знаю, куда делся галстук, который я держал в руке. Наверное, упал на пол. Знаю только, что я не обмотал его вокруг ее шеи.

Я никогда не поднимал руку на женщину, это не в моем характере. И тогда я не мог этого сделать, хоть она меня всячески провоцировала, не знаю почему. Возможно потому, что знала - меня можно не бояться. Она видела мое лицо в зеркале, ей не нужно было поворачиваться ко мне. «Ударь меня! Посмотри, какой ты герой! Но это тебе не поможет. Можешь любезничать, можешь злиться, но на ней ты не женишься. Этому не бывать!» - сказала она.

Потом мы наговорили друг другу того, чего не следовало бы говорить. Знаешь, как бывает при ссорах. Но дальше слов не пошло. Я до нее пальцем не дотронулся. Я говорил: «Зачем ты за меня цепляешься? Ведь ты даже видеть меня не хочешь». Она издевалась надо мной: «Чтобы ты меня защитил, если к нам заберутся грабители». Я ей ответил: «Теперь ты уже не дождешься от меня большего». А она заявила: «Ты считаешь, что давал мне больше?»

Я был вне себя от бешенства, вытащил из кармана два доллара и бросил ей под ноги: «Хорошо, что ты мне это напомнила. Я у тебя в долгу. Вот тебе за то, что ты вышла за меня замуж. Оркестру заплачу отдельно».

Знаю, с моей стороны это было грубо и подло. Я схватил шляпу, плащ и выбежал. Когда я уходил, она все еще сидела у зеркала и смеялась. Как она смеялась, Джон! Но я ее пальцем не тронул, она была жива. Ее смех я слышал даже за закрытыми дверьми. Я не мог этого вынести, не стал дожидаться лифта и бегом побежал с лестницы.

Хендерсон долго молчал. Он ждал, пока сцена, которую он воскресил в памяти, исчезнет. На лбу у него выступил пот. Потом он продолжил спокойным голосом:

- Когда я вернулся, она была мертва; полицейские утверждали, что ее убил я. Они установили, что это случилось в шесть часов восемь минут пятнадцать секунд: через десять минут после того, как я хлопнул дверью. До сих пор у меня мурашки по коже бегают, когда я об этом вспоминаю. Убийца, кто бы он ни был, прятался где-то в доме...

- Но ты же сказал, что спустился пешком по лестнице?

- Он мог прятаться на лестнице выше или на чердаке. Может быть, я хлопнул дверью так резко, что она не закрылась, и он вошел. Она, наверное, ничего не успела понять. Может он слышал, как мы ссоримся, видел, как я выбежал. Может быть, она не услышала его потому, что смеялась, а потом уже было поздно.

- Это мог быть человек, который там что-то вынюхивал...

- Но что? Полицейским это не пришло в голову, поэтому они этой проблемой не занимались. Это был не вор - ничего не исчезло. В открытом ящике стола лежало шестьдесят долларов. Это не был сексуальный маньяк.

Ломбард предположил:

- Может, у него были такие намерения, но его что-то спугнуло?

- Нет, - устало возразил Хендерсон. - Перед ней на туалетном столике лежало кольцо с бриллиантом.

Чтобы схватить его, достаточно одного мгновения. Но кольцо осталось там. - Хендерсон покачал головой: - Меня подвел галстук. Он был снят с самого нижнего крючка в глубине шкафа и сочетался со всем, что было на мне надето. Я сам его выбрал. Во время ссоры я его, вероятно, уронил на пол, а потом схватил тот, который был на мне днем. Галстук, вероятно, попался на глаза убийце, он его поднял и... Не знаю, кто и почему это сделал!

Ломбард предложил свою версию:

- Может быть, он это сделал без причины, просто поддавшись мгновенному импульсу - убийство ради убийства. Может быть, это был сумасшедший, может быть, его спровоцировала произошедшая между вами сцена. Увидев, что дверь осталась открытой, он понял, что может сделать все совершенно безнаказанно. Ты наверняка слышал о подобных случаях.

- Если так, его никогда не найдут. Такого преступника труднее всего разыскать. Если его и поймают, то случайно. Может быть, его арестуют совсем по другому делу, а он признается и в этом преступлении. Но мне это уже не поможет.

- О каком главном свидетеле ты писал в телеграмме?

- Сейчас расскажу. Это единственный проблеск надежды. Меня могли бы оправдать. Найти преступника или эту свидетельницу для меня означает одно и то же, хотя между ними нет ничего общего. - Он продолжал с отчаянием: - Существует женщина, которая может подтвердить мое алиби. Достаточно будет, если она скажет, что мы встретились в баре в восьми кварталах от моего дома в шесть часов десять минут. Эта женщина, где бы она ни жила и кто бы она ни была, знает это так же точно, как я. Доказано, что я не мог совершить преступление и прийти к этому времени в бар. Если ты, Джон, хочешь помочь мне выпутаться, ты должен найти эту женщину. Только она может мне помочь.

Ломбард долго раздумывал, прежде чем заговорил:

- Что было сделано, чтобы ее разыскать?

- Все. Все, что в человеческих силах.

Ломбард подошел к Хендерсону и сел на нары рядом с ним.

- Думаешь, теперь, когда прошло столько месяцев и все следы стерты, есть шанс найти за восемнадцать дней женщину, которую не смогли найти ни полиция, ни твой адвокат, ни прокуратура - никто?

Пришел надзиратель. Ломбард встал и, уходя, дотронулся до опущенного плеча Хендерсона.

Хендерсон неуверенно спросил:

- Мы не пожмем друг другу руки на прощанье?

- Зачем? Я же завтра снова приду.

- Значит, ты все-таки попытаешься ее найти?

Ломбард повернулся к нему и смерил его уничтожающим взглядом, словно его привело в бешенство такое недоверие:

- А с чего ты взял, что не попытаюсь? - рассерженно сказал он.

10. За семнадцать и шестнадцать дней до казни

Ломбард ходил взад-вперед по камере, засунув руки в карманы и опустив глаза. Потом он остановился и сказал:

- Хенди, ты должен еще что-нибудь вспомнить. Я ведь не фокусник и не могу просто вытащить ее из шляпы.

- Знаешь, - утомленно сказал Хендерсон, - я думал об этом миллион раз, мне это по ночам снится, но больше я ничего не могу вспомнить.

- Неужели ты совсем не смотрел на ее лицо?

- Она ничем не привлекла моего внимания.

- Начнем все снова. Не смотри на меня так, это единственное, что мы можем сделать. Когда ты пришел в бар, она там сидела. Попытайся восстановить первое впечатление. Иногда первое впечатление дает более точную картину. Какое у тебя было первое впечатление?

- Я увидел руку, протянувшуюся за печеньем.

Ломбард посмотрел на него враждебно:

- Послушай, как могло случиться, что ты встал, подошел к незнакомой женщине, заговорил с ней и при этом ее не видел? Ты видел, что это женщина? Объясни, как ты понял, что это женщина.

- Она была в юбке, значит, женщина, костылей рядом не было, значит, физически нормальная. Больше меня ничего не интересовало. Я смотрел сквозь нее и видел свою девушку. Что еще я могу сказать? - рассердился в свою очередь Хендерсон.

Ломбард немного помолчал, чтобы успокоиться. Потом снова начал спрашивать:

- Какой у нее был голос? Манера говорить? К какому кругу она принадлежала?

- Наверняка она была образованная. Горожанка. Голос без цвета, вкуса и запаха - как дистиллированная вода.

- Раз ты не обратил внимания на акцент, вероятно, она была местная. А что было в такси?

- Ничего, колеса вертелись.

- А в ресторане?

Хендерсон протестующе выпрямился:

- Ничего. Это не имеет смысла, Джон. У меня было плохое настроение, она ела и говорила. Это все.

- Хорошо. О чем она говорила?

- Я не могу вспомнить ни слова. Это было не то, что запоминается, просто разговор, чтобы не молчать. «Рыба была отличная». «Война - это очень страшно, не правда ли?» «Нет, спасибо, я не хочу курить».

- Я с тобой с ума сойду. Точно, у тебя на уме была только твоя девушка.

- Да. И больше не говори о ней.

- А что в театре?

- Единственный необычный эпизод был там. Она встала во время представления; я об этом уже сто раз рассказывал.

Ломбард продолжал настаивать:

- Но почему она встала? Ты утверждаешь, что занавес еще не опустился. Ведь в театре никто не встает просто так, без причины.

- Я не знаю, почему она встала. Я не мог заглянуть ей в душу.

- Кажется, ты не видел и того, что в тебе самом творится. Ничего не поделаешь, вернемся к этому позже. Когда найдем следствие, возможно, выплывет и причина. - Надеюсь, ты посмотрел на нее, когда она встала?

- Смотреть означает перевести взгляд на предмет, а видеть - это умственная деятельность.

Я смотрел на нее весь вечер, но не видел ее.

- Это ужасно, - нахмурился Ломбард. - Наверное, я из тебя ничего не вытяну. Придется найти кого-то, кто видел ее в тот вечер и сможет что-нибудь о ней сказать. Не может быть, чтобы два человека в течение шести часов ходили по городу и их никто не видел.

Хендерсон попытался улыбнуться:

- Я тоже сначала так думал, но, наверное, в этот вечер разразилась эпидемия астигматизма. Иногда я сам начинаю сомневаться в том, что эта женщина существовала.

- Ну, такие разговоры ты оставь, - резко остановил его Ломбард.

Хендерсон встал, поднял обгоревшую спичку и отнес ее к стене, где на полу лежало несколько рядов спичек. В верхних рядах на каждой спичке, как будто перечеркивая ее, лежала другая. Несколько последних еще не было зачеркнуто.

- Это ты тоже оставь! - рассердился Ломбард, в бешенстве пнул ногой ряды спичек и смешал их - перечеркнутые и неперечеркнутые. - Иди сюда, - сказал он.

- Я лучше постою, здесь мало места, - возразил Хендерсон.

- Ты понимаешь, чего я от тебя хочу? Пласты, которые никто не разрабатывал. Второстепенные свидетели, люди, которых не вызывали в суд, все, на кого полиция не обратила внимания.

- Ты слишком много хочешь: вызвать второстепенных духов, которые вызовут дух первой степени. Не лучше ли сразу обратиться к медиуму?

- Пусть это были духи, призраки, главное, что они столкнулись с тобой, прошли мимо тебя по тротуару. Важно, чтобы я успел первым с ними поговорить. Меня не интересуют те, кого уже допрашивали. Где-то должна быть трещинка, в которую мы вобьем клин. Давай еще раз пройдемся по всему пути. Во-первых, бар.

- Опять этот бар, - вздохнул Хендерсон.

- Из бармена уже вытянули все, что можно. Там еще кто-нибудь был?

- Нет.

- Не спеши, подумай. Если будешь торопиться, ничего не вспомнишь.

Прошло пять минут.

- Какая-то девушка оглянулась нам вслед, когда мы уходили. Она сидела в боковой кабинке. Я обратил на нее внимание, когда мы шли мимо. Это тебя интересует?

Карандаш Ломбарда застрочил по бумаге.

- Это именно то, чего я ждал. Никаких подробностей об этой девушке ты не можешь вспомнить?

- Нет, ее я помню еще хуже, чем женщину, с которой провел вечер. Помню только, что она оглянулась.

- Давай дальше.

- Дальше таксист. Он очень развлек всех в зале суда...

- Дальше ресторан. В этом «Мейсон Бланш» есть гардеробщик?

- Он не может помнить мою спутницу. Я был один, когда сдавал пальто. Призрак на минуту оставил меня одного и удалился в туалет.

Карандаш Ломбарда снова пришел в движение.

- Может быть, в туалете была какая-нибудь уборщица. Но вряд ли на нее кто-нибудь обратил внимание, когда она была одна, если даже с тобой ее никто не заметил. А в зале никто в вашу сторону не оглядывался?

- Она одна подошла к столу.

- Ну, пойдём дальше. Театр.

- Я помню, что у входа стоял швейцар с усами, как у моржа. Когда он увидел ее шляпу, у него перехватило дыхание.

- Хорошо. Я записал. А что капельдинер?

- Мы опоздали, ему пришлось в темноте проводить нас на места.

- Значит, это отпадает. А сцена?

- Ты имеешь в виду артистов? По-моему, им некогда было смотреть по сторонам.

- Когда она встала во время представления, на это должны были обратить внимание. Полиция допрашивала кого-нибудь?

- Нет.

- Не мешает проверить. Нельзя ничего упускать, понимаешь - ничего. Даже если бы мимо вас прошел слепой... Что с тобой?

- Вот именно. Я вспомнил. Там был слепой. Нищий. Когда мы выходили из театра, произошел неприятный инцидент... - Увидев, что Ломбард что-то записывает, он с недоверием спросил: - Ты меня разыгрываешь?

- Ты так думаешь? - сухо заметил Ломбард. - Посмотрим, может быть, из этого что-нибудь выйдет.

Он снова приготовил карандаш.

- Больше мне нечего вспомнить.

Ломбард спрятал записки в карман и встал.

- Где-нибудь в этой стене я найду трещину! - обещал он торжественно, потом подошел к двери и постучал кулаком, чтобы его выпустили. - И оставь эти мысли, - строго сказал он, увидев, что Хендерсон невольно направил свой взгляд туда, где до вчерашнего дня находился его мрачный календарь.

Во всех газетах появилось объявление:

Прошу отозваться молодую даму, которая сидела вместе со своим спутником 20 мая с. г. около 18.15 в боковой кабинке бара «Ансельмо». Возможно, она вспомнит проходившую мимо женщину в необычной шляпе оранжевого цвета. Речь идет о жизни человека. Гарантируется неразглашение сведений. Ответ просим послать по адресу: «Дж. Л. Почтовый ящик 654».

Объявление осталось без ответа.

11. За пятнадцать дней до казни Ломбард

Ему открыла неухоженная женщина с падающими на глаза седыми волосами. Из двери пахло тушеной капустой.

- Здесь живет мистер О'Беннон? Майкл О'Беннон?

Дальше она его не пустила.

- Послушайте, я была сегодня в конторе, и мне сказали, что вы подождете до среды. Не бойтесь, мы не собираемся обмануть вашу фирму.

- Я не из конторы. Мне нужно поговорить с Майклом О'Бенноном, который работал летом швейцаром в «Казино».

- А, была у него такая работа, - согласилась она с саркастическим видом и, повернув голову, громко сказала: - Некоторые позволяют выбросить себя с места и не поднимут зада, чтобы поискать другое.

Ждут, что работа сама к ним придет.

Из квартиры донеслись протестующие звуки, напоминающие собачий лай.

- К тебе пришли, Майкл! - прокричала она и сказала Ломбарду: - Проходите, а то он босиком.

Ломбард прошел по коридору, напоминающему вокзальный зал, и попал в комнату, посреди которой стоял накрытый клеенкой стол.

У стола полулежал на двух деревянных стульях человек, ради которого он сюда пришел. На нем была серая футболка с рукавами до локтей, брюки поддерживали подтяжки. Выношенные носки висели на спинке одного из стульев. Человек отложил в сторону программу скачек и вонючую трубку и гостеприимно приветствовал Ломбарда:

- Чем могу служить, шеф?

Ломбард снял шляпу и сел.

- Моему другу нужно встретиться с одной особой, - начал он доверительным тоном. Он решил, что не стоит пугать людей упоминанием о смертном приговоре и полиции. Они могли бы утаить то, что им известно. - Это очень важно. Жизненно важно. Поэтому я пришел к вам. Вы бы не могли вспомнить одного джентльмена с дамой, вышедших из такси перед театром? Это было однажды вечером в мае, когда вы там работали. Вы открывали им двери.

- Конечно, я открывал всем, кто подъезжал, мне за это платили.

- Они приехали поздно. Наверное, были последними. У женщины на голове была оранжевая шляпа. Эта шляпа с петушиным пером очень бросалась в глаза. Она должна была пройти очень близко от вас. Вы наверняка проводили ее взглядом.

- Можете быть спокойны, он вспомнит, - воинственно заявила от дверей миссис О'Беннон. - Если шляпа была на какой-нибудь красотке, он, могу поклясться, пялил на нее глаза.

Мужчины не обращали на нее внимания.

- Мой друг заметил вас, - продолжал Ломбард и наклонился к бывшему швейцару: - Вы не могли бы его вспомнить? Эта сцена не сохранилась в вашей памяти?

О'Беннон задумчиво покачал головой и с упреком посмотрел на гостя:

- Знаете, сколько лиц проходит мимо каждый вечер? И как правило, парами - джентльмен и дама.

Ломбард склонился над ним, пытаясь взглядом заставить его вспомнить:

- Подумайте хорошенько, О'Беннон! Это вопрос жизни или смерти.
Миссис О'Беннон осторожно приблизилась к ним.
О'Беннон снова покачал головой, на этот раз решительно:
- Нет. Из всех, кому я открывал в том сезоне двери, помню только одного парня. Он пришел один и совершенно пьяный. Я запомнил его только потому, что он выпал из машины прямо на асфальт и мне пришлось его поднимать...
Ломбард остановил поток его воспоминаний:
- Значит, вы не можете вспомнить?
- Не могу. - О'Беннон снова взялся за программу скачек и трубку.
Миссис О'Беннон испытующе посмотрела на Ломбарда:
- А если он вспомнит, что мы будем с этого иметь?
- Разумеется, я заплачу, если вы мне поможете.
- Слышишь, Мики? - Она набросилась на мужа, тряся его за плечи. - Попробуй вспомнить!
- Как я могу что-нибудь вспомнить, когда ты меня трясешь, как грушу?
Ломбард разочарованно повернулся и направился к выходу.
Женщина снова набросилась на мужа:
- Мики, он же уходит! Что с тобой, Мики? Этому человеку нужно, чтобы ты вспомнил какую-то ерунду. Неужели ты и на это не способен?
Потом она, наверное, излила свою злость на его вещи. Раздался крик, он защищал свое имущество:
- Оставь мою трубку! Не трогай программу!
Ломбард слышал, как они ругаются, пока не закрыл двери квартиры. Потом крик перешел в заговорщический шепот. Ломбард понимающе улыбнулся и начал спускаться по лестнице.
Разумеется, дверь открылась, и жена О'Беннона крикнула, свесившись вниз:
- Подождите, сэр! Он вспомнил!
- Ах, вспомнил! - сухо сказал Ломбард и остановился, повернув к ней голову, но не сделал ни шагу обратно. Кошелек он держал в руке, как будто колебался - открыть или не открывать.
- Спросите у него, какая ручка была у её сумки: белая или черная?
Женщина прокричала вопрос в комнату и, выслушав ответ, передала его Ломбарду. В ее голосе звучали неуверенные нотки
- Белая, все-таки вечерняя сумка...
Ломбард положил кошелек в карман.
- Не угадали.

12. За четырнадцать, тринадцать и двенадцать дней до казни Девушка

Когда он обратил на нее внимание, она уже несколько минут сидела на табурете, Его смена только начиналась; она пришла сразу после того, как он занял свое место. Когда он вышел в зал в свежее-накрахмаленной куртке, ее еще не было, он знал точно. Обслужив посетителя на другом конце бара, он обратил внимание на то, как тихо она сидит, и подошел к ней.

- Что вы желаете, мисс?

Она необычно пристально посмотрела ему в глаза; он отметил это про себя. Потом ему показалось, что он все выдумывает. Посетители всегда на него смотрят, делая заказ.

Но она смотрела по-другому. Во взгляде отражалась личная заинтересованность. Важен был сам взгляд, заказ только сопровождал его. Этот взгляд предназначался ему лично, человеку, которому она делала заказ. Взгляд говорил: запомни меня хорошенько!

Она заказала виски с содовой. Когда он наливал, она следила за ним глазами. У него появилось было ощущение, что это выводит его из равновесия, но быстро исчезло.

Так все началось.

Он подал ей виски и тут же отошел обслуживать другого посетителя.

Прошло несколько минут. Он о ней не думал, забыл о ее существовании. В течение этих нескольких минут должна была хоть немного измениться ее поза, хотя бы шевельнуться рука, поднимающая рюмку, переместиться на другой предмет взгляд. Ничего такого не произошло. Она сидела неподвижно, напоминая фотографию. К виски она не притронулась; все стояло там, где он поставил. Двигались только ее глаза. Они повсюду следовали за ним.

У него снова появилось немного свободного времени, и он опять встретился с ней глазами - впервые с того момента, как осознал, что она наблюдает за ним. Он понял, что она все время не сводила с него глаз. Теперь это выводило его из равновесия.

Он не мог понять, почему она за ним наблюдает. Он украдкой посмотрелся в зеркало - ничего особенного, все, как обычно.

Без сомнения, она наблюдает за ним - куда бы он ни шел, взгляд следовал за ним. Это не был мечтательный, обращенный в себя, задумчивый взгляд; это был осмысленный взгляд, сосредоточенный на нем. Она преследовала его и выводила из равновесия.

Он в жизни не видел, чтобы кто-нибудь сидел так неподвижно. Она не сделала ни одного движения. Виски стояло перед ней нетронутым. Она сидела, как воплощение Будды, пристально уставившись на него.

Наконец он подошел к ней:

- Убрать вашу рюмку, мисс?

Он хотел вывести ее из неподвижности. Но ничто не помогло. Она ответила бесцветным голосом:

- Оставьте ее.

Обстоятельства были в ее пользу: никто не ждет, чтобы женщина заказывала рюмку за рюмкой. К тому же она не флиртowała с ним, не пыталась выманить рюмку за его счет; ее не в чем было упрекнуть. Он постоял перед ней, несчастный и беспомощный, и отошел, как побитая собака. Она по-прежнему упорно следила за ним глазами.

Беспокойство преследовало его. Он то пожимал плечами, то нервно поправлял воротничок. Даже не оглядываясь, он чувствовал, что она наблюдает за ним. Ему становилось все хуже и хуже.

Другие посетители, которых становилось все больше, не были ему сегодня в тягость, наоборот, они давали ему возможность заняться бутылками, бокалами, отвлечься и не думать об этом взгляде.

Но когда выпадала свободная минута, он не знал, куда девать руки.

Он уронил бутылку пива, нажал не ту кнопку в кассе.

Он больше не мог этого выносить и подошел к ней.

- Чем могу быть полезен, мисс? - спросил он хриплым голосом, в котором прорывались нотки бешенства. - Чего вы, собственно, от меня хотите?

- Разве я сказала, что хочу чего-нибудь?

- Извините, может быть, я напоминаю какого-нибудь вашего знакомого?

- Нет.

Он был окончательно сбит с толку.

- Я подумал, что кого-нибудь вам напоминаю... Вы так на меня смотрите все время... - Он неуверенно защищался, но в этом был и упрек.

Она не ответила, по-прежнему не спуская с него глаз. Он был вынужден отвести глаза и уступить поле боя.

Она не проявляла враждебности, просто сидела и с серьезным, непроницаемым видом наблюдала за ним.

Оружие, которое она выбрала, было страшным. Обычно человек не осознает, насколько мучительно находиться под наблюдением в течение долгих часов, обычно человеческое терпение не подвергается такому испытанию.

С барменом такое сейчас происходило. И он был бессилен. Это был всего лишь взгляд, и он не мог с ним ничего сделать. Только она сама была над ним властна.

Он все сильнее чувствовал, что у него проявляются симптомы, которых раньше он не замечал и ученого названия которых не знал; у него появилось желание спрятаться, закрыться в

гардеробной, залезть под стойку бара, только бы не быть постоянно под ее взглядом. Его глаза все чаще останавливались на часах.

Всей душой он желал, чтобы она ушла, даже начал молиться об этом про себя. Но уже было ясно, что она не уйдет до закрытия. Она здесь была не по тем причинам, по которым люди ходят в бар.

Она никого не ждала. Она не хотела выпить - её рюмка стояла нетронутая там, где он поставил ее несколько часов назад. Ее единственной целью было наблюдать за ним.

Ему было не избавиться от нее, и он начал мечтать о том, чтобы скорее пришел час закрытия. Когда посетители начали расходиться, ее безжалостный упорный взгляд, напоминающий взгляд Медузы, стал еще сильнее притягивать его. Он уронил бокал. Это случилось с ним впервые за много месяцев. Нагибаясь за осколками, он смерил ее враждебным взглядом и прошептал проклятие.

Наконец, когда он уже потерял надежду, минутная стрелка подошла к двенадцати. Было четыре часа, бар закрывался. Последние посетители - двое мужчин, погруженных в серьезный разговор, - поднялись и направились к выходу. Она не шелохнулась, не повела бровью. Нетронутая рюмка все еще стояла перед ней, а она все так же следила за ним, не спуская глаз.

- Спокойной ночи, господа, - сказал он вслед удаляющимся мужчинам, давая ей понять, что пора подняться.

Она не реагировала.

Он нажал на выключатель, Лампы вдоль стен погасли, только над стойкой бара, где он стоял, остался свет, напоминающий заход солнца, отражающийся в зеркалах и рядах бутылок. Сам он превратился в черный силуэт на фоне стены, а она - в бестелесное существо.

Бармен подошел к ней, схватил рюмку и резким движением вылил виски.

- Бар закрывается, - процедил он сквозь зубы. Наконец она поднялась. Встав, она была вынуждена опереться о сиденье, пока не восстановилось кровообращение в онемевших ногах,

Расстегивая пуговицы на своей куртке, он сердито спросил:

- Что все это должно означать?

Она медленно пошла по неосвещенному помещению к выходу. Слово не слышала его. Ему никогда не приходило в голову, что вид уходящей из бара девушки может вызвать чувство такого облегчения. Он обессиленно прислонился к стене.

У входа горел фонарь, и, когда она проходила под ним, он снова увидел ее. Она остановилась и посмотрела на него долгим серьезным взглядом, словно пытаясь ему что-то напомнить. Взгляд говорил, что все это ему не привиделось и дело далеко не окончено.

Закрыв главный вход, он повернулся. Она неподвижно стояла на тротуаре в нескольких шагах от него, словно ждала, когда он выйдет.

Он был вынужден пройти в полуметре от нее, поскольку тротуар был довольно узкий, а девушка стояла посредине. Она повернула к нему голову, но было ясно, что она не скажет ни слова. Выведенный из себя этим молчаливым упрямством, он заговорил сам, хотя собирался игнорировать ее.

- Чего вы от меня хотите? - в бешенстве крикнул он.

- Разве я сказала, что чего-то от вас хочу?

Он с упреком посмотрел ей в глаза:

- Вы весь вечер не спускали с меня глаз! Ни на минуту, всю ночь, понимаете? - От возмущения он даже сжал кулаки. - А теперь еще стоите у входа...

- Разве здесь нельзя стоять?

Он неловко погрозил ей пальцем:

- Предупреждаю вас, мисс! По-хорошему...

Она даже не открыла рот, а в споре молчащий всегда одерживает верх. Он отвернулся и неуверенными шагами пошел дальше.

Он ни разу не оглянулся, но уже через двадцать шагов понял, что она идет за ним. Она не скрывалась. Стук ее каблуков приглушенно разносился по пустынной ночной улице.

Он прошел перекресток, потом второй, третий. И все это время за ним раздавалось неотвратимо преследующее «цок-цок», «цок-цок».

Он повернул голову, надеясь отогнать ее. Но она шла так уверенно и непринужденно, что доводила его до бешенства.

Он прошел еще несколько шагов и остановился. Им овладело отчаяние.

Она тоже остановилась, но не сделала ни шага назад.

Он подошел и крикнул ей прямо в лицо:

- Прошу вас, оставьте меня? На сегодня уже достаточно... Оставьте меня, или я...

- Но мне тоже нужно в эту сторону, - коротко ответила она.

Обстоятельства снова были на ее стороне. Если бы он был на ее месте... Но разве мужчина может, не рискуя выставить себя в смешном свете, жаловаться полицейскому, что его преследует одинокая девушка? Она не приставала к нему, просто шла тем же путем, что и он. Как и в баре, он был в ее власти. Он понимал, что бессилён и ему придется отступить. Наконец он повернулся и, бессильно сопя, направился дальше.

Десять шагов, пятнадцать, двадцать. Как по сигналу, тут же за ним раздалось цоканье каблучков. Она опять преследовала его.

Он в последний раз завернул за угол и взбежал по лестнице, ведущей на перрон. На верхней ступеньке он остановился и оглянулся.

Приближающиеся шаги громко звучали на металлических ступеньках. Скоро появилась и она.

Он остановился, загнанный в угол. За ним был турникет.

Она уверенно поднималась по лестнице. В руке у нее уже была приготовлена монетка. Она остановилась, когда их разделял только турникет.

Он поднял руку. Казалось, он ударит ее. Оскалив, как собака, зубы, он прорычал:

- Убирайся отсюда! Катись туда, откуда пришла! - Рукой он закрыл прорезь, куда она хотела опустить монету.

Она отступила на шаг и повернулась к другому турникету. Но и там он ее опередил. Она бросилась к первому, но он опять опередил ее. Перрон начал дрожать - подъезжал один из редких ночных поездов.

Он размахнулся, кулак чуть не задел ее лицо. Она отпрянула в сторону, как будто на нее дунуло чем-то страшным.

Где-то рядом раздался решительный стук по стеклу, и дежурный по станции высунул голову из дверей своей будки.

- Сейчас же прекратите! Почему вы ее не пускаете?

Бармен повернулся к нему, желая оправдаться:

- Эта девчонка, наверное, сумасшедшая, ей место в психиатрической лечебнице. Она все время за мной ходит, я не могу от нее избавиться.

Девушка ответила так же спокойно, как раньше:

- Вы единственный, кому нужно ехать до Третьей авеню?

Бармен снова обратился к дежурному, выглядывавшему из дверей будки:

- Спросите, куда она едет. Она и сама не знает!

Ее ответ был адресован дежурному, но звучал так значительно, как будто скрывал в себе более глубокий смысл:

- Я еду на Двадцать седьмую улицу, между Второй и Третьей авеню, и имею право сесть в поезд, как любой другой.

Человек, не пускавший ее на перрон, побледнел. Иначе и быть не могло - на этой улице жил он. Ей был известен его адрес. Не имело смысла пытаться избавиться от нее.

Дежурный сделал величественный жест:

- Проходите, мисс.

Монета блеснула в свете фонаря, и девушка прошла через второй турникет, не ожидая, когда бармен освободит ей проход в первом, Тем более что он не мог двинуться с места.

Подошел поезд, но он ехал в противоположном направлении. Когда он исчез, станция вновь погрузилась во мрак.

Девушка медленно прошла в конец перрона. Бармен направился за ней. Оба смотрели в одном направлении - он ее видел, а она его нет.

Она шла в самый конец платформы, пытаясь бесцельной прогулкой сократить ожидание.

Она уже исчезла из поля зрения дежурного; перрон здесь сужался. Она остановилась, собираясь повернуть обратно. Пока она стояла спиной к нему, напряженно вглядываясь туда, откуда должен был появиться поезд, ее охватил необъяснимый страх. Вероятно, она услышала за спиной его шаги. Теперь он подкрадывался к ней. В его медленных движениях, в крадущихся шагах было что-то угрожающее. Настораживало не старание ступать тихо, а необычный ритм шагов - будто он шел с завязанными ногами, стремясь приблизиться и в то же время создать впечатление, что не двигается. Она почувствовала это еще до того, как повернулась, и теперь знала, что, пока стояла спиной к нему, у него возникло какое-то намерение, которого раньше не было.

Он не приближался, их по-прежнему разделяли два пролета. Она увидела, что он смотрит вниз, на рельсы.

Она сразу все поняла. Достаточно подождать, когда она будет проходить мимо, и слегка подтолкнуть ее локтем. На этом конце перрона она была как бы в тупике. Дежурный по станции, который мог ее защитить, не видел ее. Его будка была расположена так, чтобы он видел турникеты у входа, конец перрона был вне поля его зрения.

Здесь не было никого, кроме них двоих. Девушка еще раз оглянулась - перрон был пуст. Поезда все не было, и только его появление могло ее спасти.

Отступить дальше означало бы самоубийство: платформа кончалась через несколько шагов, и она была бы полностью в его власти. Возвращаясь к началу перрона, под защиту дежурного, она должна была пройти совсем рядом с барменом - этого он и ждал.

Начав кричать в надежде привлечь внимание дежурного, она только ускорила бы то, чего пыталась избежать. По лицу бармена было видно, что он очень возбужден, и ее крик мог дать обратный эффект. Все его действия были вызваны страхом, и, если она закричит, страх только усилится.

Она слишком напугала его, это удалось ей великолепно. Девушка осторожно отошла от края перрона и уперлась спиной в рекламный щит, прикрепленный над перилами. Прижавшись к щиту, она медленно продвигалась вдоль него, не спуская глаз с бармена.

Когда она оказалась на расстоянии вытянутой руки от него, он сделал шаг в сторону, преграждая ей путь. Их движения пугали своей замедленностью. На пустом перроне на высоте третьего этажа, в неверном свете редких фонарей, висящих над головой, они напоминали ленивых рыб в аквариуме.

Раздался щелчок открывающегося турникета, и на перроне появилась неуверенно держащаяся на ногах цветная девица; она чуть не упала, споткнувшись, потом наклонилась и начала чесать ногу.

Постепенно напряжение отпустило их. Девушка по-прежнему стояла, прислонившись к рекламному щиту, колени у нее слегка дрожали. Бармен обессиленно оперся на автомат, продающий жевательную резинку. Было видно, что он отказывается от своих кровожадных намерений. Наконец он медленно отвернулся от нее. Не было сказано ни единого слова, как в пантомиме.

Девушка снова полностью владела ситуацией.

Подъехал поезд, и они вошли в один вагон, но с разных концов. Сидя как можно дальше друг от друга, они постепенно приходили в себя после пережитого шока; он низко наклонил голову и уронил руки на колени; она откинулась на спинку, устремив взгляд на потолок. Между ними была только цветная девица, которая следила в окно за названиями станций, словно выбирая, где выйти.

Они вышли из поезда на Двадцать седьмой улице, каждый в свою дверь. Спускаясь по лестнице, бармен чувствовал за спиной ее присутствие. Он, вероятно, смирился и решил не мешать ей следовать за собой, раз она взяла это в голову.

Они шли каждый по своей стороне улицы. Бармен немного обогнал ее, она не сокращала расстояние между ними. Ей было известно, в какую дверь он войдет, и он это понял. Оба шли уверенно; единственной неизвестной величиной была причина, по которой девушка это делала.

Он вошел в темный подъезд и исчез из виду. Определенно, он до последнего момента слышал, как с противоположного тротуара доносится безжалостное «цок-цок-цок», но ни разу не оглянулся. Наконец их пути разошлись.

Она остановилась напротив дома, в котором он исчез, так, чтобы ее было хорошо видно с противоположной стороны, и стала наблюдать за двумя окнами на фасаде.

Через минуту в них загорелся свет, но сразу погас, словно по приказу. Серая занавеска шевельнулась и приподнялась, как тень на стекле. Девушка знала, что из окна за ней наблюдает по крайней мере один человек, а возможно, и несколько.

Она упорно стояла на своем месте.

В просвете улиц промелькнул поезд. Проехало такси. Таксист с любопытством взглянул на нее, но его машина была занята. Запоздалый пешеход попытался заглянуть ей в глаза, ища в них поощрения. Она отвернулась и снова повернула голову к фасаду, только когда прохожий ушел.

Неожиданно рядом с ней появился полицейский. Вероятно, он какое-то время наблюдал за ней.

- Простите, мисс. Какая-то женщина из дома напротив жалуется, что вы преследовали ее мужа по дороге с работы, а теперь уже полчаса заглядываете к ним в окна.

- Она сказала правду.

- Тогда вам лучше уйти.

- Прошу вас, схватите меня за руку и отведите за угол, как будто хотите арестовать.

Полицейский выполнил ее просьбу. Когда они зашли за угол, он остановился.

- А что теперь?

Девушка достала какую-то бумагу и дала полицейскому. Прочитав, он внимательно посмотрел на девушку в неверном свете лампы.

- Кто вас послал?

- Отдел по расследованию убийств. Можете туда позвонить, чтобы убедиться. Я делаю это с их согласия.

- Значит, какое-то секретное расследование, - с растущим уважением прокомментировал ее слова полицейский.

- Прошу на будущее: не обращайтесь на жалобы этих людей, если они будут касаться меня. Несколько следующих дней и, главное, ночей они будут сыпаться на вас в большом количестве.

Когда полицейский ушел, она позвонила по телефону.

- Ну, как дела? - спросил голос в трубке.

- Он начинает нервничать. Разбил стакан в баре. Чуть не столкнул меня с платформы под поезд.

- Значит, дело двинулось. Будьте осторожны, не приближайтесь к нему, когда поблизости никого нет. Помните: главное, чтобы он не знал, что за всем этим кроется. Это очень важно. Если он узнает, что вам нужно, весь эффект будет утрачен. А если он будет нервничать, мы в конце концов узнаем от него то, что нам требуется.

- Когда он обычно уходит на работу?

- Из дома выходит около пяти, - сообщил ей информатор.

Вечером третьего дня рядом с ней неожиданно появился хозяин и подозвал бармена:

- Почему ты не обслуживаешь мисс? Она сидит уже двадцать минут, а ты к ней не подошел.

Лицо бармена стало пепельным, лоб покрылся потом.

- Я не могу... я... Мистер Ансельмо, это выше человеческих сил... Эта женщина меня преследует... Вам этого не понять... - Он чуть не плакал.

Девушка, сидя неподалеку, смотрела на них спокойно и невинно, как ребенок.

- Она сидит так уже третий вечер и все время на меня смотрит...

- Что ей остается делать? Она ждет, что ты ее обслужишь, - упрекнул его хозяин. Он внимательнее посмотрел на бармена и заметил, что тот не в своей тарелке. - Что с тобой? Если ты плохо себя чувствуешь, можешь идти домой, вызовем тебе на замену Петера.

- Нет, прошу вас, не надо! - начал упрашивать хозяина бармен, в его голосе был страх. - Я не пойду домой. Все равно она пойдет следом за мной и будет стоять под нашими окнами всю ночь! Лучше я останусь здесь, по крайней мере вокруг люди.

- Перестань нести вздор и обслужи ее, - прервал его хозяин и, повернувшись к девушке, убедился собственными глазами, какое это спокойное, безобидное и воспитанное создание.

Бармен трясущейся рукой поставил перед ней рюмку. Не было произнесено ни слова.

Дежурный по станции дружески улыбнулся ей, когда она поднялась на перрон и остановилась недалеко от его будки.

- Ну не смешно ли, что вы всегда приходите почти одновременно с тем парнем?

И сейчас он только что прошел. Вы заметили?

- Конечно, - заверила его она. - Мы ходим в один и тот же бар.

Она держалась недалеко от дежурного, опираясь о выступ под окошечком будки и болтая, чтобы скоротать время в ожидании поезда.

- Хорошая сегодня ночь... Думаю, следующий матч наши проиграют...

Время от времени она поглядывала на платформу, где одиноко прохаживалась высокая фигура, но не отваживалась туда пройти.

Только когда остановился поезд и открылись двери, она сдвинулась со своего места и вскочила в вагон. Теперь она была в безопасности.

Притормозило такси, водитель с любопытством посмотрел на нее и поехал дальше. Прошли мимо два пешехода, один пошутил:

- Что с тобой, киска, тебя выгнали из дома?

И снова воцарилась тишина.

Вдруг из подъезда выбежала растрепанная женщина. Пальто на ней было наброшено поверх ночной рубашки, на ногах - большие шлепанцы, спадавшие на каждом шагу. Размахивая длинной обтрепанной метлой, она бросилась к одинокой фигурке, стоящей на противоположной стороне улицы. Ее намерения были ясны - как следует поддать этой нахалке.

Девушка повернулась и ретировалась к ближайшему перекрестку; она шла спокойно, не было видно, что она боится. Это выглядело продуманным отступлением перед кем-то, кто ее не интересовал.

Выкрики женщины разносились по всей улице:

- Уже третий день ходишь за моим мужем! Только появишься еще, я тебе покажу! - Женщина остановилась и с ненавистью погрозила девушке метлой.

Девушка замедлила шаг.

Через минуту после того, как женщина скрылась в подъезде, девушка снова стояла на своем месте - как кошка, подстерегающая мышку у её норки.

Снова промелькнул поезд. Проехало такси. Запоздалый пешеход прошел мимо и скрылся вдали.

Пустые окна смотрели на девушку, в бессильном отчаянии стоявшую внизу.

- Уже скоро, - сказал голос в телефонной трубке. - Еще один день - и он наш. Может быть, завтра вечером...

В этот день у него был выходной, и он уже в течение часа пытался избавиться от нее.

Он решил дать ей отпор, но она поняла это раньше, чем он успел что-либо сделать, и остановилась. Конфронтации опять не произошло. Он пошел дальше, она - за ним. Она заметила, что он ведет себя не так, как обычно. Он снова остановился, как будто ослабла двигавшая его пружина, как будто в нем кончился завод. Он уронил пакет, который держал под мышкой, и не нагнулся поднять его, а оставил на асфальте.

Она остановилась неподалеку и смотрела на него своим обычным серьезным взглядом.

Солнце светило ему в глаза. Он зажмурился.

Вдруг из его глаз потекли слезы, и он расплакался.

Двое прохожих остановились, не веря своим глазам. К ним присоединились еще двое, потом еще - образовалась целая толпа, в центре которой были он и она. Толпа все прибывала. Мужчина перестал владеть собой.

- Спросите, что ей от меня нужно! Почему она меня преследует? Я больше не могу это выносить... - Он обращался к людям в толпе, словно прося их о помощи.

- Что с ним, он пьян? - спросила какая-то женщина.

Девушка стояла неподвижно, не пытаясь избежать всеобщего внимания, центром которого стала из-за его выкриков. Она производила настолько достойное впечатление, насколько смешно выглядел он. Иначе не могло быть - симпатии толпы были на ее стороне. Толпа чаще всего имеет садистские наклонности. На лицах замелькали усмешки, потом последовали иронические

замечания, за ними - громкий смех и враждебные выкрики. Только одно лицо оставалось спокойным и непроницаемым. Ее лицо.

Своим поведением он только навредил себе, вместо одной преследовательницы на него готовы были наброситься тридцать.

Неожиданно он сделал движение, как будто хотел ее ударить. На него тут же набросились мужчины из толпы, схватили за руки и стали их выкручивать, осыпая его ругательствами. Они оказались в центре борющихся тел. Все это грозило превратиться в групповое убийство, объектом которого стал бы он. Она спокойно и громко, так, чтобы все слышали, сказала:

- Предоставьте это мне. Я сама с ним все выясню.

Ее ясный голос остановил всех. Его отпустили, кулаки разжались, и плотное ядро в центре толпы распалось. Посреди круга остался только он. Он и она.

Несчастный и отчаявшийся, до сих пор безуспешно пытавшийся вырваться из тисков, он наконец увидел щель в толпе, бросился туда и вырвался из круга. Он несея по улице, убегая от слабой девушки, которая смотрела ему вслед. Пасть ниже он уже не мог.

Но она недолго бездейтельно наблюдала за его бегством. Симпатии толпы ее не интересовали, она не собиралась публично упиваться детским чувством торжества.

Растолкав локтями стоявших у нее на пути людей, она двинулась за запыхавшимся беглецом. Ее темп был чем-то средним между энергичной походкой и бегом трусцой, довольно скоро она уже почти настигла его.

Это было удивительное, невероятное преследование: стройная девушка, бегущая за полным мужчиной по запруженным толпой нью-йоркским улицам.

Скоро он понял, что она продолжает его преследовать. Он оглянулся, в его глазах промелькнуло отчаянное предчувствие. Она подождала, когда он снова повернется, подняла руку над головой и императорским жестом приказала ему остановиться.

Она была уверена, что Бёджес сочтет этот момент наиболее подходящим. Наверняка после длительной пробежки по улице он будет достаточно податлив. В толпе он, наверное, потерял последнюю волю к сопротивлению. Он понял, что никто не станет на его сторону, и не чувствовал себя в безопасности даже на шумной улице.

Настало время прижать его к стене, позвонить Бёджесу, чтобы он взял все в свои руки, когда жертва будет извиваться в мучительных судорогах под градом вопросов: вы видели в ту ночь в баре с Хендерсоном женщину, почему вы не хотели признать, что видели ее, вам кто-нибудь заплатил, чтобы вы дали такие показания?

Бармен остановился на перекрестке, оглядываясь в поисках укрытия, как загнанный в угол зверь. Он был на грани отчаяния, словно его преследовала не слабая девушка, а сама богиня Немезида.

Она снова подняла руку. Расстояние между ними быстро сокращалось. Ее жест подействовал на него, как удар кнутом; он потерял ориентацию. На перекрестке перед ним стеной стояли люди, ждущие, когда зажжется зеленый свет. Но на светофоре горел красный.

Он еще раз оглянулся и прорвал стену стоящих перед ним людей, как клоун прорывает обруч с натянутой на него бумагой.

Она резко остановилась - так резко, словно ее каблуки застряли в невидимой щели на тротуаре. Скрип тормозов прозвучал как смертельный крик.

Девушка закрыла лицо руками, но успела увидеть, как его шляпу подбросило над толпой. Закричала какая-то женщина, и все в ужасе замерли.

13. За одиннадцать дней до казни Ломбард

Ломбард следил за ним уже полтора часа. Слепой нищий двигался, как черепаха. Чтобы пройти квартал от угла до угла, ему требовалось в среднем сорок минут. Ломбард уже несколько раз проверил это по часам.

У нищего не было собаки-поводыря, ему приходилось надеяться на прохожих; на перекрестках он ждал, когда его кто-нибудь переведет на другую сторону. Ему всегда кто-нибудь помогал. Полицейские останавливали движение.

Ломбарда страшно раздражала такая слежка; он был здоровым, активным человеком, знавшим цену времени, а ему приходилось пассивно следовать за медленно передвигающимся нищим. Это было для него китайской пыткой.

Но он старался сдерживаться и, нахмурившись, курил сигарету за сигаретой - они служили ему клапаном, выпускающим лишний пар. Иногда он подолгу неподвижно стоял у витрин, пока нищий продвигался вперед на микроскопическое расстояние, чтобы потом настичь его несколькими энергичными шагами. Разделенное на серию остановок и быстрых переходов преследование не казалось ему таким невыносимым.

Он говорил себе, что это не может длиться бесконечно. Например, целую ночь. Ведь нищий все-таки человек, ему необходим сон. Он должен когда-то вернуться в свои четыре стены и лечь.

Ломбард уже начал терять терпение, когда нищий свернул с центральной улицы в лабиринт стен. Они по-прежнему шли друг за другом, но вокруг становилось все пустынее. Здесь нищий уже не мог собирать милостыню - здесь все сами в ней нуждались.

Нора нищего была в разваливающемся доме у самой железной дороги. Ломбарду приходилось быть осторожным, он держался на большем расстоянии - улицы были пустынные, и шаги, которые могли заглушить его собственные, раздавались редко, а Ломбард знал, что у слепых очень тонкий слух. Он решился немного сократить расстояние, только когда нищий вошел в подъезд. Остановившись внизу, он прислушался. Трость слепого медленно стучала по ступенькам. Этот звук напоминал стук капель, падающих из испорченного крана в пустой таз. Он насчитал четыре паузы, четыре измерения темпа на лестничных площадках. Потом звуки стихли.

Ломбард подождал, пока сверху не донесся стук двери, и начал подниматься. Теперь ему уже не приходилось укрощать свою энергию. Он легко взлетел по крутой стертая лестнице, которая вызвала бы одышку у любого другого.

В конце коридора было две двери, он сразу понял, какая нужна ему, потому что от другой на расстоянии несло туалетом.

Он снова вспомнил о тонком слухе слепых. Ему удалось подойти, не скрипнув половицей.

Он приложил ухо к двери.

Свет не сочился из комнаты через щель в дверях, потому что для человека, который там находился, свет не существовал, не было причины зажигать его.

Зато было слышно, как человек передвигается по комнате. Так топчется, вернувшись в нору, зверь в поисках удобного положения.

Голосов не было слышно. Значит, он был один. Можно было начинать. Ломбард постучал в дверь. Шаги стихли, и больше не раздалось ни звука.

Комната притворялась пустой. Ломбард знал, что так будет, пока он стоит перед дверью, если, конечно, он не положит этому конец.

Он постучал в дверь и строго сказал:

- Откройте!

Он снова требовательно постучал, потом начал барабанить по двери кулаком.

Заскрипела половица, и голос у двери спросил:

- Кто там?

- Друг.

Это не успокоило голос.

- У меня нет друзей. Я вас не знаю.

- Впустите меня. Я вам ничего не сделаю.

- Я здесь один и не способен защищаться. Я никого не могу впустить.

Он боялся за свою дневную выручку; Ломбард видел его насквозь.

- Мне вы можете открыть. Мне нужно с вами поговорить.

- Уходите. Или я начну кричать и позову на помощь. - Голос за дверью дрожал.

Это звучало, как просьба, а не как угроза.

Оба не двигались. Каждый чувствовал близость другого - страх за дверь, решительность перед дверью.

Ломбард достал из кармана кошелек и заглянул в него. Самой крупной купюрой была пятидесятидолларовая. Он решил пожертвовать ею. Присев на корточки, он сунул купюру в щель под дверь и, выпрямившись, сказал:

- Пошарьте под дверь, там вы найдете доказательство того, что я не собираюсь вас ограбить.

После минуты сомнения цепочка упала. Потом был отодвинут засов; повернулся ключ в замке.

Дверь приоткрылась - на Ломбарда смотрели темные очки слепого.

- Вы один?

- Да, не бойтесь, я вас не обижу.

- Вы не из полиции?

- Нет. Мне просто нужно с вами поговорить. - Он распахнул дверь и вошел в комнату.

На секунду комнату слабо осветил проникший из коридора луч, но и он исчез, когда дверь закрылась.

- Вы можете зажечь свет?

- Нет, - ответил слепой. - Так мы будем на равных. Если вы хотите только поговорить, зачем вам свет?

Ломбард услышал скрип пружинного матраса. Нищий наверняка сел на свой дневной улов, спрятанный под матрас.

- Бросьте, так говорить нельзя... - Ломбард пошарил рукой в темноте, натолкнулся на спинку кресла-качалки и сел.

- Вы сказали, что хотите поговорить со мной, - раздался голос в темноте. - Говорите. Для этого свет не нужен.

Ломбард спросил:

- Я могу закурить, это вам не мешает? Вы курите?

- Если меня кто-нибудь угостит, - устало произнес слепой.

- Вот, пожалуйста. - Щелкнула зажигалка, и в руках Ломбарда загорелся язычок пламени, осветивший часть комнаты.

Слепой сидел на кровати, трость лежала у него на коленях на случай, если ему придется защищаться.

Ломбард вынул руку из кармана - вместо сигареты в ней оказался револьвер.

- Пожалуйста, - непринужденно повторил он. Слепой замер. Трость скатилась с его колен и упала на пол. Он поднял руки к лицу, пытаясь защититься.

- Я знал, что вы хотите меня ограбить, - прохрипел он. - Не надо было вас впускать...

Ломбард спокойно спрятал пистолет.

- Вы не слепой, - сказал он. - Мне это давно ясно, даже не требовалось ловить вас на этом трюке. Когда я сунул деньги под дверь, вы зажгли спичку и посмотрели, не долларовая ли это бумажка.

По размеру и на ощупь они одинаковы. За доллар вы бы не открыли, вам за день дают больше. Но за пятьдесят долларов можно было рискнуть. - Ломбард увидел маленький огарок свечи и зажег его.

- Значит, вы из полиции, - проговорил нищий, стирая пот со лба. - Мне следовало догадаться...

- Мне нет дела до того, что вы обманом выманиваете у людей деньги. - Ломбард вернулся к креслу и сел.

- Так что же вам нужно?

- Я хочу, чтобы вы кое-что вспомнили. Слушайте меня внимательно. Однажды в мае вы крутились возле «Казино», прося милостыню у выходивших из театра зрителей...

- Я там был много раз.

- Я говорю об определенном вечере. Другие меня не интересуют. В тот вечер из театра вышли мужчина с женщиной. На голове у нее была ярко-оранжевая шляпа с петушиным пером. Вы бросились к ним, когда они садились в такси, это было у самого входа. А теперь слушайте внимательно. Она случайно уронила вам в миску горящую сигарету. Вы обожгли палец. Ее спутник тотчас выбросил сигарету и дал вам два доллара. Потом он сказал что-то вроде: «Извините,

приятель, она не нарочно». Вы должны это помнить. Не каждый день вы обжигаете палец сигаретой и не каждый день получаете сразу два доллара.

- А если я не вспомню?

- Тогда я отведу вас в ближайшее отделение полиции и сдам, как мошенника. Вас направят на пару недель на принудительные работы, вы окажетесь на заметке у полиции, и вас заберут снова, как только вы высунете нос.

Нищий приподнял очки.

- Но вы хотите заставить меня сказать, что я их видел, независимо от того, помню ли я их.

- Я хочу, чтобы вы признались в том, что, я уверен, прекрасно помните.

- Что будет, если я скажу, что помню?

- Вы расскажете о том, что помните, мне, а потом повторите одному полицейскому, которого я знаю.

Я приведу его сюда или отведу к нему вас.

- Но ведь при этом я себя выдам! К тому же еще полицейскому! Как я могу признаться, что видел, когда я изображаю слепого? Тот же результат, как и в случае, если я не вспомню.

- Вы скажете это ему неофициально. Я договорюсь. Ну, так как? Видели вы его или нет?

- Видел, - тихо признался человек, притворяющийся слепым. - Я видел их вместе. Обычно в таких освещенных местах я хожу с закрытыми глазами под очками. Но из-за этой сигареты я открыл глаза. Стекла в очках прозрачные, и я их хорошо видел.

Ломбард вынул что-то из бумажника.

- Это он?

Нищий поднял очки и внимательно изучил снимок.

- Думаю, что он, - решил он, наконец. - Мне кажется, это он. Но я видел его всего несколько мгновений.

- А она? Вы узнали бы ее?

- Да, ее я узнал бы. Его я видел только в тот вечер, а ее еще раз.

- Как? - Ломбард вскочил и склонился над нищим. Пустое кресло раскачивалось из стороны в сторону. Он схватил нищего за плечо и сжал, как будто пытаюсь выжать из него сведения. - Рассказывайте все, что вам известно! Быстро!

- Это было через несколько дней, прошло немного времени, поэтому я ее узнал. Я встретил ее перед одной шикарной гостиницей, вход был ярко освещен. Я услышал шаги. Они спускались по лестнице - мужчина и женщина. Женщина сказала: «Подожди, может быть, он принесет мне счастье». Я сразу догадался, что она говорит обо мне. Она подошла ко мне и бросила в миску двадцать пять центов. Я могу отличить по звуку, как они звенят. Потом я догадался, что это она. Она стояла рядом со мной почти минуту, а этого такие люди никогда не делают. Монету она уже бросила и просто смотрела на меня. Миска у меня была в правой руке, обожженной. На месте ожога образовался волдырь. Она смотрела на него, как зачарованная, а потом тихо проговорила, ей не хотелось, чтобы я слышал: «Как странно...»

Потом она повернулась и пошла к своему спутнику. Это все.

- Но...

- Минутку, дайте мне договорить. Я посмотрел в миску и увидел, что кроме двадцати пяти центов она положила еще и бумажный доллар. Его именно она положила, раньше там доллара не было. Если это была не та женщина, почему она добавила доллар? Точно, это была она, увидела волдырь и вспомнила, что случилось несколько дней назад...

- Да, вы правы. Вы могли бы описать ее?

- Я не могу точно сказать, как она выглядела спереди, я не решился открыть глаза полностью. Там было слишком светло, как днем. Когда она повернулась и я увидел в миске доллар, я посмотрел на нее из-под опущенных век. Она как раз садилась в такси.

- Так вы видели ее только сзади? Скажите, как она выглядела сзади.

- Я не решился поднять глаза. Я обратил внимание на швы на шелковых чулках и высокие каблуки. Больше я ничего не видел.

- В один вечер оранжевая шляпа, в другой - швы на чулках и каблуки! - Ломбард толкнул нищего на кровать. - Если и дальше так пойдет, лет через двадцать мы получим ее описание с головы до ног! - Он подошел к двери и раскрыл ее настежь, потом оглянулся и посмотрел на

нищего взглядом, не предвещающим ничего хорошего. - Думаю, вы бы смогли вспомнить получше. Нужно только, чтобы за вас взялся профессионал, он из вас все вытрясет. Наверняка вы ее хорошо рассмотрели уже в первый раз. А во второй раз слышали адрес, который она назвала таксисту.

- Это неправда.

- Оставайтесь здесь, ясно? Никуда не выходите! Я спущусь и позвоню знакомому, о котором говорил. Лучше будет, если он сюда придет и мы снова обо всем поговорим.

- И вы за меня вместе возьметесь?

- Я сказал, что вам нечего бояться. Вы нам не нужны. Но если попытаетесь сбежать, вам плохо придется. - Он закрыл за собой дверь.

Голос в телефоне звучал удивленно:

- Вам действительно удалось что-то обнаружить?

- Да, и я бы хотел, чтобы вы сами пришли и послушали. Сами решите, чего стоят его слова. Я нахожусь между Сто двадцать третьей и Парк-авеню, последний дом перед виадуком. Приходите как можно быстрее, сами увидите. Здешний полицейский сторожит у входа. А я звоню из телефонной будки за углом, ближе не нашел. Я буду ждать вас перед домом.

Через несколько минут Бёджес выскочил из патрульной машины и подошел к Ломбарду, который вместе с полицейским ждал у входа.

- Сюда, - показал Ломбард без долгих объяснений.

- Ну, теперь я могу продолжать обход, - сказал полицейский.

- Спасибо! - крикнул ему вслед Ломбард, который уже поднимался по лестнице вместе с детективом. - На самом верху, - объяснил он, обогнав Бёджеса. - Он два раза ее видел: в тот вечер и через неделю. Он только делает вид, что слепой.

- Да, это большой успех, - похвалил его Бёджес. Держась за перила, они поднимались по лестнице.

- Он боится полиции. Просит, чтобы вы простили ему мошенничество.

- Если он скажет что-нибудь интересное, это можно будет устроить. Почему здесь не горит свет? - Бёджес запыхался.

Голос Ломбарда произнес:

- Да, странно. Когда я спускался, лампочка горела. Или она перегорела, или ее кто-нибудь выкрутил.

- Вы точно помните, что свет горел?

- Могу поклясться. В квартире было темно, но через открытую дверь проникал свет с лестничной площадки.

- Пустите меня вперед, у меня есть фонарик. - Бёджес обогнал Ломбарда и пошел вперед. Не успел он вынуть фонарик, как споткнулся обо что-то и чуть не упал.

- Осторожно, - сказал Ломбард.

Загорелся фонарик, заливая слабым светом площадку. Там неподвижно лежало человеческое тело. Голова неестественно свешивалась вниз, шея была свернута. Чудом уцелевшие очки висели, зацепившись дужкой за ухо.

- Это он? - спросил детектив.

- Да. - Ответ Ломбарда прозвучал хрипло.

Бёджес наклонился над телом, осмотрел его и, выпрямившись, констатировал:

- Свернута шея. Мгновенная смерть. - Он осветил фонариком крутую лестницу. - Несчастный случай. Наверное, он поскользнулся наверху и упал вниз головой, а там ударился о стену. Здесь, на верхней ступеньке, виден след.

Ломбард медленно поднялся к нему.

- Другого времени он не мог выбрать... Только я его нашел... - Не закончив, он вопросительно посмотрел на детектива: - Это не могло быть ничем другим?

- Кто-нибудь выходил из дома, когда вы с полицейским стояли у входа?

- Нет, никто не выходил и не входил.

- Вы слышали какие-нибудь звуки, напоминающие падение?

- Нет, мы пошли бы посмотреть, что случилось. Но, пока мы здесь стояли, по виадуку несколько раз проезжал поезд. В это время не слышен даже собственный голос.

Бёджес кивнул:

- Да, поэтому и в доме никто ничего не слышал. Это несчастный случай, ничего другого быть не может. Он мог десять раз удариться головой об стену и остаться жив. Мог потерять сознание, но не сломать себе шею. То, что он погиб, случайность.

- А как же лампочка? Не слишком ли много случайностей? Когда я спускался, чтобы позвонить, она горела, я могу поклясться. Если бы на лестнице было темно, мне пришлось бы идти медленно, на ощупь, а я почти бежал.

Бёджес осматривал при свете фонаря стену, пока не нашел то, что искал, Это было на скобе, вбитой в стену.

- Не понимаю, что вы хотите этим сказать, - сказал он, подняв голову. - Если он ходил в основном с закрытыми глазами, какое значение имеет лампочка?

Почему бы ему помешала темнота? Он чувствовал себя в темноте так же уверенно, может быть, даже в большей степени, чем при свете. Он уже отвык ориентироваться при помощи зрения.

- Да, возможно, - согласился Ломбард. - Он, вероятно, спешил скрыться до того, как я вернусь, и забыл закрыть глаза.

- Что-то вы запутались. Чтобы его ослепило, должен был гореть свет. А лампочка не горела. Это не имеет смысла ни так, ни этак. Каким образом можно было рассчитать, что он поскользнется и сломает шею?

- Значит, это случайное стечение обстоятельств. - Ломбард недовольно махнул рукой и повернулся к выходу. - Только мне не нравятся такие совпадения. Не успел я его найти...

- Такое случается, человек не может выбрать подходящий для нас момент.

Ломбард с недовольным видом спускался по лестнице.

- Все, что он знал, для нас потеряно.

- Не сдавайтесь, может быть, вам удастся найти кого-нибудь еще.

- Да, но того, что знал он, мы уже не услышим. Всего нескольких минут не хватило... - Он был снова на площадке, где лежало тело.- Что случилось? Что происходит? - Он вздрогнул и оглянулся.

Бёджес показал на стену:

- Снова загорелась лампочка. Может быть, от колебаний, когда мы шли по лестнице, контакт соединился. Теперь понятно, что с ней произошло: когда он падал, от сотрясения какой-то проводочек отошел и электричество отключилось. Здесь плохая электропроводка. Можете идти. Я сам сообщу в полицию, вам незачем вмешиваться в это, у вас есть другие дела.

Ломбард вышел из дома.

Бёджес остался наверху, рядом с неподвижным телом, лежащим в неестественном положении.

14. За девять дней до казни

Девушка

Записку ей передал Бёджес.

Клайв Мельбурн, музыкант из оркестра, в прошлом сезоне выступал в театре «Казино», сейчас - в театре «Регент».

Кроме того, там было два телефонных номера. По одному номеру предлагалось звонить до определенного часа, это был номер полицейского отделения. Вторым был номер домашнего телефона, на случай, если ей понадобится связаться с ним в служебные часы.

Он сказал:

- Я не могу вам посоветовать, как действовать. Интуиция вам подскажет. Не сдавайтесь и соберитесь с силами. Все будет хорошо.

Она начала действовать. Простая, выразительная прическа исчезла. Вместо нее появилась масса жестких от лака медных кудряшек, образующих что-то вроде металлического шлема. Свободную элегантную одежду сменило платье, так тесно облегающее фигуру, что девушка почувствовала себя неловко даже в одиночестве. Вызывающе короткая юбка. Когда она сядет... Но ничего не поделаешь, это самое верное средство привлечь внимание. На щеки легли красные румяна, как сердечки на картах. Бусы на шее потрескивали, как погремушка при движении. Кружевной платочек был надушен так, что ей самой хотелось отвернуться, пока она не спрятала его в сумку. Веки она покрыла голубыми тенями, которые никогда раньше не использовала.

Скотт Хендерсон смотрел с фотографии на все ее приготовления, и ей стало даже немного стыдно.

- Ты бы меня не узнал, правда, милый? - смущенно произнесла она. - Лучше не смотри на меня.

Для обозначения доступности не хватало еще одной детали. Она натянула розовые подвязки, украшенные пошлым цветком, так, чтобы их было видно, когда садишься.

Его девушка не могла выглядеть как та, которую она видела в зеркале. Она погасила свет, внешне спокойная, но охваченная волнением. Но это мог увидеть только тот, кто ее хорошо знал. Он увидел бы это с первого взгляда. Но его здесь не было.

Гася лампу у выхода, она произнесла про себя молитву, которую повторяла всегда, выходя из дома. Повернувшись к фотографии, она сказала со вздохом:

- Может быть, сегодня что-то получится, милый, может быть, уже сегодня вечером.

Потом она погасила свет и закрыла за собой дверь. Он остался в ее комнате - в темноте, под стеклом.

Когда она выходила из такси, подъезд был уже освещен, но народу у входа было еще мало. Она хотела прийти как можно раньше, чтобы произвести на него впечатление, пока в зале не погасили свет. Она даже не знала, что идет в этот вечер. Спектакль назывался «Танцуйте дальше!».

В кассе она сказала:

- У меня забронирован билет на сегодня. Первый ряд у прохода, на имя Мими Гордон.

Ей пришлось ждать несколько дней - не для того, чтобы увидеть ревью, а для того, чтобы увидели ее.

- Вы уверены, что место с той стороны, где сидит ударник, как вы сказали по телефону?

- Все точно, я проверил. Это именно то место, которое вы просили. Я даже завидую, что он вам так понравился.

- Вы не понимаете. Дело не в нем лично. Я бы его даже не узнала. Это трудно объяснить... У каждого свое хобби. Я обожаю ударные инструменты и всегда стараюсь сесть туда, откуда видно, как играют на ударных. Это производит на меня Огромное впечатление. Знаю, вам кажется, что я ненормальная. - Она развела руками.

- Я не хотел вмешиваться в ваши личные дела, - извинился кассир.

Девушка вошла в зал. Билетер только что занял свое место. Из дверей гардероба появился капельдинер. Она пришла рано, в партере не было никого, кроме нее.

Она сидела одна - маленькая фигурка с золотистой головой, затерявшаяся в море пустых кресел. Ее дешевый наряд был частично скрыт наброшенной на плечи накидкой. У нее за спиной все чаще хлопали кресла и слышался шум - театр постепенно заполнялся зрителями. Девушка не сводила глаз с закрытой двери под сценой. Она была прямо перед нею. В щель было видно мелькание теней, слышались голоса. Музыканты готовились к выступлению.

Наконец дверь открылась, и музыканты направились в оркестровую яму. Чтобы пройти через низкую дверь, приходилось наклонять голову. Она никогда не видела человека, которого ждала, и могла его узнать, только когда он займет свое место. Музыканты рассаживались один за другим, были видны только их головы.

Она делала вид, что внимательно изучает программу, лежащую на коленях, но из-под опущенных ресниц бросала взгляды на оркестр. Может быть, этот, что входит сейчас? Нет, он сел на другое место. А следующий? Выглядит настоящим мошенником. Она с облегчением вздохнула, когда он занял место в стороне от нее. Наверное, кларнетист. Значит, этот... Но нет, он свернул в другую сторону. Виолончель.

Больше никто не появлялся. Она начала беспокоиться. Последний из вошедших даже закрыл за собой дверь. Музыканты, рассевшись, начали настройку инструментов. Даже дирижер стоял на своем месте. Стул прямо перед ней, на котором должен был сидеть ударник, был пуст.

Что, если его уволили? Нет, не может быть, им пришлось бы найти замену. Может быть, он заболел? Если он будет болеть несколько недель, она не сможет ждать, время уходит, как вода, осталось всего несколько дней.

Она слышала шепот в оркестровой яме, в котором звучало презрение. Говорили о нем. Она сидела так близко, что слышала почти все сказанное под аккомпанемент настраиваемых инструментов.

- Где это видано? За весь сезон он только раз пришел вовремя. Даже штрафы не помогают.

Саксофонист предположил:

- Может быть, он подцепил какую-нибудь блондинку и забыл, что сегодня спектакль?

Музыкант, сидящий за ним, возразил:

- Но хороших ударников мало.

Она смотрела в программу, но буквы расплывались у нее перед глазами. Ее мучили опасения. По иронии судьбы единственный, кто ей мог помочь, не явился. Она подумала: «Точно так же не повезло в тот вечер Скотту».

Перед увертюрой установилась тишина. Все музыканты уселись, над пюпитрами зажглись лампочки.

Когда она совсем потеряла надежду, дверь открылась и какая-то фигура ловко пробралась между рядами музыкантов к пустому месту перед ней. Опоздавший шел, пригнув голову, чтобы по возможности избежать внимания дирижера. Ей с первого взгляда показалось, что он напоминает грызуна, и это впечатление уже не оставляло ее.

Дирижер уничтожающе посмотрел на него. Но на ударника это не произвело впечатления. Девушка слышала, как он, еле переводя дыхание, говорит соседу:

- Послушай, я такую девочку подцепил! Завтра свидание.

- Знаю я твои свидания, не придет она. - Ответ прозвучал иронически.

Он еще не обратил внимания на девушку, занятый установкой пюпитра и подготовкой инструментов. Она слегка приподняла юбку.

Он закончил приготовления.

- Ну, что сегодня в зале? - спросил он и впервые после прихода оглянулся, чтобы посмотреть за перила, отделяющие оркестр от зрительного зала.

Она была в полной готовности и смотрела на него во все глаза. Он ее заметил. Она услышала, как сосед ударника тихо сказал:

- Я тоже обратил на нее внимание.

Она чувствовала, как он на нее смотрит, чувствовала на себе его взгляды, но пока выжидала - не следует торопиться. Ей пришло в голову: «Удивительно, что у меня это получилось, хотя я делаю это впервые...» Она сосредоточенно читала программу, словно искала в ней скрытый смысл: «Викторина Диксон Лео».

Она сосчитала точки в ряду. Их было двадцать девять между именем действующего лица и актрисы. Ну, теперь можно. Он уже зацепился за крючок. Она медленно подняла ресницы.

Ее глаза встретились с его взглядом. Она не отвела глаз. Он ждал, но она продолжала смотреть ему в глаза, как бы говоря: «Я тебе нравлюсь? Можешь сделать первый шаг. Я не против».

Видно было, что он колеблется, - он не привык к таким быстрым победам. Он смотрел на нее во все глаза, даже неуверенно улыбнулся, как будто сомневаясь, что на улыбку ответят.

Но девушка тоже слабо улыбнулась ему, поощряя, и его улыбка стала смелее, как и ее ответная.

Итак, начальную фазу она преодолела. И именно в этот момент раздался звонок, дирижер постучал палочкой, поднял руку и на секунду замер. Потом взмахнул палочкой, и увертюра началась. Их немой диалог был прерван.

Она утешала себя тем, что все прошло очень легко. Пока все в порядке. У оркестра бывают перерывы, чтобы музыканты могли отдохнуть.

Занавес поднялся. Девушка видела движущиеся фигуры, мельканье света, но не следила за тем, что происходит на сцене. Она пришла сюда не ради спектакля. Она шла к своей цели, а целью было познакомиться с музыкантом.

Повернувшись к ней, он сказал несколько слов, когда во время передышки музыканты стали выходить. Он сидел в конце ряда и поэтому выходил последним, он мог обратиться к ней за спинами коллег. Зрители, сидящие рядом с девушкой, уже вышли, и он видел, что она осталась одна.

- Как вам нравится представление?

- Прекрасно! - проворковала она.

- А что вы делаете после спектакля?

Кокетливо сложив губки, она вздохнула:

- Пока не знаю. Если меня пригласят...

- Считайте, что мы договорились.

Когда он ушел, девушка одернула юбку. У нее было чувство, что ей необходим горячий душ, чтобы прийти в себя. Ее лицо снова приняло нормальное выражение, и даже толстый слой косметики не мог скрыть перемены. Она сидела одна в конце пустого ряда кресел, погрузившись в свои мысли: «Может быть, уже сегодня, милый, может быть, сегодня вечером...»

Когда занавес опустился в последний раз и в зале зажегся свет, она немного задержалась, сделав вид, что что-то уронила, в то время как поток людей постепенно таял.

Оркестр доиграл марш, сопровождавший уход публики. Ударник в последний раз ударил в большой барабан и выключил лампу над нотами. На сегодня работа окончена, он снова мог распоряжаться своим временем.

Он с хозяйским видом повернулся к девушке:

- Подождите меня у служебного входа, дорогуша. Я через пять минут буду.

Даже ожидание перед театром почему-то казалось ей отвратительным. Прохаживаясь у входа, она чувствовала себя грязной. И ей было немного страшно. Музыканты, вышедшие перед ним, - он мог бы избавить ее хоть от этой неловкости и выйти пораньше - осматривали ее, еще больше усиливая ее тревогу.

Потом он неожиданно появился и по-хозяйски взял ее под руку.

- Как себя чувствует моя новая приятельница?

- Прекрасно. А мой приятель?

- Мы пойдем к моим друзьям, - заявил он. Она поняла его намерения. Он хотел показать ее друзьям - как новый цветок в лацкане пиджака.

Была полночь.

В два часа ночи она сказала себе, что ударник уже достаточно накачался и пора начать его обрабатывать. Они перешли уже во второе заведение, такое же низкопробное, как первое. Его приятели были там же, но они к ним не присоединились. В таких делах, вероятно, существовал особый этикет. Как только компания поднималась, поднимался и он, но в новом заведении они снова садились отдельно. Ударник время от времени подходил к остальным, потом возвращался к девушке, но никто из компании не подсаживался к ним. Вероятно, она была его собственностью и остальные должны были держаться в стороне.

Она ждала удобного момента, чтобы начать. Ей было ясно, что нельзя терять времени: ночь не будет длиться вечно, а при одной мысли, что придется провести еще одну такую же, ей делалось плохо.

Случай, которого она ждала, наконец представился, когда он сделал ей очередной банальный комплимент. Он засыпал ее ими с начала знакомства - как кочегар, который должен вовремя подбросить уголь в топку.

- Ты говоришь, что я самая красивая девушка, которая когда-либо сидела на этом месте. Ты, наверное, всегда рассматриваешь женщин, сидящих прямо перед тобой.

Расскажи о них.

- После того как я увидел тебя, их и вспоминать не хочется.

- Я не буду ревновать. Скажи, кого бы ты выбрал из всех женщин, которые сидели на этом месте, кого бы ты пригласил?

- Тебя, без всяких сомнений.

- Я знала, что ты это скажешь. А кто был бы на втором месте? После меня? Я хочу проверить, хорошая ли у тебя память. Могу поспорить, что ты на следующий день не помнишь лица вчерашней зрительницы.

- Ошибаешься. Например, один раз я повернулся и увидел даму...

Девушка вся превратилась в слух.

- Это было еще в «Казино». Что-то меня в ней привлекло, даже не знаю что...

Мимо них промелькнуло несколько теней. Последняя остановилась у их столика.

- Собираемся в подвале. Идешь?

Все направились к лестнице, ведущей в подвальное помещение.

- Не ходи, останься со мной, - просила она, взяв его за руку и не отпуская.

Ударник уже встал.

- Идем, это нельзя пропустить, детка.

- Тебе недостаточно было весь вечер играть в театре?

- Но там я играю ради денег, а здесь для себя. Ты такое услышишь!

Ей стало ясно, что он оставит ее одну, если она не пойдет. Музыка влекла его сейчас больше, чем она. Ей пришлось встать и без всякого желания спуститься по лестнице в подвал под рестораном. В центре большого зала свешивалась с потолка голая лампочка, в пустых бутылках стояли свечи. Ободранный деревянный стол был уставлен бутылками джина, на каждого приходилось почти по целой бутылке. Один парень расстелил на столе кусок серой оберточной бумаги и высыпал на него кучу сигарет; каждый мог брать, сколько хотел. Это был не тот сорт, который курили наверху; они были набиты чем-то черным, и она услышала слово «марихуана».

Как только Мельбурн и девушка вошли, кто-то запер дверь на засов, чтобы им никто не мешал. Она оказалась там единственной женщиной.

Они сидели на пустых ящиках, коробках и бочках. Сначала жалобно заплакал кларнет, потом началось что-то невероятное.

Два следующих часа напоминали чистилище Данте. Она говорила себе, что никто не поверит, что она пережила такое. Дело было не в музыке - она была прекрасна. Дело было в их фантазмагорических тенях, раскачивающихся на темных стенах и потолке. Дело было в их демонических лицах, неожиданно выплывавших из темноты и снова исчезающих. Дело было в джине и марихуане.

Музыкантов охватило неистовство, от которого она пыталась скрыться в самом дальнем уголке. Время от времени кто-нибудь из них начинал ее преследовать, тесня так, что она прижималась к стене. Они выбирали ее потому, что она была женщиной, трубили ей прямо в лицо, оглушали и пугали до смерти.

- Эй! Лезь на бочку и танцуй!

- Я не могу, я не умею!

- Лезь! Здесь все свои!

«Скотт!» - звала она про себя, убегая от неистового саксофониста. Наконец, избавившись от него, она, запрокинув голову, облегчила душу криком:

- Скотти, я больше не могу!

Ей удалось пробиться к ударным инструментам. Она схватила барабанщика за руку, похожую на кувалду, и тянула, пока он не обратил на нее внимания.

- Клайв, уведи меня отсюда. Я больше не могу! Я тебе говорю, с меня достаточно. Если я еще хоть минуту здесь останусь, то упаду в обморок.

Он был одурманен марихуаной. Она увидела это по его глазам, когда он спросил:

- А куда мы пойдём? Ко мне?

Она не могла отказаться, иначе его было не вытащить отсюда.

Он встал и повел ее к дверям. Походка его была нетвердой. Он открыл дверь, и девушка выскочила из подвала; за ней вышел музыкант. Никто не обратил внимания на их уход. Дверь закрылась, и неожиданно воцарилась тишина.

Ресторан был уже пуст и темен. Только где-то у выхода светила одна лампа.

Когда она оказалась на улице, свежий воздух показался ей прекрасным после разгоряченного неистовством подвала. Ей пришло в голову, что она никогда не вдыхала такого чистого и свежего

воздуха. Она прислонилась к стене дома и дышала полной грудью. Ударник несколько отстал, видимо, закрывая дверь.

Было не меньше четырех часов утра, темный город вокруг спал. Она чуть не поддавалась искушению броситься вперед по улице, спастись бегством и покончить со всем этим. Она знала, что смогла бы от него убежать. Он был в таком состоянии, что не мог ее преследовать.

Но она вспомнила лицо на фотографии в своей комнате и осталась на месте, поняв, что это будет первое, что попадется ей на глаза, когда она вернется. В это время подошел ударник, и возможности сбежать уже не было.

Они взяли такси. Он жил в старом доме, таких домов в этом районе было несколько, их перестроили в доходные. На каждом этаже было по квартире. Они поднялись на третий этаж, он открыл дверь и зажег свет. Квартира производила мрачное впечатление: темный от времени пол, высокие потолки, оконные проемы, напоминающие стоящие гробы. Было не очень приятно оказаться в таком месте в четыре часа утра. Тем более в таком обществе.

Девушку передернуло от отвращения; остановившись у двери, она старалась не смотреть на его сложные манипуляции с дверью. Она старалась сохранить ясную голову, мысли о том, куда она попала, могли только вывести ее из равновесия.

Он закончил возиться с замком, теперь они были заперты в квартире.

- Свет нам не понадобится, - заявил он.

- Пусть горит, - возразила она.

- Надеюсь, ты не намерена стоять так целую вечность.

- Нет, - рассеянно ответила она, - я не намерена так стоять...

Она смотрела вокруг в поисках чего-нибудь, что могло стать отправной точкой. Например, что-нибудь оранжевое.

- Что ты ищешь, скажи, пожалуйста? - рассерженно спросил он. - Комната как комната.

Что, ты не видела ничего подобного?

Наконец ей удалось обнаружить то, что требовалось: абажур из дешевого искусственного шелка в дальнем конце комнаты. Лампа бросала на стену слабый отсвет, подобный ореолу. Подойдя, она положила руку на абажур и сказала:

- Мне нравится этот свет.

Он не обратил на это внимания.

Держа руку на абажуре, она продолжала:

- Ты меня совсем не слушаешь. Я сказала, что это мой любимый цвет.

Он тупо посмотрел на нее:

- Ну и что?

- Я хочу шляпу такого цвета.

- Куплю тебе завтра или послезавтра.

- Посмотри, какая она должна быть. - Подняв лампу, она повернулась к нему так, что абажур казался шляпой, надетой на ее голову. - Посмотри хорошенько. Ты когда-нибудь видел женщину в такой шляпе? Я тебе никого не напоминаю?

Он серьезно смотрел на нее, мигая, как сова.

- Посмотри еще раз, - просила она. - Вот с этой стороны. Если ты постарайся, то вспомнишь. Ты не видел женщину в шляпе такого цвета? Она сидела на том же месте, что и я.

Он ответил непонятной фразой:

- Ага, так это и есть те пять кусков, которые я получил. - Потом, прикрыв глаза, пробормотал: - Но я должен был молчать. Я рассказал тебе об этом? - доверчиво спросил он.

- Конечно, рассказал, - ответила она.

Поскольку он уже раз рассказывал, можно было повторить. Его память была нарушена действием наркотика. Нужно было действовать, она не могла упустить случая. Она бросилась к нему:

- Расскажи еще раз. Мне так нравится тебя слушать! Ты можешь мне доверять. Я ведь твоя подружка. Ничего не случится.

Он снова заморгал.

- О чем ты говоришь? У меня все вылетело из головы.

Его память напоминала ленту транспортера, которая каждую минуту соскакивает с валов и выходит из строя.

- Оранжевая шляпа. Послушай, пять кусков - это пять сотен? Она сидела там же, где я?

- Да, помню, - послушно согласился он. - Я только посмотрел на нее. - Он безумно захохотал. - Пять сотен за то, что я посмотрел на нее, посмотрел и забыл.

Она почти повисла у него на шее и смотрела ему прямо в глаза, словно пыталась приблизиться к его мыслям.

- Расскажи мне, Клайв. Расскажи подробнее, мне так нравится тебя слушать.

Его взгляд снова заволокло туманом.

- Я опять забыл...

Ей пришлось начать снова:

- Тебе дали пятьсот долларов, чтобы ты сказал, что не видел даму в оранжевой шляпе. Это она дала тебе пятьсот долларов? Кто их тебе дал?

- Их дала рука, к тому же в темноте. Какая-то рука, голос и платок. Да, чуть не забыл, еще был пистолет.

Она гладила пальцами его затылок:

- Хорошо, чья это была рука?

- Я не знаю. Тогда не знал и до сих пор не знаю. Иногда мне кажется, что этого вообще не было, просто привиделось после сигарет. А иногда я уверен, что это было.

- Все равно расскажи.

- Я вернулся домой ночью после спектакля, свет в вестибюле не горел. Может быть, перегорела лампочка. Я в темноте пробирался по лестнице, и меня схватила чья-то рука, сильная и холодная. Она меня крепко держала. Я прижался к стене и спросил: «Кто здесь? Что вам надо?» Когда глаза немного привыкли к темноте, я увидел какое-то белое пятно. Кажется, платок. Из-за этого голос был неясный, но я его хорошо понял. Сначала он назвал мое имя, сказал, где я работаю, и мне стало ясно, что он обо мне все знает. Потом он спросил, помню ли я даму в оранжевой шляпе.

Я сказал, что уже забыл о ней, но теперь вспомнил. И здесь он меня спросил таким спокойным голосом: «А что, если я вас застрелю?» Я ничего не мог ответить, у меня пропал голос. Он взял мою руку и положил на что-то холодное. Это был пистолет. Я хотел вырваться, но он не пускал, а потом сказал: «Я вас застрелю из этого пистолета, если вы хоть словом проболтаетесь о ней». А потом он спросил: «Что вы предпочитаете: пулю или пять сотен?» Я услышал, как шуршат деньги, потом он вложил их мне в руку: «Вот вам пять сотен. У вас есть спички? Можете зажечь и убедиться, что я вас не обманываю». Я зажег спичку, и действительно - у меня в руке было пятьсот долларов. Я хотел рассмотреть, как он выглядит, но увидел только платок, которым он закрывал лицо, а потом он задул спичку.

«Значит, никакой дамы вы не видели, - напомнил он мне. - Не было никакой дамы. Кто бы вас ни спрашивал, ответ должен быть один: вы никого не видели, иначе вам придется распрощаться с жизнью. Так что вы скажете, если вас о ней спросят?» Я ответил: «Я не видел дамы, никакой дамы не было». Я дрожал как осиновый лист. Он приказал: «Идите к себе». Через платок голос звучал глухо, как из могилы.

Я бросился наверх, чуть не упал. Потом я закрылся в квартире и боялся даже подойти к окну. Перед этим я курил марихуану, сама знаешь, что творится после этого в голове. - У него начался приступ смеха, от которого мурашки бегали по спине. Смех прекратился так же внезапно, как и начался. - На другой день я поставил эти пятьсот долларов на лошадок и проиграл все до цента, - добавил он с горечью и рванулся, как будто его кто-то преследовал. - Опять начинается, все из-за тебя - ты заставила меня говорить об этом. Я снова весь дрожу. Со мной это было уже несколько раз с тех пор. Дай мне сигарету, мне нужно встряхнуться.

- У меня нет с собой марихуаны.

- Посмотри в сумке. Ведь гам столько лежало, неужели ты ничего не взяла? - Он был уверен, что она курила вместе со всеми.

Сумка лежала на столе, и, прежде чем она успела ему помешать, он высыпал на стол все содержимое.

- Оставь это, не трогай! - в ужасе прокричала она.

Она не смогла вырвать у него из рук бумагу, и он все прочитал. Это была записка Бёджеса. Какое-то время он удивленно смотрел на нее, не понимая значения слов.

- Но ведь это мое имя, и где я работаю...

- Нет, нет!

Он оттолкнул ее.

- Звонить в полицию, а потом...

Она видела, как его лицо покрывает тень. Недоверие уже ясно отражалось во взгляде. В нем проснулся иррациональный страх, страх, вызванный наркотическими видениями, который может убить того, кто этот страх вызвал. Зрачки его расширились.

- Тебя подослали, это была не случайная встреча. Кто-то охотится за мной, не знаю кто. Он меня застрелит, он говорил, что застрелит! Если бы я хоть знал... Ты меня заставила!

Она не знала, как вести себя с наркоманом, одурманенным марихуаной. Она не могла знать, насколько этот наркотик может усилить такие эмоции, как подозрительность и страх, и привести к их взрыву. Она поняла, что перед ней человек, который не способен действовать сознательно, это было ясно. Непостижимый ход его мыслей принял опасное направление, и она не знала, как его остановить или, по крайней мере, повернуть в другое русло. Она не могла понять его, потому что была психически здорова, в то время как он был нездоров, по крайней мере временно.

Какое-то время он стоял, опустив голову, и исподлобья наблюдал за ней.

- Я сказал тебе что-то, что не должен был говорить никому. Но я не помню что. - Он в задумчивости положил руку на лоб.

- Ну что ты, ты мне ничего не говорил, - пыталась успокоить его она.

Она поняла, что нужно спастись бегством, но внутренний голос подсказывал ей, что это намерение нельзя проявлять, потому что он преградит ей путь. Она стала медленно, шаг за шагом отступать. Руки у нее были за спиной, чтобы нащупать замок и открыть раньше, чем он сообразит, в чем дело. Она пыталась отвлечь его внимание, пристально глядя ему в глаза, так, чтобы он не мог отвести взгляд. Она чувствовала, что все ее тело цепенеет, словно под взглядом змеи, и боялась сделать резкое движение, поскольку змея всегда проворнее...

- Точно, я проговорился. А теперь ты уйдешь и все выболтаешь. Кому-то, кто хочет меня убить. Он придет и застрелит меня. Он сам так сказал.

- Честное слово, ты ничего мне не сказал, это тебе только показалось.

Но его поведение становилось все опаснее. Вероятно, он понял, что она исчезает из его поля зрения. Она прислонилась к стене и стала искать руками замок, но пальцы нащупали только гладкую поверхность. Краем глаза она увидела дверь - в нескольких шагах влево. Незаметно двинуться в сторону было намного сложнее, чем отступить назад. Она медленно переставляла ноги.

- Разве ты не помнишь? Я просто гладила тебя по голове. Ничего не произошло. Нет, не надо! Не делай этого! - Она пыталась остановить его.

Если бы у нее была хоть одна сигарета для него... Отступая, она наткнулась на какой-то столик и опрокинула его. Этот звук, выдавший ее движение, стал последней каплей, разбившей гладкую поверхность, сигналом, которого ждал его больной мозг. Тормоза отказали. Он бросился на нее, как ожившая восковая фигура.

Слабо вскрикнув, она неловко шагнула к двери. Ключ был в замке. Но он не дал ей открыть дверь. Она бросилась к окну. Жалюзи было опущено, это лишило ее возможности высунуться и позвать на помощь. По обеим сторонам окна висели пыльные шторы. Она схватила одну из них и бросила ему в лицо; он остановился, чтобы выпутаться из складок. В углу стоял диван. Она забежала за диван; он подскочил с другой стороны. Она оказалась в ловушке. Несколько раз они пробежали из конца в конец, каждый со своей стороны, как в любительском спектакле, - игра девушки и зверя в кошки-мышки. Сцена, над которой она смеялась бы совсем недавно и над которой уже не будет смеяться до самой смерти, а она придет через две-три минуты.

- Не трогай меня! Не трогай! - Она с трудом переводила дыхание. - Ты знаешь, что тебе будет, если ты меня тронешь!

Но она говорила не с человеком, а с наркотиком. Он встал коленом на диван и схватил ее. В тесном пространстве между стеной и диваном ей было некуда деться.

Он схватил ее за воротник, но она быстро повернулась, вырвалась и выбежала из-за дивана, а ударник, потеряв равновесие, упал поперек него. Она снова побежала вдоль стены к двери. В этой стене была еще одна дверь, которая вела в туалет или ванную, но она пролетела мимо нее, боясь снова оказаться в ловушке. К тому же входная дверь, единственный путь к спасению, находилась совсем рядом. Она схватила стул и бросила его на пол в надежде, что преследователь споткнется. Но он увидел препятствие и обогнул его. Она выиграла не больше секунды.

Силы ее были на исходе. Неожиданно он, срезав угол, обогнал ее и загородил дорогу. Она не сумела вовремя остановиться и чуть не влетела прямо в его объятия. Она снова оказалась в ловушке, прижатая к стене. Размахивая руками, он пытался схватить ее. Она не могла двинуться ни влево, ни вправо, оставался только один путь - вниз. Наклонившись, она пролетела у него под рукой, задев его боком.

Она прокричала что-то. Это было имя человека, который меньше всего мог ей сейчас помочь.
- Скотти! Скотти!

Дверь была рядом, но она знала, что не успеет ее открыть. Силы ее иссякали...

Лампа с оранжевым абажуром, при помощи которой она пыталась оживить его память, стояла там, где она ее оставила. Лампа была легкая и не могла его остановить, но все же... Лампа упала далеко от цели, даже лампочка не разбилась на ковре. Он бросился к ней - обоим было ясно, что это последний бросок.

И тут случилось что-то непонятное. Вероятно, он споткнулся. В тот момент она ничего не поняла, но потом восстановила в памяти детали. Лампа с оранжевым абажуром вдруг взлетела вверх, рядом у стены блеснула ярко-голубая молния, и музыкант растянулся во весь рост между стеной и лампой.

Путь к бегству был открыт. Только вытянутые руки, бессильные в этот момент, лежали у нее на пути. Она пробежала рядом с растопыренными пальцами и оказалась вне досягаемости.

Мгновение может казаться целой вечностью или, напротив, пролетает слишком быстро. Он недолго лежал, бессильно растянувшись.

Это длилось только мгновение. Она пыталась повернуть ключ в замке, но пальцы ее не слушались. Музыкант полз к ней на животе, сокращая расстояние, которое их разделяло. Он не пытался встать, а собирался схватить ее за лодыжку и опрокинуть на пол.

Ключ наконец повернулся, и она дернула дверь. Рядом с ее каблуком что-то царапнуло по полу - звук был похож на стук ногтей. Она выбежала в открытую дверь.

Ее переполняли ужас и облегчение. Шатаясь, она почти на ощупь спускалась по плохо освещенной лестнице. Открыв входную дверь, она обнаружила, что на улице холодная ночь. Она была спасена: шатаясь, она пошла дальше от этого страшного места. Ее качало из стороны в сторону, как пьяную, и она была пьяна - от ужаса.

Она не знала, где находится. Впереди мелькнул свет, она побежала туда - быстрее, пока он ее не настиг. Вбежав в открытые двери, она оказалась среди витрин, заполненных колбасами и вазами с сала том. Это был работавший всю ночь магазин.

Внутри был только один человек, дремавший за прилавком. Он открыл глаза, увидел девушку и вскочил; наклонился к ней и испуганно спросил:

- Что случилось, мисс? Чем я могу помочь?

- Дайте мне десять центов, - сказала она, всхлипывая. - Дайте, пожалуйста, десять центов, мне нужно позвонить.

Она подошла к телефону и опустила монету. Из груди ее вырывались рыдания.

Старый добряк крикнул в дверь, расположенную за прилавком:

- Мама, иди сюда! Здесь одной девушке нужно помочь!

Она застала Бёджеса дома. Было уже около пяти часов утра. Потом она вспомнила, что не назвала своего имени, но он сразу понял, кто звонит.

- Мистер Бёджес, прошу вас, приезжайте! Случилось что-то ужаснее, мне одной не справиться...

Хозяин магазина тем временем советовался с женой, которая прибежала в халате, с бумажными бигудями на голове:

- Ты думаешь, кофе поможет?

- Я не знаю ничего лучше, аспирин у меня все равно нет.

Хозяйка усадила ее за стол, села напротив и успокаивающе гладила ей руки.

- Что случилось, бедняжка? Где твои родители? Девушка невольно улыбнулась. Помочь ей мог только детектив Бёджес.

Он пришел, когда она склонилась над большой чашкой кофе. Он пришел один, потому что не вел официального расследования по этому делу, это было его личное, частное дело.

Она с облегчением приветствовала его.

Он осмотрел ее сверху донизу и сказал:

- Бедняжка, ну и вид у вас. Было очень страшно?

- Теперь уже ничего, но видели бы вы меня десять минут назад. - Она махнула рукой на воспоминания и, наклонившись, посмотрела ему прямо в глаза:

- Мистер Бёджес, все подтвердилось. Он ее видел! Потом кто-то нашел его и дал ему денег, чтобы он молчал. Думаю, этого человека послала она. Но вы сумеете получить от него признание, правда?

- Идемте, - резко сказал он. - Если мне это не удастся, то не потому, что я не старался. Приступим к делу. Но сначала я вызову для вас такси...

- Нет, прошу вас, я хочу вернуться туда с вами. Мне уже лучше, все прошло.

Хозяин магазина с женой проводили их до дверей и смотрели, как они исчезают в редющей темноте. По их лицам было видно, что Бёджес не вызывает у них доверия.

- Бедняжка, ну и братец у нее! - покачал головой хозяин. - Сначала отпустил ее одну ночью, а теперь отправился к тому парню, чтобы закатить скандал!

Бёджес бесшумно поднимался по лестнице впереди девушки, дав ей знак идти осторожно. У дверей он прислушался и прошептал:

- Кажется, он сбежал. Ничего не слышно.

Бёджес что-то вставил в замочную скважину и осторожно повернул. Дверь открылась, и он вошел. Она следовала за ним на расстоянии, сдерживая дыхание. На пороге она вздрогнула - не от шума, а от того, что неожиданно вспыхнул свет.

От дверей она увидела, как детектив исчез за дверью в противоположной стене. Она решила войти, потому что комната была пуста. За дверью, в которую вошел Бёджес, тоже зажегся свет. Там была ванная. Старомодная ванна стояла на четырех ножках. Она увидела, что сбоку свешиваются чьи-то ноги, видны были и подошвы ботинок, потому что ноги были согнуты и приподняты. В такой квартире не могло быть мраморной ванны, но казалось, что эта ванна сделана из мрамора с красными прожилками. Красные прожилки...

Она думала, что сейчас ей станет плохо и она потеряет сознание. Когда она пыталась войти следом за Бёджесом, он остановил ее словами:

- Не ходите сюда, Кэрл! - Он прикрыл дверь. Он оставался внутри довольно долго. Она ждала. У нее слегка дрожали руки, но не от страха, а от эмоционального напряжения. Она поняла, что видела в ванне. Поняла, почему это произошло, - приступ страха, усиленный действием наркотика. Невидимая карающая рука стояла у него перед глазами; это было тем страшнее, что он не знал, откуда она появится.

Ей попался на глаза лежащий на столе лист бумаги, который все подтвердил, - три неразборчивых слова, законченных волнистой чертой по всему листу: «Пришли за мной...»

Наконец открылась дверь ванной, и Бёджес вышел. Ей показалось, что он побледнел. Детектив легонько подтолкнул ее к выходу.

- Вы видели это? - показала она на записку,

- Да, сразу, как пришел.

- Он мертв?

Вместо ответа он кивнул и провел рукой по горлу, от уха к уху.

- Идемте, - грубовато проворчал он, - это место не для вас.

Закрыв дверь, Бёджес повел ее вниз по лестнице. За углом он посадил ее в такси и сказал:

- Вас отвезут домой, а мне придется сообщить об этом и вернуться.

- Значит, он уже не сможет помочь? - спросила она, чуть не плача.

- Да, теперь уже не сможет, Кэрл.

- Недостаточно того, что я повторю его слова?

- Нет, это не прямое свидетельство. Вы слышали, что кто-то утверждал, что видел ее, и что ему заплатили за то, чтобы он дал ложные показания. Косвенные показания. Суд не примет их во внимание. - Он вынул из кармана что-то завернутое в платок и, развернув, стал рассматривать.

- Что это? - спросила она.

- Угадайте.

- Бритва?

- Правильно. Но если человек перерезал себе горло бритвой, я ее нашел на дне ванны, откуда тогда взялась вторая, на полке с туалетными принадлежностями? Нормальный человек пользуется только одной. - Он убрал бритву. - В полиции будут утверждать, что это самоубийство. Я не буду их разубеждать, по крайней мере пока. Поезжайте домой, Кэрол. Что бы это ни было, не вмешивайтесь в это. Сегодня ночью вас здесь не было. Предоставьте все мне.

Проезжая в такси по утренним улицам, она бессильно опустила голову. «Сегодня, милый, еще нет. К сожалению, нет. Но, может быть, завтра или послезавтра...»

15. За девять дней до казни Ломбард

Это был роскошный отель, башня его презрительно возвышалась над толпой обычных зданий. Это была украшенная драгоценными камнями бархатная клетка для райских птиц, прилетающих с востока, из кинематографической колонии. Здесь искали пристанища и слегка потрепанные птички с пестрым оперением, которые могли пользоваться былой славой.

Он знал, что здесь придется действовать дипломатично и тонко. Он не совершил тактической ошибки, заранее попросив принять его. Здесь не принимают с первой попытки, только по просьбе. Нужно было начать целую кампанию и использовать все знакомства.

Поэтому он нашел цветочный магазин, и вошел туда, открыв дверь из синего стекла, и начал выпытывать у продавца:

- Как вы думаете, какие цветы мисс Мендес любит больше всего? Я знаю, что через ваш магазин ее просто засыпают цветами.

- Трудно сказать, - уклончиво ответил продавец.

Ломбард отделил от пачки одну банкноту и повторил вопрос, словно в первый раз он был задан недостаточно громко. Вероятно, так и было.

- Обычно ей посылают орхидеи, гардении. Но известно, что в Южной Америке, откуда родом мисс Мендес, эти цветы не ценятся - они там растут, как трава. Если хотите моего совета... - Продавец говорил почти шепотом, будто сообщал Бог знает какую важную информацию. - Для своих апартаментов она всегда заказывает душистый горошек розового цвета.

- Дайте мне все, что у вас есть, - не раздумывая, сказал Ломбард. - И еще две визитные карточки.

Одну он использовал как черновик и написал текст по-английски, потом достал карманный словарь, перевел и написал вторую.

- Положите эту записку к цветам и сразу же отошлите ей в номер. Когда она их получит?

- Через пять минут. Ее номер в высотной части здания, там скоростной лифт.

Ломбард вернулся в холл и, опершись о стойку портье, стал следить за часами.

- Чем могу служить, сэр? - спросил портье.

- Минуточку. - Ломбард хотел появиться на сцене, когда певица придет в восторг от его знака внимания. - Теперь позвоните мисс Мендес и спросите, может ли ее посетить тот, кто только что послал ей цветы. Меня зовут Ломбард, но главное, упомяните цветы, - сказал он портье.

Позвонив, портье очень удивился.

- Вы можете подняться, - сказал он. Вероятно, был нарушен один из неписаных законов отеля: посетителя приняли с первой попытки. Такого здесь еще не случалось.

Ломбард поднялся. Когда он выходил из лифта, у открытых дверей его ждала молодая женщина. Судя по форменному платью из черной тафты, это была горничная.

- Вы мистер Ломбард?

- Да, собственной персоной.

Ему пришлось пройти настоящий пограничный контроль, прежде чем он получил разрешение войти.

- Вы пришли не за интервью?

- Нет.

- И не за автографом?

- Нет.

- Не за рекомендательным письмом?

- Нет.

- Не из-за счетов... - Она деликатно помолчала. - Неоплаченных счетов?

- Нет.

Этот пункт, вероятно, был решающим, поскольку допрос окончился.

- Подождите немного.

Двери закрылись и через некоторое время открылись вновь.

- Проходите, мистер Ломбард. Сеньорита попытается найти для вас время между просмотром корреспонденции и парикмахером. Присядьте.

Он оказался в комнате, во всех отношениях необычной, - не из-за размеров, не из-за космического вида из окон, не из-за дорогой обстановки. Комната была полна невообразимых шумов, он сразу понял, что это самая шумная пустая комната из всех, что он видел в своей жизни. До него доносились шипение и потрескивание, как будто за дверью что-то жарилось. Вероятно, так и было, потому что вместе со звуками в комнату проникали и ароматы специй. К этому примешивалось пение - громкий, но не очень приятный баритон. Из других дверей, которые были в два раза шире и постоянно открывались и закрывались, доносились звуки самбы, прерывающиеся треском радио, женский голос, со скоростью пулемета говорящий по-испански, телефонные звонки; телефон не молчал больше минуты. И наконец, над всей этой смесью разнородных звуков раздавался раздирающий нервы и слух крик животного, напоминающий царапанье ножом по стеклу. Этот звук, к счастью, раздавался с относительно большими интервалами.

Ломбард терпеливо ждал. Он попал в номер, половина пути к победе была пройдена. И неважно, сколько времени займет вторая половина.

Вбежала горничная, он подумал было, что она пришла за ним, и стал подниматься. Но по тому, как она спешила, понял, что у нее гораздо более важная цель. Она бросилась в помещение, из которого доносились ароматы и пение, и пронзительным голосом предупредила:

- Только масла немного, Энрико! Мадам говорит, что не хочет много масла!

Она повернулась и понеслась туда, откуда пришла; ей вслед неслись возмущенные крики, от которых сотрясались стены:

- Кто лучше знает, как надо готовить: я или она? Горничная, то и дело пронесившаяся по комнате, держала в вытянутых руках какое-то одеяние из перьев марабу, из которого сыпался пух, так что воздух наполнился летающими пушинками, которые долго кружились, перед тем как упасть на пол.

В кухне, наконец, прекратилось шипенье и послышался глубокий удовлетворенный вздох. Маленький кругленький человечек с шоколадной кожей, в белой куртке и поварском колпаке с довольным видом появился в дверях, прошел через комнату, где ждал Ломбард, и направился к своей госпоже. Он нес на подносе что-то прикрытое прозрачной крышкой.

На минуту все звуки стихли. Но только на минуту. Потом они возобновились с такой силой, что то, что было раньше, показалось райской тишиной. К старым звукам добавились новые: визг сопрано, баритональное мычание, напоминающий гонг звук, вызванный ударом крышки о стену.

Маленький человечек вылетел из дверей, его лицо было уже не шоколадного цвета, по нему стекала смесь из яичных желтков и красного перца. Он разъяренно махал руками, как ветряная мельница.

- Все! Я уезжаю! Сажусь на первый же пароход! Я не останусь, пусть хоть на коленях просит!

Ломбард зажал уши, чтобы не оглохнуть. Барабанные перепонки все-таки очень нежный орган, и их сопротивляемость имеет свои границы.

Постепенно крики замолкли, воцарилась относительная тишина, тишина, которая здесь считалась нормальным состоянием. Зазвонил звонок, на этот раз не телефонный. Горничная ввела какого-то черноволосого субъекта с тонкими усиками и усадила рядом с Ломбардом.

Теперь они ждали вдвоем, но новый посетитель не был так терпелив, как Ломбард. Он тут же вскочил и забегал взад и вперед. Потом в поле его зрения попал один из букетов горошка, он остановился перед ним, вытащил цветок и стал нюхать. Здесь Ломбард оставил всякие намерения заключить с ним дипломатический союз, о котором уже начал помышлять.

- Скоро она меня примет? - спросил черноволосый у горничной, когда она снова пролетала через комнату. - У меня появилась блестящая идея, и я хочу ее осуществить раньше, чем она вылетит из головы. - Нюхая душистый горошек, он сел, но потом снова вскочил, и было видно, как он дрожит от нетерпения. - Моя идея уже ускользает, - предупредил он. - А если я забуду эту мысль, то придется вернуться к старому стилю!

С этой ужасной новостью горничная полетела к своей госпоже.

Посетитель достиг своего. Горничная вышла и дала ему знак войти. Ломбард со злостью поддел носком ботинка цветок, который бросил этот человек.

Горничная вернулась и, наклонившись к нему, попыталась успокоить:

- Она наверняка найдет для вас время между парикмахером и примеркой. Вы сами видите, как ей трудно все успеть.

- Да, вижу, - проворчал Ломбард, рассматривая носки своих ботинок.

Потом установилась относительная тишина. Горничная выбежала только два раза, телефон звонил реже. Пулеметные очереди на испанском долетали теперь до Ломбарда в малых порциях. Личный повар, который должен был отбыть первым же пароходом, вышел в пальто и теплом шарфе, еще более круглый, чем был, и с оскорбленным видом сказал горничной:

- Выясните, что она хочет на ужин. Я не могу ее спросить, я с ней не разговариваю.

Человек, обогнавший Ломбарда, вышел наконец и удалился, прихватив с собой цветок из букета, присланного Ломбардом. Тот протянул было руку к вазе, в которой они стояли, чтобы отдать сразу все, но вовремя подавил этот подсознательный импульс.

Из святая святых вышла горничная и объявила:

- Сеньорита ждет вас.

Ломбард с трудом поднялся на одеревеневшие ноги, поправил галстук, манжеты и прошел в соседнюю комнату.

Не успел он как следует рассмотреть особу, возлежащую в позе Клеопатры на диване, как к нему на плечо приземлилось что-то пушистое, издающее страшный скрежет. Это и был тот таинственный звук, который он слышал в соседней комнате. Он нервно дернулся. На плече у него с довольным видом расположилось существо, напоминающее змею в бархате.

Женщина на диване восторженно улыбалась, как мать, радующаяся тому, что вытворяет ее отпрыск.

- Не пугайтесь, сеньор. Это мой милый Биби. Хотя существо носило такое ласковое имя, это не могло полностью успокоить Ломбарда, пытавшегося, повернув голову, рассмотреть, что за зверь прижался к его шее. При этом он с трудом изобразил на лице улыбку, чтобы угодить хозяйке.

- Я верю Биби, - доверительно сказала она. - Он у меня выбирает, кого принимать. Когда Биби не нравится, он прыгает и я избавляюсь от гостя. Когда Биби нравится, он садится на плечо и я оставляю гостя. Вы нравиться. Биби, не садись на шею гостю. - Она сделала вид, что недовольна поведением любимца.

- Пусть сидит, мне это совсем не мешает, - попытался проявить терпимость Ломбард. Он понял, что было бы ошибкой принять слова хозяйки за чистую монету. Он ощущал запах маленькой обезьянки, хотя ее шерсть была пропитана одеколоном. Размахивая, как бичом, своим длинным хвостом, обезьянка переменяла позу на плече у Ломбарда. Видимо, она была довольна. Ломбард чувствовал, как она старательно перебирает его волосы, как будто что-то ищет.

Певица млела от удовольствия. Если кто-то мог создать ей хорошее настроение, так это примат. Ломбард понял, что ему придется вытерпеть все попытки обезьяны к сближению.

- Садитесь, пожалуйста, - сердечно пригласила его певица.

Он, стараясь не двигать шеей, подошел к креслу и осторожно сел. Теперь у него появилась возможность рассмотреть ее. На плечах у нее была оранжевая накидка из перьев марабу, а под ней - бархатный костюм с брюками, широкими, как юбка в складку. На голове у нее было странное сооружение, напоминающее текущую лаву, - плод труда похитителя душистого горошка, который проник сюда перед Ломбардом. Горничная стояла за ней и оведала прическу пальмовым листом, вероятно, чтобы она скорее просохла.

- Я могу уделить вам несколько минут, пока сохнет лак, - любезно произнесла певица, украдкой взглянув на визитную карточку, которую он послал вместе с цветами. - Мне было очень приятно получать цветы с запиской на испанском языке, сеньор Ломбард. Вы пишете, что только вернулся из моей страны. Вы видели меня у нас дома? - К счастью, она не ждала ответа. В ее черных глазах появилось мечтательное выражение; закатив глаза, она вздохнула:

- Ах, Буэнос-Айрес, мой Буэнос-Айрес! Как я здесь скучаю! Набережные, залитые по вечерам светом...

Он правильно сделал, что перед визитом просмотрел несколько туристских проспектов.

- Пляж в Ла-Плате, море, - подсказал он, - скачки в Палермском парке...

- Ах, перестаньте, перестаньте, или я расплачусь. Это была не игра, во всяком случае не только игра, он это видел. Она, как все люди с театральным темпераментом, лишь драматизировала в сущности искренние чувства.

- Вы спрашиваете, почему я оттуда уехала, почему так далеко?

Семь тысяч долларов в неделю плюс десять процентов от каждого представления это, наверное, истинная причина, но свою догадку Ломбард оставил при себе.

Биби, выяснив, что ничего не найдет в его голове, сбежал вниз по его руке и спрыгнул на пол. Теперь ему было легче разговаривать, хотя голова его выглядела, как копна сена. Не желая вызывать недовольство хозяйки, он не стал приглаживать волосы.

Хозяйка пребывала в размягченном состоянии, на что он даже не рассчитывал. Он решил броситься вперед.

- Я пришел к вам, потому что вы известны не только талантом и красотой, но и умом.

- Вы правы, мне в жизни никто не посмел сказать, что я дура, - призналась славная личность без лишней скромности, рассматривая ногти.

Он подвинул кресло немного ближе к ней.

- Вы помните номер из прошлогоднего ревью, когда вы бросали зрительницам в зале цветы?

Ее глаза заблестели:

- Ах! «Чика-чика-бум»! Да, да! Вам понравилось? Это было прекрасно, правда?

- Отлично, - согласился он. - На одном спектакле был мой друг...

Он не смог продолжить. Горничная, перестав обмахивать ее прическу, вмешалась в разговор:

- Уильям ждет ваших распоряжений на сегодняшний вечер, сеньорита.

- Простите меня на минуту. - Она повернулась к двери.

Вошел высокий парень в форме шофера и встал по стойке смирно, ожидая распоряжений.

- До двенадцать вы свободны. На обед еду в ресторан, ждите в двенадцать у подъезда. - Она снова повернулась к Ломбарду.

- Я уже сказал, что мой друг был на вашем спектакле со знакомой. Именно из-за этого я и пришел к вам.

- Правда?

- Я пытаюсь найти для него эту девушку.

Она поняла его неправильно, ее глаза загорелись:

- Ах, любовь! Как это прекрасно!

- К сожалению, речь идет не о любви, а о смерти. - Как и в разговорах с другими, он боялся сообщить ей подробности, чтобы не испугать ее.

Но такой поворот событий понравился ей еще больше.

- Ах, тайна? Я обожаю тайны!

Вдруг она посмотрела наг часы в оправе, усыпанной бриллиантами, села и стала нетерпеливо щелкать пальцами.

Прибежала горничная. Ломбард подумал, что сейчас его выгонят.

- Вы понимаете, сколько уже времени? - с упреком сказала артистка. - Разве я не велела вам следить за временем? Вы очень плохо выполняете свои обязанности. Мы чуть не пропустили время. Врач сказал, что нужно принимать точно по часам. Принесите слабительное...

Ломбард не успел и глазом моргнуть, как оказался в центре тайфуна, который, вероятно, регулярно проносился по этим апартаментам: испанский пулеметными очередями, скрипучие вопли и горничная, преследующая обезьяну. Ломбард не успевал поворачивать голову, чтобы следить за происходящим.

Наконец Биби оказался в руках горничной, а таблетка - во рту у Биби.

Пациент в отчаянии повис на шее у своей хозяйки, так что казалось, будто у нее выросла борода. Наступила тишина, и Ломбард мог продолжить.

- Понимаю, что практически исключено, чтобы вы помнили какое-то лицо из тех, что видите каждый вечер. Понимаю, что у вас по шесть вечерних представлений в неделю плюс дневное и всегда много народу.

- Я в жизни не выступала перед пустым залом, - заметила она без ложной скромности. - Моих зрителей не может остановить даже пожар. Однажды в Буэнос-Айресе загорелся театр. Думаете, кто-нибудь поднялся?

Он подождал, пока она выскажется.

- Мой приятель сидел в первом ряду, сразу у прохода. - Он посмотрел в бумагу, которую достал из кармана. - Значит, он был слева от вас, когда вы стояли лицом к публике. Я могу освежить вашу память одной деталью, которая, может быть, поможет. Эта женщина во время вашего номера встала.

Ее глаза сверкнули:

- Говорите, встала? Когда выступала Мендес? Очень интересно, я не помню ничего подобного. - Она впилась ногтями в бархат своего костюма, как будто точила ногти. - Может быть, она спешила на поезд? Или ей не нравилось мое пение?

- Ну что вы! Совсем нет, вы меня не поняли, - стал торопливо успокаивать ее он. - Неужели кому-то может не нравиться ваше пение? Я расскажу, как все было. Это случилось, когда вы пели песню «Чика-чика-бум». Вы забыли бросить ей сувенир на память, как остальным, и она встала, чтобы привлечь ваше внимание. Она стояла прямо перед вами...

Актриса закрыла глаза, как будто пытаясь восстановить в памяти этот случай.

- Ради вас я попытаюсь вспомнить. - Было видно, что она действительно старается. - Нет, не получается. Не сердитесь, я не могу вспомнить. Прошлогодний сезон мне кажется таким далеким, будто прошло двадцать лет. - Она сочувственно покачала головой.

Ломбард еще раз заглянул в листок со своими заметками.

- У меня записана еще одна деталь, но, боюсь, это мало поможет. У нее на голове была такая же шляпа, как у вас, так по крайней мере утверждает мой друг.

Она резко встала. Если до сих пор ему не удавалось полностью завладеть ее вниманием, то сейчас она смотрела на него во все глаза. Одним резким движением она погасила сигарету, которую держала в руке, и из ее горла вырвался крик, который был бы более уместен в джунглях:

- А-а-а! Помню! Знаю! - Миллион испанских слов, вырвавшихся из ее горла, не позволил ему понять, в чем дело. Вскоре она вернулась к английскому: - Эта особа, которая встала! Встала передо мной в моей шляпе и еще всем ее показывала! Даже все стали смотреть на нее. И вы спрашиваете, помню ли я ее? Думаете, я могу это забыть? Вы плохо знаете Мендес! - Она так фыркнула, что Биби отлетел от нее, как высохший лист.

Здесь не к стати вмешалась горничная:

- Вас уже давно ждет портниха, сеньорита.

- Пусть ждет дальше. Сейчас я слушаю то, что мне очень не нравится! - Она подвинулась ближе к Ломбарду. - Посмотрите, что со мной происходит, когда я это вспоминаю! Посмотрите, в каком я бешенстве, хотя прошло уже столько времени! Посмотрите, до чего это меня довело!

Казалось, она считает свое душевное состояние успехом, которым следует гордиться. Она встала и начала бегать по комнате, ее широкие брюки развевались, как паруса. Биби сжался в комочек в самом дальнем углу комнаты и сидел там, сжав лапками опущенную голову.

- А зачем она вам нужна, вам и вашему другу? - неожиданно спросила актриса. - Этого вы еще не сказали.

По вызывающему тону Мендес он понял, что не может ждать от нее помощи, если это будет как-то способствовать счастью пиратки, укравшей шляпу. Даже если она могла бы помочь. Он предусмотрительно заготовил версию, которая не противоречила бы ее настроению.

- Поверьте, сеньорита, мой друг попал в большую беду. Не буду вас утомлять подробностями, но только эта женщина может его спасти. Он должен доказать, что в тот вечер был с ней. Он встретился с ней в тот вечер; неизвестно, как ее зовут и где она живет, мы ничего о ней не знаем. Поэтому я пытаюсь перевернуть город вверх ногами...

Видно было, что она усиленно раздумывает. Через минуту она заявила:

- Я с удовольствием вам помогу. Скажу все, чтобы вы выяснили, кто она такая. Но я ее никогда не видела - ни раньше, ни после того случая, только в тот момент, когда она встала передо мной. Больше я о ней ничего не могу сказать. - Вид у нее был еще более разочарованный, чем у Ломбарда.

- А вы обратили внимание на ее спутника?

- Нет, я на него даже не взглянула. Он сидел в тени.

- Да, как всегда, не хватает одного звена в цепи, но на этот раз другого. Все остальные помнят его, но не могут вспомнить ее. Вы, наоборот, видели ее и не видели его. Значит, это снова ничего не доказывает. Только то, что однажды вечером какая-то женщина встала во время представления в «Казино». Это могла быть любая женщина, она могла быть одна или с кем-то другим. Этим ничего не доказать. Нужен свидетель, видевший их обоих, - Ломбард огорченно встал. - Опять мы там, где были в начале.

Но все равно спасибо, что вы пожертвовали своим драгоценным временем.

- Я попытаюсь вам помочь, не знаю как, но я буду думать, - заверила она, подавая руку.

Пожав ей руку, разочарованный Ломбард направился к выходу. Он снова проиграл; ему впервые удалось нащупать что-то вещественное, оставалось только протянуть руку, но в последний момент добыча ускользнула. Он опять был на том же месте, с которого начал.

Не осознавая, что делает, Ломбард спустился вниз, прошел через холл и вышел на улицу. Остановившись перед входом, он раздумывал, в каком направлении двинуться. Все пути казались ему бесперспективными, его покинула способность принимать даже такие простые решения.

Мимо проезжало такси, и Ломбард помахал рукой, чтобы оно остановилось. Но такси было занято и не остановилось. Ему пришлось ждать следующего, и это задержало его на три минуты, а иногда важна даже одна минута. Он не оставил Мендес адреса, по которому его можно было бы разыскать.

Он уже садился в такси, когда двери гостиницы распахнулись и выбежал посыльный.

- Сэр, это вы были сейчас у мисс Мендес? Она хочет, чтобы вы снова к ней поднялись.

Ломбард вбежал в холл и быстро поднялся на лифте. В номере на него опять набросился комок шерсти, но на этот раз он ничего не имел против. Мендес примеряла что-то напоминающее абажур.

Певица не очень стеснялась его:

- Надеюсь, вы женаты. А если нет, то когда-нибудь женитесь, так что это не имеет значения.

Ему были непонятны тонкости этикета, о котором она говорила. Взяв большой кусок ткани, она попыталась прикрыться.

- После того как вы ушли, я кое-что вспомнила об этой шляпе. Может быть, это вам поможет. После того, что она сделала, я была так разгневана, что разорвала бы ее собственными руками, если бы она мне попала.

Ломбард уже наблюдал проявления ее южного темперамента и верил, что она на это способна.

- И на другой день это чувство меня не оставило.

Я пошла к модистке, которая предложила мне эту модель, и устроила ей хороший скандал. Я бросила шляпу ей в лицо и сказала: «Это единственный экземпляр, специально для моего выступления? Один? Второго такого не будет?» Я бросила ей прямо в лицо ее шляпу, и, когда уходила, она не могла сказать ни слова. Это может вам помочь? Ведь эта обманщица модистка должна знать, кому продала копию. Сходите к ней, и она вам скажет, кто эта женщина.

- Замечательно! Чудесно! Наконец что-то реальное! - с восторгом воскликнул Ломбард так громко, что Биби скрылся под диваном, спрятав даже хвост. - Как ее зовут? Мне нужно имя.

- Подождите, сейчас я вспомню. - Она приложила палец к виску. - У меня столько портних и модисток, что я всех не помню. - Она позвала горничную и приказала: - Найдите счет за шляпу, в которой я выступала в ревю в прошлом сезоне.

- Но мы не храним счета так долго, сеньорита.

- Не нужно мне повторять одно и то же несколько раз, - сделала замечание звезда. - Посмотрите счета за прошлый месяц, наверняка они его снова прислали.

Горничная вернулась после довольно продолжительного отсутствия, мучительного для Ломбарда.

- Я нашла, в этом месяце снова пришел. Здесь написано: «1 шляпа - 100 долларов», на счете название фирмы - «Кетти».

- Отлично! Вот он. - Певица подала счет Ломбарду. - Здесь есть все, что вам надо.

Ломбард переписал адрес и вернул ей счет. Она сделала несколько резких движений руками, и на пол посыпался снег из обрывков бумаги. Топнув ногой, она закричала:

- Какая наглость! Через год осмеливается посылать мне счет!

Подняв глаза, она увидела его спину. Она уже сказала все, что могла, он должен был искать следующее звено в цепи.

Она бросилась к двери, чтобы пожелать ему успеха, - не из альтруизма, а потому что хотела доставить неприятность не угодившей ей модистке. Недошитый кринолин помешал ей проводить гостя к выходу, она застряла в дверях, но вслед Ломбарду неслось мстительное:

- Надеюсь, она будет иметь с этого большие неприятности!

Женщина может простить другой женщине все, кроме такой же шляпы, как у нее!

Ломбард чувствовал себя не в своей тарелке, входя в этот дом. Но он был готов на все ради своей цели. Мастерская находилась в бывшем частном особняке, перестроенном в торговое заведение, дорогое и неприступное. Первый этаж занимал большой демонстрационный зал. Объявив о цели своего прихода, он забился там в самый дальний угол.

Он пришел во время демонстрации моделей, но откуда он мог знать, что они ежедневно бывают в это время. Ему было не по себе. Он был здесь единственным мужчиной активного возраста. Среди стоек клиенток восседал, как на троне, высохший семидесятилетний старик. Рядом с ним сидело прелестное молодое создание - вероятно, внучка привела дедушку, чтобы он помог ей выбрать туалеты. Ломбард неприязненно посмотрел на старика. Но он был единственным исключением, все остальные были женщины, включая посыльных. Медленно, одна за другой, выходили манекенщицы, поворачивались в центре зала и уходили грациозным танцевальным шагом. Поворот с пируэтом они делали прямо перед ним, у него даже возникло желание закричать: «Я пришел сюда не шляпу покупать!» Он чувствовал себя очень неуверенно.

Девушка, встретившая его у входа, наконец вернулась и спасла его.

- Мадам Кетти ждет вас у себя в кабинете на втором этаже, - прошептала она ему на ухо, повела его вверх по лестнице, постучала в дверь и вернулась вниз.

Его приветствовала могучая рыжая ирландка, сидевшая лицом к нему за большим письменным столом. Ничто в ее внешности не напоминало шикарный дамский салон, она выглядела скорее замызганной. Вероятно, когда-то она была Кетти Шоу из захолустья, но он не мог не признать, что ей многого удалось добиться.

Наверное, у нее была счастливая рука, когда речь шла о деньгах; вероятно, ее положение в настоящий момент было прочным, раз она могла позволить себе небрежность во внешности. Его первое впечатление было положительным, у него немного отлегло от сердца.

Она рассматривала эскизы шляп, откладывая одни направо, другие налево.

- Чем могу служить, дорогой? - без церемоний спросила она Ломбарда, не прерывая своего занятия.

Ломбард утратил все свои дипломатические способности. Он еще не успел опомниться от встречи с Мендес.

- Я от одной вашей бывшей клиентки, певицы Мендес.

Она подняла на него глаза и язвительно сказала:

- Надеюсь, вы умылись после этого визита.

- Вы делали ей шляпу для ревю, помните? За сто долларов. Мне нужно знать, кто сделал копию.

Сначала она убрала эскизы в безопасное место - часть в ящик, часть в корзину для мусора. Вероятно, ее темперамент мог включаться и выключаться, когда она хотела. Такой тип был для него предпочтительней, чем Мендес. Она была более прямолинейная. Ее кулак стукнул по столу, как ручная граната.

- Лучше не напоминайте мне об этом! Я уже достаточно пережила с этой шляпой. Я говорила ей, что существует только один экземпляр, и повторяю это вам. Если я говорю, что делаю единственный экземпляр, значит, так оно и есть! А если кто-то его повторил, то не в моей мастерской, я об этом ничего не знаю и не несу за это ответственности!

- Кто-то сделал второй экземпляр, - настаивал он. - Его видели на голове у женщины, которая стояла перед певицей в свете прожекторов в зрительном зале.

Она наклонилась над столом:

- Чего она от меня добивается? Хочет, чтобы я подала на нее в суд за клевету? Если она не прекратит, я это сделаю! Она лгунья! Можете убираться и передать ей это!

Вместо этого Ломбард бросил свою шляпу в кресло, чтобы дать ей понять, что не уйдет, пока не вытянет из нее все, ради чего пришел.

- Дело не в ней, не будем говорить о ней. Я пришел лично к вам. У меня есть на то причины. Вторая шляпа существовала, она была на голове женщины, с которой был в театре мой друг. Так что не пытайтесь меня разубедить. Мне нужно знать, кто эта женщина. Посмотрите в книгу заказов и скажите, как ее зовут.

- Ее нет ни в какой книге и быть не может, потому что в наших книгах нет такого заказа. Чего вы хотите добиться, повторяя эту бессмыслицу?

- Я прошу вас, как о милости! Жизнь моего друга висит на волоске! Мне нет дела до вашей морали в торговых делах. Как вы не можете понять! Мой друг будет казнен через девять дней! Его может спасти только эта женщина, у которой была ваша шляпа. Вы должны сказать ее имя. Меня не интересует шляпа, мне нужна женщина?

Она, видимо, успокоилась, ее голос понизился до нормального тона.

- А кто этот ваш друг? - спросила она.

- Скотт Хендерсон, которого приговорили к смертной казни за убийство жены.

Кивнув, она сказала:

- Помню, я читала об этом в газете.

- Он не виновен, вы должны его спасти. Мендес купила у вас шляпу, которая должна была быть исполнена в одном экземпляре. Тем не менее, точная копия была на голове у одной дамы. Ее сопровождал мой друг, они провели вместе весь вечер, но он не спросил ни ее имени, ни адреса. Я должен ее найти любой ценой. Она может подтвердить, что мой друг не был дома в то время, когда была убита его жена. Понимаете?

Она редко проявляла слабость, но сейчас был именно такой момент. На всякий случай она спросила:

- Вы уверены, что эта негодяйка не устроит мне ловушку? Я не подала на нее в суд за неоплаченный счет и дебош, который она здесь учинила, чтобы она сама на меня не жаловалась. Это повредило бы репутации моего предприятия.

- Я не адвокат, не бойтесь, - заверил он. - Я инженер. Можете сами убедиться. - Он достал из кармана документы, удостоверяющие его личность, и подал хозяйке мастерской.

- Хорошо, я вам кое-что скажу, - сказала она с облегчением.

- Можете говорить совершенно открыто. Меня интересует только дело Хендерсона. Я делаю все, чтобы вытянуть его из беды. Ваш конфликт с певицей меня ничуть не интересует. Я заговорил об этом только потому, что случайно столкнулся при расследовании с этим фактом.

Она проверила, закрыта ли дверь, и сказала:

- Ну ладно. Я выяснила одно обстоятельство, в котором ни в коем случае не призналась бы Мендес. Кто-то украл у нас эту модель. Следы вели к нам. Это сделал кто-то из работающих здесь. Я говорю об этом вам, но не желаю, чтобы это стало известно еще кому-нибудь. Если начнется расследование, я от всего откажусь. Модельер, который сделал эскиз, вне подозрений. Он работает здесь с самого начала и имеет долю в предприятии. Ему нет смысла продавать на сторону свои модели, это была бы конкуренция с самим собой. В тот день, когда Мендес устроила скандал, мы вместе все проверили и обнаружили, что из альбома исчез именно этот эскиз. Я

подумала на шляпницу, которая шила ее. Она все отрицала, и нам не удалось ничего доказать. Наверное, она сшила копию дома после работы, а вернуть эскиз не успела. На всякий случай, чтобы такое больше не повторилось, мы ее уволили. Теперь вам должно быть ясно, что в наших книгах нет имени второй клиентки, которая заказала эту модель. Я ничего не могу для вас сделать, но могу дать вам совет. Найдите швею, которая у нас работала. Не могу гарантировать, что она что-нибудь знает, но мы были так уверены в этом, что уволили ее. Остальное ваша забота.

Добыча опять ускользнула от него, когда казалось, что он уже у цели.

- Мне больше ничего не остается, - нахмурился он.

Она включила селектор на столе и сказала:

- Выясните, пожалуйста, имя швеи, уволенной после скандала с Мендес, и ее адрес.

Пока они ждали, она сказала почти нежно:

- Кажется, вы принимаете очень близко к сердцу беду друга.

Он не ответил. На подобные замечания не отвечают.

Она открыла ящик стола и достала оттуда квадратную бутылку ирландского виски.

- Черт побери эту водичку, которую подают внизу! Вам нужно сделать глоток чего-нибудь приличного, вас ждет нелегкая работа. Я научилась от своего старика, царство ему небесное...

Зажглась лампочка, и женский голос сообщил:

- Это Медж Пейтон. Четырнадцатая улица, четыреста девяносто восемь.

- Прекрасно, но какая Четырнадцатая?

- Точнее, к сожалению, сказать не могу.

- Ну неважно. Все равно их только две: восточная и западная.

Он записал адрес, встал, взял шляпу с кресла - все это с чувством, что его ждет новая сложная работа.

Хозяйка салона задумчиво сказала:

- Может быть, вам пригодится мой совет. Просто так она вам ничего не скажет. Она такая маленькая, тихонькая, как мышка. Скромница, одета всегда в юбку с блузкой. Такие чаще жульничают ради денег, чем красавицы, тем легче раздобыть то, что им требуется. А эти боятся мужчин. Если познакомятся, то всегда с неподходящей кандидатурой. У них нет опыта.

Надо было признать, она разбирается в жизни. Поэтому она и не осталась Кетти Шоу из захолустья.

- С Мендес мы хотели за шляпу сотню. За копию эта девочка не могла получить больше пятидесяти долларов. На вашем месте я исходила бы из этого. Дайте ей пятьдесят долларов, и все будет в порядке. Конечно, если найдете ее.

Хозяйка пансиона открыла дверь, покрашенную под черное дерево.

- Что вам нужно?

- Я ищу Медж Пейтон.

- Она здесь больше не живет, уже давно переехала.

- А вы не знаете ее нового адреса?

- Меня бывшие жильцы не интересуют.

- Но хоть что-то о ней вы знаете? Кто отвез ее вещи?

- Она сама все унесла. Туда.

Он посмотрел туда, куда она махнула рукой. В этом направлении были еще три улицы, дальше река, а за рекой еще пятнадцать или двадцать штатов. А за ними - океан.

Прежде чем закрыть дверь, старуха спросила:

- Что с вами? Что-то вы побледнели.

16. За восемь дней до казни

17. За семь дней до казни

18. За шесть дней до казни

Он вышел из поезда после трех часов езды, и когда последний вагон исчез вдали, осмотрелся. Это была одна из типичных деревушек, которые окружают большие города и по неизвестной причине производят впечатление более заспанных и захолустных, чем самые удаленные сельские места, - может быть, потому, что перемена очень быстрая и глаза не успевают к ней привыкнуть. Город был близко, и здесь присутствовали некоторые городские элементы: универмаг, известная фирма «А+Р», продающая апельсиновый сок в каждой дыре. Но это только подчеркивало удаленность от центра.

Он посмотрел на листок, где были записаны имена и адреса. Все адреса, кроме двух последних, были зачеркнуты. Список выглядел так: «Медж Пейтон, модистка (адрес); Мардж Пейтон, модистка (адрес); Маргарет Пейтон, шляпная мастерская (адрес); мадам Медж, шляпы (адрес); мадам Марго, шляпы (адрес)».

Перейдя железнодорожную линию, он подошел к бензоколонке и спросил чумазого механика, копавшегося в моторе автомобиля:

- Вы не знаете женщину по имени Медж, она шьет шляпы?

- У старухи Геском снимает комнату какая-то женщина, у нее за окном вывеска. Не помню, что там, то ли шляпы, то ли платья, я не интересовался. Последний дом справа по этой улице. Никуда не сворачивайте.

Ломбард нашел убогий деревянный дом с вывеской, написанной от руки, в одном из окон первого этажа: «Марго. Шляпы». Он подумал: «Самое убогое заведение такого рода обязательно носит французское название. Наверное, у модисток так принято».

Пройдя через открытую веранду, он постучал в дверь. Девушка, которая ему открыла, определенно была той, которую он искал, если положиться на описание, которое дала Кетти. Заурядная и испуганная. Тонкая хлопчатобумажная блузка и темная юбка. На пальце наперсток.

Подумав, что ему нужна хозяйка, она сообщила:

- Миссис Геском ушла в магазин, Она вернется... Он прервал ее:

- Мисс Пейтон, я рад, что нашел вас.

Она испугалась, попыталась закрыть дверь, но он, поставив ногу, помешал ей это сделать.

- Вам наверняка нужна не я.

- Нет, вы. - Доказательством был ее страх, хотя он не знал, чего она боится. - Я вам кое-что напомним. Вы работали когда-то швеей у мадам Кетти.

Она побледнела. Он схватил ее за руку, чтобы она не закрыла двери у него перед носом, она все время пыталась это сделать.

- Одна женщина заказала у вас такую же шляпу, как у певицы Мендес.

Она только вертела головой, говорить у нее не было сил. Испуганная, она пыталась вырваться, но он крепко держал ее за запястье.

- Мне нужно только имя этой женщины, ничего больше.

Но с ней нельзя было говорить разумно. Он никогда в жизни не видел, чтобы кто-то так боялся. Лицо ее посерело, щеки дергались. Нельзя так бояться только из-за похищенной модели. Это не соответствовало степени вины, ужас был несоизмерим с небольшим проступком.

Он почувствовал, что здесь скрыто что-то другое, по ее поведению он не мог понять, в чем дело.

- Мне нужно только ее имя...

Она не видела его расширенными от ужаса глазами.

- Не бойтесь, вас не будут таскать по судам. Вы же знаете ее имя...

Наконец к ней вернулся голос. Она хрипло сказала:

- Я скажу. У меня записано. Пустите, я пойду посмотрю.

Ломбард держал дверь, чтобы она не могла ее захлопнуть. Он отпустил руку девушки, и она исчезла.

Он ждал несколько минут, потом напряжение, вызванное ее необычным поведением, заставило его войти в мрачную комнату и распахнуть боковую дверь, которую она, к счастью, не закрыла за собой.

Над его головой блеснули ножницы. Он вовремя среагировал и рукой отвел удар. Результатом были разорванный рукав и кровавая царапина на руке. Он вырвал у нее ножницы и отбросил в угол.

- Почему вы это сделали? - Он зажал рану носовым платком.

У нее начался истерический приступ. Плача, она выкрикивала:

- Я не видела его с тех пор. Я не знаю, что мне делать. Я боюсь. Как я могла отказаться? Он говорил, чтобы я подождала несколько дней, а прошло уже две недели... Я боюсь кому-нибудь рассказать. Он грозил, что убьет меня...

Он зажал ей рот рукой. Это была другая проблема, она его не интересовала.

- Помолчите наконец! Чего вы боитесь? Мне нужно только имя той, для кого вы сделали копию шляпы Кетти. Вы что, не можете этого понять?

- Вы только так говорите...

- В какую церковь вы ходите?

- Раньше ходила в католическую.

По ее поведению было видно, что за всем этим скрывается какая-то трагедия.

- У вас есть четки? Принесите. - Он понял, что придется воздействовать на ее чувства, доводы разума были ей недоступны.

Она протянула ему четки. Он взял ее за руку и сказал:

- Клянусь, что мне не нужно от вас ничего, кроме этого имени. Я пришел только за этим. Клянусь, что не принесу вам никакого зла.

Она немного успокоилась, как будто прикосновение к четкам благотворно подействовало на нее.

- Пьеретта Дуглас, Риверсайд-драйв, шесть.

Где-то рядом раздался плач. Она посмотрела на него недоверчивым взглядом, полным недобрых предчувствий, потом пошла в спальню, отделенную от комнаты занавеской. Плач прекратился. Она появилась из-за занавески, держа в руках белый пакет, из которого выглядывало розовое личико. Склонив голову над этим личиком, она вся сияла от любви, это не вызывало сомнения. Вина, тайна, упрямство. Любовь брошенной женщины, которая направлена теперь на ребенка и усиливается день ото дня.

- Пьеретта Дуглас, Риверсайд-драйв, шесть. - Он вынул из бумажника банкноту. - Сколько она вам заплатила?

- Пятьдесят долларов, - сказала она рассеянно, как о чем-то давно забытом.

Он бросил банкноту на ее рабочий стол.

- Вам следует лучше владеть собой, так вы можете заработать неприятности, - посоветовал он.

Она его не слушала, улыбаясь в ответ на беззубую улыбку ребенка, принадлежавшего только ей.

- Желаю вам счастья, - не удержался он, выходя из комнаты.

Путь назад показался ему гораздо короче. Колеса выстукивали: нашел, нашел, нашел...

19. За пять дней до казни

Он услышал, как отъехала машина, поднял голову и увидел стоящую у входа женщину. Он сразу почувствовал, что это она. Она держалась как человек, который может за себя постоять;

именно такой он ее представлял. Она была очень красива. Так красива, что теряла из-за этого очарование, как все слишком совершенное. Так профиль на камее или античная голова не пробуждают никаких чувств, только эстетическое наслаждение.

Высокая брюнетка с безупречной фигурой. Она была совершенством, и в ее жизни не было забот, которые мучили других женщин. О том, что ее жизнь лишена интереса, как пустыня, говорило и выражение лица.

Ее вечернее платье напоминало струящийся серебристый поток. Войдя в холл, она небрежно поздоровалась со швейцаром и игнорировала Ломбарда.

- Этот господин... - начал швейцар.

Ломбард подошел к ней раньше, чем швейцар успел закончить фразу, и спросил:

- Пьеретта Дуглас?

- Да, это я.

- Я жду вас. Мне нужно с вами поговорить. Очень срочно и по важному делу.

Она остановилась перед открытой дверью лифта, и Ломбард понял, что она не намерена разрешить ему подняться с ней.

- Вам не кажется, что уже несколько поздно?

- Не для моего дела. Его нельзя откладывать. Меня зовут Джон Ломбард, я пришел по делу Скотта Хендерсона.

- Если не ошибаюсь, я ни с ним, ни с вами не знакома.

Это «если я не ошибаюсь» было каплей вежливости, которой она подсластила отказ.

- Он в камере смертников, и его ждет казнь. - Ломбард оглянулся на лифтера. - Мне не хотелось бы говорить об этом здесь.

- Ничего не поделаешь, я здесь живу. Сейчас уже второй час ночи, и существуют определенные правила приличия... Ну ладно. Идемте туда. - Она направилась к нише с креслами и пепельницей на высокой подставке.

Разговаривали они стоя.

- Вы купили шляпу у одной девушки, работавшей в фирме «Кетти». Вы заплатили ей пятьдесят долларов.

- Возможно. - Она заметила, что швейцар стоит поблизости и с любопытством прислушивается.

- Ну что вы, Джордж! - сделала замечание она.

Тот нехотя отошел в другой конец холла.

- В этой шляпе вы были в театре с одним мужчиной.

Она допустила, что это вполне возможно:

- Я иногда хожу в театр. При этом меня сопровождают мужчины. Не могли бы вы сказать, в чем дело?

- Именно в этом. Этого мужчину вы видели только в тот вечер. Вы были вместе в театре, но он не знал вашего имени, а вы - его.

- Нет, это невозможно. - Ответ звучал категорично. - Поверьте, вы ошибаетесь. Я не очень придерживаюсь формальностей, но никогда не пошла бы с мужчиной, имени которого не знаю. Вы обратились не по адресу, вам нужен кто-то другой. - Она уже собралась уйти.

- Прошу вас, сейчас нет времени на разговоры о правилах хорошего тона. Человека, о котором я говорю, ждет смерть. Через неделю его казнят! Вы должны помочь...

- Давайте выясним: ему помогло бы мое ложное свидетельство, что я провела с ним вечер?

- Ах, нет! Ему поможет, только если вы действительно провели с ним тот вечер и подтвердите это.

- В таком случае ничего подтвердить не могу, потому что не была с ним. - Она смотрела ему прямо в глаза.

- Вернемся к шляпе, - сказал он. - Ведь вы купили эту шляпу?

- Почему вы от одной темы бросаетесь к другой? Если и купила, как это связано с тем человеком?

В душе ему пришлось признать, что она права.

- Расскажите какие-нибудь подробности, - продолжала она. - У вас есть доказательства, что с вашим другом была именно я?

- Прежде всего эта шляпа. Такая же шляпа была на голове у певицы Мендес, которая выступала в ревю. Шляпу шили для нее на заказ. Вы допускаете, что для вас сделали второй экземпляр. Он был на голове у женщины, которая сопровождала Скотта Хендерсона.

- Отсюда еще не следует, что это была я. В вашей логике больше дыр, чем вы думаете.

Ломбард заметил, что она задумалась. В ней произошла перемена, она заинтересовалась, даже взволновалась, глаза ее загорелись.

- Назовите еще какие-нибудь детали. Как я поняла, это было ревю с участием Мендес? Когда это было, хотя бы приблизительно?

- Я могу вам точно сказать. Это было двадцатого мая.

- В мае. Не знаю почему, но это начинает меня интересовать, - сообщила она. - Вы правы, лучше подняться ко мне.

В лифте она произнесла:

- Я рада, что вы обратились с этим делом ко мне.

Они вышли на двенадцатом этаже. Она открыла дверь, включила свет, и он вошел вслед за ней. Небрежно положив на стул боа из рыжей лисы, она прошла в глубь комнаты по натертому до зеркального блеска паркету.

- Двадцатого мая? - переспросила она. - Я скоро вернусь. Присядьте пока.

За дверью зажегся свет. Он ждал. Она пришла, держа в руке пачку счетов и просматривая их. Найдя нужный, она отложила остальные и подошла к нему.

- Прежде всего нам следует договориться об одной вещи: я не была в тот вечер с вашим другом в театре. Посмотрите. - Она показала ему счет из больницы. - Мне оперировали аппендицит, и я была в больнице с тридцатого апреля по двадцать седьмое мая. Если вам этого не достаточно, можете проверить.

- Этого достаточно. - Он со вздохом признал свое поражение.

Вместо того чтобы закончить разговор, она села рядом с ним.

- Но ведь вы купили эту шляпу? - спросил он после минутного молчания.

- Да.

- И где она?

Она, казалось, глубоко задумалась, как будто что-то тщательно взвешивала. Тем временем он осматривал ее квартиру.

Комната, в которой они находились, многое ему рассказала. Роскошь здесь поддерживалась с большими усилиями. Это был один из самых модных и престижных кварталов города. Но в комнате почти не было ковров. Хорошей мебели было тоже немного. Видно было, что кое-какие вещи уже проданы. Но она не стала заменять их более дешевыми. При ближайшем рассмотрении на ней самой были заметны такие же выразительные следы времени.

На ногах у нее были туфли за сорок долларов, ручной работы, но уже довольно поношенные. Каблуки были стоптаны, и туфли уже не блестели. Платье тоже было поношенное, хоть и дорогое. В ее глазах было какое-то нездоровое беспокойство, как у людей, которые живут за счет собственных способностей пробиться. Они не знают, когда представится счастливый случай, и всегда боятся упустить его. Насколько он разбирался в людях, ее положение было не блестяще.

Он мог догадаться, о чем она думает. Она посмотрела на свою руку. Он перевел это так: кольцо с бриллиантом, которое когда-то у нее было. Где оно? В ломбарде. Ее взгляд на ноги он перевел, как мысль о новых чулках - о десятках и сотнях пар, которые она не успела бы разорвать до самой смерти. А все это означало, что она думает о деньгах.

По выражению ее лица он понял, что она решилась.

Она ответила наконец на его вопрос:

- С этой шляпой дело было так. Мне она очень понравилась, когда я ее увидела, я упростила швею сделать для меня такую же. Мне кажется, что я надела ее только раз, не больше, а потом поняла, что она мне не идет. Я не носила ее. Однажды, незадолго до того, как я легла в больницу, ко мне пришла подруга. Она увидела шляпу и примерила ее. Она влюбилась в нее с первого взгляда, и я уступила ее ей. - Она пожала плечами, как будто не собиралась больше ничего говорить.

- Как зовут вашу подругу? - тихо спросил он. Сейчас между ними шел торг, хотя казалось, что они просто разговаривают. Он понял, что даром ответа не получит.

Она возразила:

- Думаете, с моей стороны было бы красиво выдать ее?

- Но ведь речь идет о жизни человека! В пятницу его казнят, - тихо напомнил он.

- Но не из-за нее, она в этом не виновата. Разве это ее вина?

- Нет, - со вздохом сказал он.

- Так почему я должна ее втягивать в это дело?

Вы знаете, что для женщины страшнее смерти? Потеря репутации.

Ему стоило большого труда сдерживаться.

- Думаю, у вас найдется хоть капля жалости. Неужели вам совершенно безразлична смерть человека? Скрыв то, что вам известно...

- Да, но эта женщина - моя подруга, а с мужчиной я не имею ничего общего. Вы хотите, чтобы ради его спасения я поставила ее под удар?

- Под какой удар?

Она не ответила.

- Я от вас так просто не отстану. След ведет сюда, и вы должны мне все сказать.

Они встали.

- Думаете, раз вы женщина, то с вами ничего не может случиться...

- Вот как? - Она посмотрела на него оскорбленно и презрительно. - Мне пригласить швейцара, чтобы он вас вывел?

- Пожалуйста, если хотите видеть драку в своей квартире.

- Но вы не заставите меня сказать. От меня зависит, захочу ли я это сделать.

Ломбард знал, что она права.

- В этом деле я действую как частный детектив.

- И что вы намерены делать?

При виде пистолета у нее на секунду изменилось выражение лица. Потом она посмотрела на него так, будто ничего не происходит; она даже снова села, полностью уверенная в себе.

Он в жизни не встречал подобной женщины. Она полностью владела собой, пистолет не действовал на нее.

- Значит, вы не боитесь смерти?

Она посмотрела ему в глаза:

- Очень боюсь. Но сейчас мне не грозит опасность. Убийство совершают для того, чтобы кто-то не сказал то, что ему известно, а не для того, чтобы заставить сказать. Я могла бы позвонить в полицию, но не буду этого делать. Лучше я спокойно подожду, пока вы не спрячете пистолет.

Она добилась своего. Он убрал оружие и рассерженно проворчал:

- Ну, хорошо, пусть будет по-вашему.

Она улыбнулась:

- Ну, чья взяла? Я не плачу и не бледнею, как вы.

Ему пришлось согласиться:

- Да, один ноль в вашу пользу.

- Не имеет смысла угрожать мне. - Она сделала паузу, чтобы он смог понять смысл сказанного.

- Но мы могли бы договориться.

Вытащив чековую книжку, он стал заполнять ее.

- Вам не скучно?

- Совсем нет, вы очень интересный собеседник. Тихий, но симпатичный.

Теперь улыбнулся он.

- А как пишется ваше настоящее имя?

- Предъявитель.

Взглянув на нее, он снова наклонился над чеком и написал цифру «100». Подойдя к нему и заглянув в чек через его плечо, она сказала:

- Что-то мне захотелось спать, - и, зевая, прикрыла ладонью рот.

- Это от того, что здесь мало воздуха. Откройте окно.

- Нет, не из-за того.

Но она всё же подошла к окну и открыла его, потом вернулась к Ломбарду. Он добавил еще одну цифру.

- Теперь вам лучше? - спросил он с деланным участием.
- Намного. Я как будто заново родилась.
- Не много же вам для этого требовалось, - язвительно заметил он.
- О да, совсем не много. Практически ноль. - Ей доставила удовольствие игра слов.

Он отложил ручку:

- Не кажется ли вам, что это уж слишком?

- Не я к вам пришла, вы хотите получить от меня информацию. - Гордо подняв голову, она сказала: - Спокойной ночи.

У порога он повернулся, чтобы попрощаться с ней, но здесь подошел лифт. Сложив вдвое вырванный из блокнота листок, он извинился:

- Надеюсь, вы простите мою дерзость. По крайней мере, вы со мной не соскучились. Простите за поздний визит, но дело не терпит отлагательства.

- Вам вниз, сэр? - спросил лифтер.

Он снова оглянулся и, приподняв шляпу, попрощался. Двери он оставил открытыми.

В лифте он поднес к глазам листок и сказал:

- Минутку. Она написала только имя...

- Вы хотите вернуться, сэр?

Он поколебался, потом, взглянув на часы, решил:

- Нет. Будь что будет.

В холле он спросил у швейцара:

- Вы не знаете, где это?

На листке было написано: «Флора», потом цифра и «Амстердам».

- Наконец-то что-то реальное, - сказал он Бёджесу по телефону. Он звонил из аптеки на Бродвее, которая открыта всю ночь. - Я у цели. Не буду вам ничего рассказывать, чтобы не терять времени. Я еду туда! Когда вы приедете?

Бёджес подъехал на патрульной машине. Увидев машину Ломбарда, одиноко прижавшуюся к одному из зданий, он вышел и обнаружил Ломбарда стоящим, опершись на машину.

Сначала он подумал, что Ломбарду плохо, потому что он стоял, наклонившись и уронив голову.

Рядом стоял какой-то мужчина с трубкой и сочувственно смотрел на него. Возле его ног вертелась собака.

Когда Бёджес подошел, Ломбард с трудом поднял голову. И снова опустил, словно у него не было сил говорить.

- Что случилось? Вы уже были там?

- Нет, вот этот дом. - Он показал на широкие ворота, занимавшие почти всю стену. По фасаду тянулась надпись: «Пожарная служба города Нью-Йорка». - Она дала мне этот номер, - бессильно вздохнул Ломбард, показав листочек из блокнота. - Местные жители говорят, что это «Флора».

Бёджес открыл дверцу машины Ломбарда.

- Быстро! Едем туда, - сказал он.

Дверь не открывалась. Бёджес достал отмычку. Внутри не было слышно ни звука.

- Она ответила на звонок снизу?

- Они все еще звонят.

- Наверное, она сбежала.

- Едва ли, ее бы видели. Подождите, я попробую иначе.

Дверь открылась, и они чуть не влетели внутрь. Остановившись, они осмотрелись. Комната была пуста, но оба сразу поняли, что произошло.

Горели все лампы. Дымилась недокуренная сигарета, над которой вилась серебристая спираль дыма. Французское окно было открыто навстречу ночи, и из черного пространства в комнату заглядывали две звезды. Небо было как черное полотно, висевшее на двух серебряных кнопках.

У самого окна лежала серебристая туфелька. Длинная, узкая ковровая дорожка, расстеленная от двери к окну, была сбита, и на ней образовались волны - словно кто-то сделал неверный шаг и от испуга по дорожке пробежала дрожь.

Бёджес направился к окну, стараясь не ступить на дорожку. Он наклонился над низкими декоративными перилами, прикрепленными снаружи, и посмотрел вниз. Наконец он повернулся и кивнул Ломбарду, который стоял, словно окаменев.

- Она лежит внизу, у служебного подъезда. Вероятно, никто ничего не слышал. На этой стороне в окнах нет света.

Было странно, что он ничего не предпринимает, даже не спешит сообщить в полицию.

Единственным признаком жизни в комнате была сигарета. Бёджес подошел и взял ее. Окурочек был еще довольно длинный, почти два сантиметра. Он пробормотал себе под нос:

- Это должно было случиться, когда мы ворвались.

Бёджес достал из кармана сигареты и на одной из них сделал отметку по длине окурка. Потом, раскурив, положил сигарету на край пепельницы и посмотрел на часы.

- Что вы делаете? - без интереса спросил Ломбард.

- Хочу приблизительно выяснить, когда это случилось. Наверное, это будет неточно. Не знаю, с одинаковой ли скоростью они горят. Надо будет спросить в лаборатории.

Когда сигарета сгорела, он загасил ее и посмотрел на часы. Он узнал то, что ему было нужно.

- Она упала за три минуты до нашего прихода. Нужно вычесть еще минуту, пока я смотрел в окно. Значит, она сделала только одну затяжку, как и я.

- Может быть, она курила длинные сигареты?

- Нет, у этого сорта обычная длина.

Ломбард ничего не сказал, он выглядел очень подавленным.

- Видимо, толчком был наш звонок снизу, - продолжал Бёджес. - Она испугалась и сделала неверный шаг к окну. Я это могу себе представить. Стоя у окна, она вдыхала ночной воздух, строила, возможно, планы на будущее, и здесь раздался звонок. Она или слишком резко повернулась, или потеряла равновесие. Может быть, все произошло из-за туфель - каблуки стоптаны. Дорожка, наверное, сбилась на натертом полу, и она поскользнулась. Одна туфля при этом слетела с ноги. Если бы она не стояла так близко, ничего бы не случилось, она бы просто приземлилась на пол. - Помолчав, он добавил: - Это ясно. Но как же с адресом? Она пошутила? Вы за ней наблюдали, как она выглядела?

- Мне не показалось, что она шутит, - ответил Ломбард. - У нее на лице было написано, что она хочет получить эти деньги.

- Это было бы понятно, если бы она дала адрес, который пришлось бы долго разыскивать, а она бы тем временем получила по чеку деньги. Но эта улица близко, она знала, что через десять минут вы можете вернуться.

- Может быть, она считала, что может вытянуть из своей приятельницы больше, чем предложил я, и хотела избавиться от меня на время, чтобы договориться с ней.

Бёджес покачал головой, такое объяснение его не удовлетворило, но вслух он сказал только:

- Мне это непонятно.

Ломбард его не слушал, он двигался по комнате, как пьяный. Казалось, он полностью потерял душевное равновесие и утратил всякий интерес к происходящему, как человек, признавший свое поражение. Он ударил кулаком по стене и в бессильном бешенстве проговорил:

- Они знают! Только они остались - и мне ничего из них не вытянуть!

20. За три дня до казни

Виски, которое он вылил в себя по пути к тюрьме, не помогло. И как оно могло помочь? Факты остаются фактами. Дурные вести не превратятся в добрые.

Поднимаясь к мрачному зданию на холме, он непрерывно спрашивал себя: как сообщить человеку, что ему придется умереть? Как сказать ему, что больше ничего нельзя сделать, последняя искра надежды угасла? Он не знал. Он даже подумал, не лучше ли вообще отказаться от последнего свидания, которое ничего не изменит.

Он не сомневался, что это будет ужасно. Но все равно он должен был прийти. Нельзя оставлять Хендерсона в неуверенности, чтобы еще в пятницу вечером, когда его выведут из камеры, он оглядывался, до последней минуты ожидая спасения.

Он уже поднимался на второй этаж вслед за охранником,
Я напысь сразу, как только выйду отсюда, говорил он себе.

Надзиратель отошел в сторону, и Ломбарду не оставалось ничего другого, как войти в камеру.

Его нынешнее посещение - это не что иное, как казнь - чистая и без крови. За три дня до настоящей. Казнь всех надежд.

Шаги надзирателя затихли вдали. Тишина была невыносимой.

- Итак, конец, - тихо проговорил Хендерсон. Он все понял.

Эти слова преодолели мертвое оцепенение. Ломбард отвернулся от окна, подошел к Хендерсону и похлопал его по плечу.

- Послушай... - Он не знал, как начать.

- Не ломай себе голову, - перебил его Хендерсон. - Я все понял. У тебя это на лице написано. Не будем об этом.

- Она ускользнула, теперь окончательно.

- Не будем об этом, - терпеливо убеждал его Хендерсон. - Я вижу, как ты переживаешь. Выбрось это из головы, пожалуйста.

Казалось, не Ломбард утешает осужденного, а осужденный Ломбарда.

Ломбард тяжело опустился на нары. Хендерсон, который был здесь «дома», уступил ему место и стоял, опершись о стену.

Было тихо. Единственным звуком в камере было шуршание целлофана - Хендерсон непрестанно крутил в руках обертку от сигарет, делая из нее тонкую трубочку.

Ломбард вскочил:

- Прекрати, пожалуйста, или я с ума сойду!

Хендерсон с удивлением посмотрел на собственные руки, как будто не осознавал, что делает.

- Прости, это дурная привычка. Мне так и не удалось от нее избавиться. В поезде я скручивал расписание, в приемной у врача свертывал в трубочку журналы, а в театре - программки... - Он задумался. - Кажется, когда я был с той женщиной на ревью, я делал то же самое... А она погибала уголки на своей. Удивительно, что это вспомнилось только теперь. Что с тобой, что ты так смотришь? Я не буду шуршать. - Он отбросил обертку.

- Ты выбросил программки? Оставил на своем кресле, когда уходил?

- Нет, она взяла обе программы, я хорошо помню. Она сказала, что любит оставлять такие вещи на память. Не помню точно, как она выразилась, но обе программы она положила к себе в сумочку.

Ломбард вскочил:

- Это могло бы помочь, но как к ним подобраться!

- Я тебя не понял.

- Эти программки - единственный реальный след, раз она их взяла.

- Но это не означает, что они до сих пор у нее, - сказал Хендерсон.

- Раз она их взяла, есть шанс, что и до сих пор хранит. Театральные программки или выбрасывают сразу, или хранят. Эти программы нужно использовать как крючок. Это единственная деталь, которая вас связывает. Что придумать, чтобы она принесла нам эти программы и при этом не узнала, зачем они нужны? Тогда она была бы у нас в руках.

- Может, объявление в газете?

- Да, что-то в этом роде. Люди коллекционируют все, что только можно: марки, ракушки, старую мебель; часто платят большие деньги за то, что для остальных не имеет никакой ценности.

- Что ты предлагаешь?

- Предположим, я коллекционирую театральные программы. Я ненормальный миллионер, выбрасывающий деньги на ветер. Это не просто хобби, а мания. Мне нужны все программки за все сезоны. Я открою лавку и дам объявление в газете.

- Но почему ты думаешь, что она придет? Мне показалось, что для нее не так уж важны деньги.

- А если ситуация изменилась? Для нас эти программы имеют большую ценность, для нее - никакой. Она, может быть, не обратила внимания на загнутые углы. Ведь и ты вспомнил об этом только сейчас. Как она догадается, что это ловушка?

- Мне кажется, это безумный план.

- Конечно, безумный, - согласился Ломбард. - Один шанс из тысячи, но нужно рискнуть. У нищих нет выбора. У меня такое чувство, что на этот раз нас ждет удача.

Он подошел к двери и постучал, чтобы надзиратель его выпустил.

- На всякий случай попросимся, - сказал Хендерсон.

- Я еще приду, не бойся! - крикнул, уходя, Ломбард.

Прислушиваясь к удаляющимся шагам, Хендерсон подумал:

«Он в это не верит. Да и я тоже...»

Во всех утренних и вечерних газетах появилось объявление:

Старые театральные программы на вес золота!

Состоятельный коллекционер, на время приехавший в наш город, хорошо заплатит за программки, которых не хватает в его коллекции, независимо от их состояния. Особенно интересуют программы ревью последних сезонов: «Альгамбра», «Казино», «Бельведер», «Колизей». Дж. Л. Площадь Франклина, 15. Открыто до пятницы включительно.

21. День казни

В 21.30 наконец-то ушли последние посетители, толпившиеся здесь с самого утра. Ломбард с помощником могли теперь свободно вздохнуть.

Ломбард устало опустился на стул. Он был без пиджака, в одной жилетке, ворот рубашки расстегнут. Вынув из кармана платок, он вытер лоб. Платок стал серым. Никому не пришло в голову стряхнуть пыль со старых бумаг, горой возвышавшихся перед ним. Вероятно, многие считали, что чем больше пыли, тем дороже заплатит этот сумасшедший. Он вытер руки платком и выбросил его.

Повернувшись к человеку, почти полностью скрытому за горой программ, он сказал:

- Можешь идти, Джерри. Я скоро закрываю, самое большое через полчаса.

Худой молодой человек лет девятнадцати вышел на свободное пространство и надел пальто.

Ломбард протянул ему деньги:

- Вот тебе плата за три дня, Джерри.

- Завтра уже не приходится, шеф? - с несчастным видом спросил тот.

- Нет, завтра меня уже здесь не будет. Но еще одно дело для тебя у меня есть. Можешь продать все это в макулатуру. Получишь еще пару долларов.

Молодой человек вытаращил глаза:

- Вы хотите сказать, что покупали все это, чтобы выбросить?

- Да, у меня есть кое-какие странности, - согласился Ломбард. - Но пока никому об этом не говори.

Молодой человек, удивленно оглядываясь, вышел. Ломбард видел, что он считает его сумасшедшим, но не удивлялся. Он уже и сам начинал так думать. Как он мог подумать, что незнакомка попадет на эту удочку?

Когда помощник выходил, мимо лавки проходила девушка. Только поэтому Ломбард обратил на нее внимание. Он смотрел вслед уходящему помощнику, и она попала в поле его зрения. Самая обыкновенная, заурядная девушка, случайно проходившая мимо. Она заглянула внутрь и пошла дальше, но ему показалось, что она хотела зайти.

Но тут в лавке появилось допотопное пальто с бобровым воротником. Человек в старомодной рубашке со стоячим воротничком опирался на трость. Ломбард пришел в отчаяние, увидев, как

таксист внес за ним огромный чемодан. Пришелец остановился перед столом, за которым сидел Ломбард.

Подобные типы толпились здесь в течение всех трех дней. Но ни один не приносил такого огромного чемодана.

- Итак, сэр, - начал декламировать ровесник газового освещения хорошо поставленным голосом, - вам действительно повезло, что я увидел ваше объявление. Я могу значительно обогатить вашу коллекцию. Как никто другой в этом городе. Я принес несколько таких редких вещей, что ваше сердце определенно порадует. Еще из старого Театра Джефферсона...

Ломбард остановил его взмахом руки:

- Меня не интересует Театр Джефферсона. У меня все есть.

- Тогда «Олимпия». Там...

- Не требуется. Меня интересует только одна-единственная программа: программа «Казино» за прошлый сезон.

- Фу, «Казино»! - презрительно фыркнул старик. - Вы мне говорите о каком-то «Казино»! С такой безвкусицей, как современное ревью, я не имею ничего общего! Нога моя туда не ступит! Я был самым славным трагиком американской сцены!

- Это сразу видно, - заметил Ломбард. - Боюсь, нам с вами не о чем говорить.

Таксист с чемоданом направился к выходу. Владелец чемодана, обернувшись в дверях, выразил свое презрение к «Казино».

- Вот вам на ваше «Казино»! - Он плюнул на пол. Через несколько минут прибежала пожилая женщина, по ее виду можно было предположить, что она уборщица. Для этого выхода в свет она надела помятую шляпу, украшенную розой, по форме напоминающей кочан капусты. Казалось, что шляпу вытащили из кладовки, где она пролежала лет двадцать. Морщинистые щеки женщины были нарумянены неопытной рукой.

Когда Ломбард сочувственно посмотрел на нее утомленными глазами, за ее спиной сквозь стеклянную дверь он опять увидел девушку - она проходила теперь в обратном направлении.

Но теперь она остановилась на несколько секунд и заглянула, что делается в лавке. Ломбард вспомнил, какую рекламу сделал своему предприятию: в первый день здесь были даже репортеры. Но, возможно, девушка просто случайно проходила мимо и теперь возвращалась тем же путем.

Уборщица заикалась от волнения:

- Это правда? Вы платите за старые программы? Он посмотрел на нее.

- Да, за некоторые.

Она начала рыться в сумке.

- У меня их всего несколько, еще с тех времен, когда я пела в хоре. Я их все сохранила, они мне очень дороги. «Суматоха в полночь» и «Шуточки» тысяча девятьсот одиннадцатого года... - выкладывая на стол программы, она дрожала от страха, что он ее выгонит. - Посмотрите, сэр. Это я, Долли Гольден, это было мое сценическое имя. Я играла духа молодости в последнем акте.

Он подумал, что время убивает не хуже любого убийцы. Время - убийца, который не подлежит наказанию. Он смотрел не на программы, а на ее потрескавшиеся от работы руки.

- Я дам вам по доллару за штуку, - сказал он хриплым голосом и достал из кармана бумажник.

Она чуть не подпрыгнула от радости:

- Господь вас храни, сэр! Вы мне так поможете! - Из глаз у нее закапали слезы. - В жизни не думала, что они столько стоят!

Они не стоили ничего. Гроша ломаного не стоили.

- Вот ваши деньги, матушка, - сочувственно сказал он.

- Пойду куплю что-нибудь на ужин! - От неожиданного счастья ее слегка качало.

Его уже ждала молодая женщина. Он не заметил, как она вошла. Вероятно, сразу же за старухой. Это была та самая женщина, которая дважды прошла мимо. Он был в этом уверен, хотя тогда она показалась ему гораздо младше, чем вблизи. Фигура была стройная, а в остальном вид у нее был очень потрепанный, почти как у уборщицы, но несколько в другом роде.

Он старался не рассматривать ее слишком пристально, взглянул и отвел глаза.

Было видно, что она была красива, но сейчас ее красота быстро увядала. Под грубой, дешевой косметикой сохранялась еще некоторая утонченность, но было ясно, что и последние ее следы

скоро исчезнут. Ей уже ничто не могло помочь. Казалось, что падение вызвано или постоянным злоупотреблением алкоголем, или развратным образом жизни, к которому она раньше не имела привычки. Были заметны следы и третьего фактора, который, вероятно, предшествовал ее падению, но не играл решающей роли: душевные страдания, какой-то страх, смешанный с чувством вины. Душевная болезнь оставила на ней свои следы, но сейчас заметнее были следы физического характера. Кожа у нее огрубела, приобрела желтоватый оттенок, как у завсегдатаев баров, которые знают, что уже не могут пасть ниже и что им не выбраться из ямы.

Она казалась очень худой, над провалившимися щеками выступали скулы. Она была во всем черном, но это был не траур, а типичная одежда человека, который перестал заботиться о своей внешности, - цвет, на котором не так заметны следы времени и грязи. Чулки тоже были черные, и на пятках выглядывали полумесяцы дыр.

Она заговорила. Голос был хриплый, как у пьяниц, с утра до вечера льющих в себя виски. Но произношение еще сохраняло следы образованности. Видно было, что она могла говорить другим языком, если бы захотела.

- Остались у вас еще деньжата, или я уже все проворонила? - Она открыла большую потрепанную сумку и выложила на стол две программы. Одинаковые, мюзикл в «Регине», предпоследний сезон.

С кем она тогда могла быть? Тогда она еще не опустилась, была хороша собой и ей в голову не приходило... Он сделал вид, что проверяет по своему списку, нужны ли они ему.

- Как раз этого не хватает. Семь пятьдесят, - сказал он.

Он видел, что у нее загорелись глаза.

- Может быть, у вас есть еще? Это последний шанс. Я сегодня закрываю.

Она колебалась. Он заметил, что ее взгляд скользнул к сумке.

- А по одной тоже можно?

- Количество не имеет значения.

- Ну раз уж я пришла... - Она снова открыла сумку, так, чтобы он не мог заглянуть внутрь, вытаскивала еще одну программу и закрыла сумку.

Он обратил внимание на ее осторожность. Она протянула ему программу вверх ногами. Он перевернул ее и прочитал: «Казино».

Это была первая программа из «Казино», которая появилась за эти три дня. Он стал ее рассматривать. Как обычно, она была действительна в течение недели. Начиная с семнадцатого мая. У него перехватило дыхание. Это именно та неделя, которая нужна. Преступление было совершено двадцатого. Но уголки не были загнуты. Не то чтобы они были разглажены, следы сгиба остались бы; эту программу не перегибали.

Он постарался, чтобы его голос звучал естественно:

- А у вас нет к ней парочки? Обычно приносят по две штуки, и это стоит дороже.

Она испытующе посмотрела на него, ее рука потянулась к сумке, но в последнюю минуту остановилась.

- Вы думаете, я их сама печатаю?

- Я предпочитаю парные программы, если возможно. Может быть, вы были на этом ревю не одна? Где вторая программа?

Что-то в нем не понравилось ей. Она подозрительно осмотрела лавку и, отойдя от стола, сказала:

- У меня только одна. Берете или нет?

- Но вы не получите столько, сколько получили бы за две.

Видно было, что она хочет как можно быстрее уйти.

- Хорошо, давайте, сколько хотите...

Она уже подошла к двери, когда он позвал ее:

- Минутку, вы не могли бы вернуться? Я кое-что забыл.

Она остановилась и недоверчиво смерила его взглядом. Что-то ее испугало. Он встал и хотел шагнуть к ней. Она приглушенно вскрикнула и побежала.

Сметая все на своем пути, он бросился за ней.

Кипы бумаг, собранные за три дня, рассыпались и покрыли весь пол, как снег.

Когда он выбежал на улицу, она была уже на перекрестке, но ее подвели высокие каблуки. Оглянувшись и увидев, что он бежит за ней, она, вскрикнув, завернула за угол. Ломбард догнал ее в нескольких метрах от того места, где стояла его машина. Он преградил ей путь, схватил ее за плечо и прижал к стене.

- Стойте спокойно, все равно вам не убежать, - сказал он, с трудом переводя дыхание.

Она запыхалась еще больше.

- Оставьте... меня. Что я... сделала?

- Почему вы убегаете?

- Мне не нравится, как вы на меня смотрите, - ответила она.

- Покажите вашу сумку. Откройте, или я сам открою!

- Не троньте меня! Оставьте меня в покое!

Не теряя времени на разговоры, Ломбард вырвал у нее из рук сумку, оторвав ручку, и открыл ее. Он вынул из сумки вторую программку и, бросив сумку на землю, пытался открыть ее. Это не получилось, потому что страницы были загнуты. При слабом освещении он увидел, что на программке стоит та же дата, что и на первой.

Он держал в руках программу Хендерсона, бедняги Хендерсона, которая вернулась к нему, как хлеб, пушенный по воде, - в последний час...

22. Час казни

22.55. Конец. Господи, конец - это всегда страшно. Он дрожал, хотя не было холодно, и все время повторял; «Я не боюсь». Он сосредоточился на этой мысли, а не на том, что ему говорил священник. Но он боялся и знал это, но кто мог его упрекнуть? И в его сердце природа вложила инстинктивное стремление жить.

Он лежал лицом вниз, свесив голову с выстриженным на темени квадратиком. Священник сочувственно положил руку ему на плечо, словно хотел не дать страху пробиться наружу.

Плечо вздрагивало у него под рукой. Знать час своей смерти нелегко.

Священник глубоким голосом прочитал двадцать третий псалом: «На зеленых пастбищах... освежит мою душу...» Но псалом не утешил Хендерсона, стало еще хуже. Он не хотел на тот свет, он хотел остаться на этом.

Жареный цыпленок и абрикосовый пирог, которые он получил недавно на ужин, застряли у него в горле. Но это было неважно, проблем с желудком у него уже не будет.

Он прикинул, успеет ли выкурить еще одну сигарету. Вместе с ужином ему принесли две пачки. Одна, пустая, уже валялась на полу. Он подумал, насколько бессмысленно беспокоиться об этом - какое это имеет значение?

Он задал этот вопрос священнику, прервав чтение псалма. Священник вместо прямого ответа сказал:

- Курите, раз хочется, - чиркнул спичкой. Это значило, что времени осталось немного.

Голова его снова опустилась, и он побелевшими губами выдохнул дым. Священник снова опустил руку на его плечо, утешая и умеряя страх. Послышались тихие шаги, приближающиеся по каменному полу коридора. В камере воцарилась тишина. Хендерсон не поднял головы, но сигарета выпала у него из рук. Священник сильнее прижал руку к его плечу, как будто вдавливая его в нары.

Шаги затихли. Он почувствовал, что из-за двери за ним наблюдают, поднял голову и спросил:

- Уже пора?

Дверь камеры медленно открылась, и надзиратель сказал:

- Да, надо идти.

Программа Скотта Хендерсона, бедняги Скотта Хендерсона, которая вернулась, как хлеб, пущенный по воде. Он смотрел на нее. Сумка, которую он вырвал из рук женщины, лежала у его ног.

Женщина все пыталась вырваться, но он мертвой хваткой держал ее за плечо.

Сначала он свернул программу и положил в карман. Потом, схватив ее за плечи обеими руками, оттащил к своей машине.

- Садитесь, поедете со мной! Вы понимаете, что вы могли натворить?

Она вырывалась, но ему удалось втолкнуть ее в машину.

- Оставьте меня! - Ее крик был слышен по всей улице. - Как вы смеете так со мной обращаться? Где полиция? Неужели в этом городе некому за меня заступиться?

- Ах, вам нужна полиция? Вы ее получите. Они вам покажут!

Он сел в машину и захлопнул дверцу.

Сначала он замахнулся на нее, чтобы она прекратила кричать, потом ударил. Наклонившись над щитком управления, он проговорил сквозь зубы:

- Я в жизни еще не бил женщину. Но вы не женщина, а дрянь в юбке. Поедете со мной, нравится вам это или нет. И для вас же будет лучше, если вы помолчите. Если будете кричать или попытаетесь выскочить на перекрестке, я вас ударю.

Он обгонял машины одну за другой. Она обессиленно спросила:

- Куда вы меня везете?

- Как будто вы не знаете? - язвительно спросил он. - Вы что, с луны свалились?

- К нему? - с отчаянием в голосе спросила она.

- Да, к нему! Значит, в вас еще осталось что-то человеческое? - Он поддал газу. - Вы позволили осудить на смерть невинного человека, хотя достаточно было прийти и рассказать то, что вам известно.

- Откуда я знала, что это важно? - тупо проговорила она, потом спросила: - Когда это должно произойти? Сегодня ночью?

- Да, сегодня ночью!

В слабом свете он увидел, как ее глаза расширились, будто она только сейчас осознала, что опасность так близка.

- Я не знала, что так скоро, - всхлипывала она.

- Ну, теперь уже ничего не случится, - успокоил ее он. - Раз я вас поймал, мы этого не допустим.

Зажегся красный свет. Он чертыхнулся и вытер лицо.

Она сидела, глядя прямо перед собой. В зеркало он видел, что она полностью погружена в себя.

- Вы бесчувственная. Наверное, у вас внутри опилки, - неожиданно сказал он.

Он не ожидал ответа, тем более такого длинного.

- Думаете, я мало пережила? Что мне до того, что будет с ним или с кем-то другим? Между нами нет ничего общего. Сегодня вечером казнят его, а не меня. Я уже давно как мертвая! - Ее голос звучал трагически. Это были не просто женские слезы, а настоящая человеческая боль. - Иногда мне снится женщина, у которой были дом, любящий муж, деньги, красивые вещи, уважение друзей, положение в обществе и уверенность, что так будет всегда. Я не верю, что это было со мной. Это, наверное, был кто-то другой.

Он смотрел в темноту, расступавшуюся в свете фар. Ее глаза были неподвижны, как камешки - серые, ничего не говорящие.

- Меня выбросили на улицу, в полном смысле слова выбросили - в два часа ночи. Слуги получили приказ не впускать меня под страхом увольнения. Первую ночь я провела на скамейке в парке. На следующую взяла в долг у бывшей горничной пять долларов, чтобы снять комнату на ночь.

- Почему же вы не обратились в полицию? Вам нечего было терять.

- Он предупредил, что упрячет меня в лечебницу для алкоголиков, если я сделаю что-нибудь, что повредит ему в глазах общества. Он мог это сделать, у него достаточно денег и связей. Меня ждали смиренная рубашка и ледяной душ.

- Это не оправдание. Вы должны были знать, что вас ищут. Но вы трусили. Вам придется признаться и спасти Скотта Хендерсона!

Она долго молчала. Потом повернула к нему голову:

- Я это сделаю. Просто я до сих пор не думала о нем, я думала только о том, что будет со мной.

- Она подняла глаза: - Я хотела бы сделать что-то доброе, по крайней мере попытаться.

- И вы это сделаете, я уж позабочусь, - мрачно заверил он. - Во сколько вы встретились тогда в баре?

- Часы над нами показывали шесть десять.

- Вы это скажете? Вы сможете поклясться?

- Конечно, - устало заверила его она. - Я могу это подтвердить под присягой.

- Прости вас, Боже, за все, что вы сделали! - воскликнул он.

Они молча неслись в окружающей темноте. Встречные машины попадались все реже. Они выехали из города и неслись по шоссе.

- Почему мы едем так далеко? - спросила она. - Разве нам нужно не в здание суда?

- Я везу вас прямо в тюрьму, - ответил он, сдерживая напряжение. - Так будет быстрее. Без всякой бюрократии...

- Это действительно должно случиться сегодня?

- В течение ближайших полутора часов. Мы успеем.

Дорогу обступил лес.

- А если мы опоздаем? Например, лопнет колесо? Не лучше ли позвонить туда?

- Я знаю, что делаю. Что-то вы вдруг стали очень беспокоиться об этом.

- Я многое поняла. Тогда я была как слепая. А теперь я понимаю, что действительно важно, а что - только сон.

Он процедил сквозь зубы:

- Вот что значит исправившаяся грешница. Пять месяцев не хотела пальцем пошевелить, и вдруг такая забота!

- Да, вы правы. Благодаря вам, я все вижу в новом свете. - Проведя ладонью по лицу, она устало сказала: - Мне теперь стыдно за собственную трусость.

Он не ответил, сосредоточившись на управлении машиной. Она с тревогой спросила:

- Вы думаете, моего заявления под присягой будет достаточно? Думаете, это его спасет?

- Этого будет достаточно, чтобы отсрочить казнь. Как только казнь будет отложена, мы поручим дело адвокатам, они устроят все остальное.

Она увидела, что машина сворачивает на боковую дорогу, всю покрытую выбоинами. Вокруг не было никаких признаков жизни.

- Почему мы здесь едем? К тюрьме ведет шоссе...

- Мы сократим дорогу, - коротко ответил он.

Гул ветра среди деревьев стал тоном выше и напоминал стенания.

Неподвижно глядя прямо перед собой, он сказал:

- Я привезу вас туда, где не нужно будет спешить.

Казалось, что они уже не одни в машине. словно некое третье существо расположилось между ними. Холодный призрак страха невидимыми руками охватил женщину, ледяными пальцами подобрался к ее горлу.

Они молчали. Деревья все ближе подступали к дороге. Порывы ветра напоминали тревожные крики, предупреждающие об опасности.

Он снизил скорость и свернул на какую-то дорогу, напоминавшую скорее просеку. Машину бросало на неровной поверхности, колеса с трудом преодолевали выступающие корни и выбоины. Фары освещали лишь ближайшие кусты, дальние деревья поглощала темнота. Это напоминало детскую сказку о зачарованном лесе - сказочном, зачарованном лесе, в котором вершится злое колдовство.

- Что вы делаете? - ее охватил страх, она чувствовала рядом с собой его ледяное дыхание. - Зачем мы сюда приехали?

Он остановился, и все кончилось: скрип тормозов, шум мотора. Наступила полная тишина. Только его пальцы, лежащие на руле, нервно дергались, подобно пальцам пианиста, повторяющего один и тот же пассаж.

Она в бессильном ужасе начала колотить кулаком по его плечу:

- Что происходит? Говорите! Зачем мы остановились? Что вы собираетесь делать?

- Выходите! - приказал он.

- Нет! Я не выйду! - Ее глаза расширились от страха.

Перегнувшись через нее, он открыл дверцу с ее стороны.

- Я сказал - выходите!

- Ни за что! Вы хотите что-то со мной сделать. Я вижу по глазам.

Он вытолкнул ее из машины. Они стояли рядом возле машины, их ноги глубоко погрузились в опавшие листья. Он захлопнул дверцу. Воздух под деревьями был сырой, вокруг было темно, как в мешке.

Освещен был только страшный тоннель, образованный светом фар.

- Сюда, - приказал он, ведя ее за локоть, чтобы она не вырвалась.

В тишине было слышно, как у них под ногами шелестят листья и трещат ветки. Она пыталась заглянуть в его непроницаемое лицо.

Они подошли к границе между светом и тенью. Он остановился и отпустил ее руку. Потеряв опору, она чуть не упала, но он подхватил ее и поставил на ноги.

Он достал сигареты и предложил ей закурить. Она пыталась отказать.

- Лучше закурите, - настаивал он.

Все это напоминало какой-то загадочный ритуал и только усилило ее страх. Сигарета выпала из ее онемевших губ. Он раздавил упавшую сигарету каблуком.

- Неважно, - сказал он. - А теперь возвращайтесь в машину, сядьте и подождите меня. Идите прямо по свету и не оглядывайтесь!

Она не поняла, что от нее требуется, или была настолько обесилена ужасом, что не могла сдвинуться с места. Ему пришлось подтолкнуть ее. Она сделала несколько неуверенных шагов.

- Идите прямо против света! И не оглядывайтесь!

Предупреждение вызвало обратное действие: она не выдержала и оглянулась.

У него в руке был пистолет.

Ее крик напоминал крик птицы, погибающей в когтях хищника. Она сделала движение ему навстречу, как будто близость гарантировала безопасность.

- Стойте! - сказал он. - Я хотел облегчить вам конец, я предупредил, чтобы вы не оглядывались.

- Не делайте этого! Почему вы хотите это сделать? - кричала она. - Я ведь обещала сказать все, что вы хотите! Я скажу, как обещала! Все...

- Нет, - сказал он так спокойно, что у нее мороз пробежал по спине, - не скажете, я об этом позабочусь. Лучше расскажите все прямо ему, сейчас вы встретитесь на том свете. - Он поднял руку и начал целиться.

В свете фар она была хорошей мишенью.

Под кронами деревьев раздался выстрел. Она вскрикнула.

Вероятно, он в нее не попал, хотя стоял очень близко, - она ничего не чувствовала. Он же, напротив, закачался и прислонился к ближайшему дереву. Прижавшись лицом к коре ствола, он словно раскаивался в том, что намеревался сделать. Она заметила, что одной рукой он держится за плечо. Пистолет поблескивал в листьях у его ног, как кусок антрацита.

Из-за деревьев выскочил мужчина и бросился к нему. Этот человек тоже держал в руке пистолет, направленный на прислонившуюся к дереву фигуру. Мужчина подбежал к Ломбарду, что-то блеснуло, и раздался металлический звук, напоминающий щелчок. Ломбард оторвался от дерева, всей своей тяжестью оперся на мужчину и наконец выпрямился.

В тишине она явно услышала:

- Именем закона вы арестованы за убийство Марселлы Хендерсон.

Беджес озабоченно наклонился и помог ей подняться с покрытой листьями земли. Она судорожно рыдала.

- Знаю, знаю, - успокаивал ее он. - Вам было очень трудно, но теперь все позади. Конец. Вы все сделали. Вы его спасли. Обопритесь на меня. Вам нужно выплакаться, не стесняйтесь слез.

Как истинная женщина, она тут же перестала плакать.

- Уже все прошло. Просто я боялась, что вы не успеете.

- Это могло случиться. По крайней мере ребята, которые ехали за вами, могли не успеть. Я не мог рисковать. Вы не знали, что всю дорогу я ехал с вами? Я спрятался под вторым сиденьем, когда вы вошли в лавку. Мне было слышно каждое слово. - Он прокричал в сторону приближавшихся фонарей: - Это группа Грегори? Возвращайтесь к шоссе, найдите ближайший телефон и позвоните прокурору. Побыстрее, времени остается мало! Я еду за вами. Скажите, что я арестовал Джона Ломбарда. Он признался, что убил миссис Хендерсон...

- У вас нет никаких улик против меня, - сказал Ломбард с перекошенным от боли лицом.

- Как же нет? Того, что вы сейчас пытались сделать, вполне достаточно. Вы пойманы на месте преступления, когда пытались хладнокровно убить девушку, которую впервые встретили час назад. Что вы можете против нее иметь? Вы боитесь ее свидетельства, которое может спасти Хендерсона. Почему вы решили не допустить этого? Потому что это привело бы к новому расследованию. И именно это доказывает вашу вину.

К ним подошел полицейский и спросил:

- Чем я могу вам помочь?

- Помогите девушке дойти до машины. Она многое пережила, и ей необходима помощь. А я займусь этим человеком.

Полицейский поднял ее на руки и понес к машине.

- Кто она такая? - спросил он, когда они вышли на освещенное фарами место.

- Очень важное лицо, - ответил Бёджес, ведущий впереди себя арестованного. - Обращайтесь с ней осторожно. Это Кэрл Ричман, девушка Хендерсона. Она в этом деле проявила больше смелости, чем все мы, вместе взятые.

23. На следующий день

Они собрались в гостиной маленькой квартиры Бёджеса. Там произошла их первая встреча после того, как осужденный был выпущен на свободу. Все организовал Бёджес. Он привел ей следующий довод:

- Кому приятна встреча у ворот тюрьмы? Подождите его в моей квартире. Правда, мебель у меня куплена в кредит, но все равно это не будет напоминать тюрьму.

Сидя рядом на диване, они наслаждались чувством глубокого покоя и мира, которое еще казалось нереальным. Хендерсон обнял ее за плечи, она положила голову ему на плечо.

Когда Бёджес вошел и увидел их сидящими рядом, у него сжалось горло. Чтобы не выдать своих чувств, он грубовато спросил:

- Ну, как вы себя чувствуете?

- Господи, все кажется таким прекрасным, - ответил Хендерсон. - Я уже почти забыл, как все может быть прекрасно. Ковер на полу. Полуприглушенный свет. Мягкий диван с подушками. И посмотрите, самое прекрасное на свете... - Он коснулся подбородком ее головы. - Все это мое. Все мне возвращено, и я могу пользоваться всем этим еще лет сорок.

- Я как раз от прокурора, - сообщил Бёджес. - Наконец получили полное признание. Подписанное и заверенное.

- Я до сих пор не могу этого понять, - покачал головой Хендерсон. - Не могу этому поверить. Он влюбился в Марселлу? Они виделись не больше двух раз, насколько я знаю.

- Вот именно - насколько вы знаете, - возразил Бёджес.

- Вы думаете, что она мне изменяла?

- А вы не обратили внимания, что она почти все время проводит без вас в городе?

- Конечно, но я не думал ничего плохого. Нам нечем было заняться вместе.

- Именно в этом все дело. Одно вам, Хендерсон, следует уяснить, хотя теперь уже поздно: здесь чувство было только с одной стороны. Ваша жена не любила Ломбарда. Если бы любила, то жила бы до сих пор. Она никого не любила, кроме себя. Любила, когда ею восхищаются и поклоняются ей, любила флиртовать, водить поклонников за нос, но ничего не принимала

всерьез. Девять мужчин из десяти это спокойно переживет, но в десятом случае может произойти трагедия. Для нее Ломбард был человеком, с которым она могла развлечься. С ним она легко могла отомстить вам, доказать, что не нуждается в вас. Но, к сожалению, Ломбард был исключением, единственным из десяти. Он не годился на эту роль. Он плохо разбирался в женщинах и к этим делам относился очень серьезно. Ей это даже нравилось, поскольку игра становилась похожей на правду.

Не нужно говорить, что она заставила его страдать, привела на край пропасти. Она позволила ему строить планы на будущее, зная, что никуда с ним не убежит. Позволила ему подписать контракт на пять лет. Он уже нанял и оборудовал дом, где они должны были жить.

Они договорились, что она разведется с вами и выйдет замуж за него. Конечно, когда после всего этого она отказалась от него, он не мог воспринять это спокойно.

Вместо того чтобы действовать дипломатично и постепенно подготовить его, она избрала самый худший путь. Ей не хотелось до самого последнего момента отказываться от развлечений, свиданий, поцелуев в такси. Все усложнил ее эгоизм. Она привыкла к нему, ей не хватало бы его. Поэтому она все время откладывала решение. Ждала того вечера, когда он должен был отплыть в Южную Америку. Ждала, пока он не пришел за ней; они должны были вместе отправиться на пароход. Это было сразу после того, как вы ушли из дому.

Я не удивляюсь, что это стоило ей жизни. Как говорит Ломбард, он вошел в дом раньше, чем вы успели уйти. Он подождал на лестнице этажом выше и, увидев, как вы вылетели из квартиры, вошел. В этот день не явился на работу швейцар. Поэтому никто не видел Ломбарда.

Когда он пришел, она снова села к зеркалу. Когда он спросил, готова ли она к отъезду, она рассмеялась ему в лицо. В тот день она все время смеялась над мужчинами. Она спросила: неужели он в самом деле думает, что она поедет с ним в какую-то дыру? А главное, разве она может предоставить свободу вам, чтобы вы женились на той, которую любите? Ее устраивало сложившееся положение. Она не собиралась ничего менять.

На него больше всего подействовал ее смех. Если бы она плакала или по крайней мере была серьезна, он бы овладел собой и оставил все, как есть, по его утверждению. Я в этом тоже убежден.

- Значит, он ее убил? - вздохнул Хендерсон.

- Да. Оброненный вами галстук лежал на полу за ее спиной. Во время разговора он бессознательно поднял его и держал в руках, а потом это случилось.

- Я его понимаю и не виню, - сказала Кэрл, не поднимая глаз.

- Я тоже, - признался Бёджес - Но не могу ему простить того, что он предал друга и сделал все, чтобы свалить на него вину.

- Почему он так поступил? - спросил Хендерсон без тени ненависти в голосе.

- Он не понимал тогда и не понимает до сих пор, почему она себя так вела, почему она от него отказалась. Он не понял, что просто такая уж у нее натура. Он подумал, что в ней снова проснулась любовь к вам, и поэтому в душе обвинял вас. Из-за вас она его бросила. Поэтому он хотел вам отомстить. Это была уродливая форма ревности, усиленная смертью любимой женщины.

Он вышел из дома, никто его не заметил. Он попытался догнать вас. Ссора, которую он слышал на лестнице, предоставила ему возможность свалить преступление на вас. Он собирался присоединиться к вам, как будто случайно встретив, и навести вас на разговор, который бы вас скомпрометировал. Например, сказать: «Привет, я думал, что ты будешь с женой». Вы бы ему ответили, что поссорились с ней. О ссоре вы должны были заговорить первым, чтобы ему не пришлось признаться, что он прятался на лестнице и все слышал. Вы сами должны были ему об этом рассказать. Как следует напоив, он довел бы вас до дома и присутствовал бы при вашем страшном открытии. Полиции он - конечно, неохотно, против своего желания - рассказал бы с ваших слов о ссоре. Это была неплохая идея - проводить мужа в квартиру, где была убита жена. Сам он становился таким образом случайным свидетелем преступления, которое совершил другой. Это сняло бы с него всякие подозрения. Он написал об этом плане в своем признании.

Он рассчитывал, что вы будете один. Он знал два места, где вас можно найти. Днем вы сказали ему, что будете ужинать в «Мейсон Бланш», а потом пойдете в «Казино». О баре он ничего не знал, как и вы, пока случайно не остановились там.

Он направился прямо в «Мейсон Бланш» и осмотрел зал от входа, так, чтобы вы его не видели. Он увидел, что вы не один. Это разрушило все его планы. Теперь он уже не мог подойти к вам и завести разговор. К тому же третье лицо могло предоставить вам алиби, все зависело от того, когда вы встретились. Другими словами, он сразу понял, какую роль может сыграть эта женщина, как для вас, так и для него. И все дальнейшие его действия были связаны с ней.

Он держался на таком расстоянии от вас, чтобы следить за вами, оставаясь незамеченным.

Он знал, что вы должны ехать в «Казино», но не был уверен на сто процентов. Когда вы вышли и сели в такси, он поехал за вами. К самому театру. Купил входной билет. Встал в партере за колонной и наблюдал, следил, как вы выходите из театра, чуть не потерял вас в толпе. Случая со слепым он не видел, потому что боялся подойти слишком близко. Потом вы привели его к бару «Ансельмо». Издали он видел, как вы прощаетесь, и догадался, что вы поступили так, как грозили во время ссоры: пошли в театр с первой встречной.

Ему надо было быстро решить - следить за вами или сосредоточить внимание на ней и выяснить, чем она может быть полезна или опасна для него.

Он недолго колебался. Было уже поздно пытаться присоединиться к вам. Так он скорее впутал бы себя, чем вас. В это время его пароход отплывал, и он уже давно должен был быть на палубе.

Он сосредоточил свое внимание на ней. Через какое-то время она вышла, и он отступил в сторону, чтобы пропустить ее. Сразу обратиться к ней он не мог. Этим он выдал бы себя. Если бы оказалось, что эта женщина не может подтвердить ваше алиби, он все равно скомпрометировал бы себя, начав расспрашивать ее. Поэтому он решил выяснить, кто она такая и где живет. Он собирался исследовать шаг за шагом все ваши передвижения в течение этого вечера и узнать, где вы встретились с ней. Если бы ее свидетельство имело вес, ему пришлось бы заставить ее молчать. Он хотел избежать наказания за одно преступление, совершив другое.

Он пошел следом за ней. Хотя было уже поздно, она по непонятным причинам шла пешком; но это было ему на руку - следить за ней было легче. Сначала он подумал, что она живет где-то поблизости, но она шла все дальше и дальше, и он понял, что это не так. Потом он подумал, что она заметила слежку и старается сбить его со следа. Но понял, что и это не так. Она не проявляла ни капли страха или интереса к окружающему, просто шла без цели, куда ноги несли, словно не знала, куда девать время; останавливалась и рассматривала витрины, гладила бродячих кошек, одним словом, в ее действиях не было никакой цели.

Если бы она хотела от него избавиться, не было ничего легче, чем сесть в такси или обратиться к полицейскому и попросить защиты. Несколько полицейских попало им навстречу, но она не обратила на них внимания. Наконец он понял, что она просто бесцельно бродит по городу. Но она была слишком элегантно одета и не походила на женщин, которым некуда идти. Он не знал, что думать.

Она присела на скамейку у памятника генералу Шерману, как будто было три часа дня. Но ее вынудили уйти без конца останавливавшиеся возле нее машины. Тормозила почти каждая машина. Потом она медленно пошла по Девяносто пятой улице, рассматривая витрины художественных салонов. Ломбард уже начинал сходить с ума.

И вдруг она зашла в какую-то дешевую гостиницу на Девяносто пятой улице; осторожно заглянув в холл, он увидел, что она расписывается в регистрационной книге. Он понял, что приход в гостиницу такая же импровизация, как и блуждание по городу. Как только она ушла в номер, он вошел в холл. Расписываясь в регистрационной книге, он прочитал предыдущую строчку: «Франческа Миллер, N2 214». Ему удалось получить соседний номер 216. Гостиница была очень старая и неухоженная.

Он поднялся в свой номер, прежде всего для того, чтобы убедиться, что она здесь остановилась до утра. В двери ее номера была вставка из матового стекла, и все звуки легко проникали в коридор. Он слышал каждый ее шаг и мог догадаться, что она делает. Послышался стук вешалки в шкафу. Она напевала какую-то мелодию, расхаживая по комнате. Это была «Чика-чика-бум» из ревю, на котором она была с вами. Потом он услышал, как течет вода в умывальнике. Наконец свет за матовым стеклом погас, и Ломбард услышал скрип пружин на постели. В своем признании он приводит массу подробностей.

Он прошел через свой номер к окну, не включая света, и попытался заглянуть в соседнюю комнату. Жалюзи в ее номере было опущено не полностью, и, наклонившись, он увидел огонек

сигареты в свешивающейся с постели руке. По стене между их номерами проходила водосточная труба, прикрепленная крюком, достаточно широким, чтобы на него можно было опереться ногой.

Он отметил, что этим путем можно в случае необходимости проникнуть в ее номер.

Выяснив все это, он ушел из гостиницы. Было около двух часов ночи.

Остановив такси, он поехал прямо к «Ансельмо». Там оставалось уже мало посетителей, и он мог поговорить с барменом, пытаясь выяснить, что тому известно. Он спросил, как бы между прочим, что за женщина сидела одна на этом месте. Так зашел разговор о ней. Все бармены болтливы, достаточно было намека, чтобы он разговорился и рассказал Ломбарду, что она здесь уже была около шести, а потом ушла с каким-то человеком, потом он привел ее обратно, а сам ушел.

При помощи ловких вопросов он выяснил все, что ему было нужно. Что вы обратились к ней сразу же, как пришли, и что это было шесть часов с минутами. Ломбард понял, что она может спасти вас. С этим надо было что-то делать, причем срочно. - Беджес прервал свой рассказ и спросил: - Ничего, что я так подробно об этом рассказываю?

- Конечно, ведь речь шла о моей жизни, - ответил Хендерсон.

- Он решил все уладить, не откладывая в долгий ящик. Первый шаг он сделал прямо в баре. Купить бармена оказалось легко, достаточно было нескольких намеков: «Сколько стоило бы, чтобы вы забыли, что эти двое встретились?» Бармен намекнул, что довольствовался бы незначительной суммой. «Даже если бы этим заинтересовалась полиция?» После этих слов бармен задумался, но дело решила сумма, в пятьдесят раз превышавшая ту, на которую он рассчитывал. Ломбард предложил ему тысячу долларов. К тому же Ломбард хорошенько припугнул его. Его угрозы всегда действовали, вероятно потому, что он был способен их выполнить и люди это чувствовали.

Бармен молчал и после того, как узнал все обстоятельства этого дела. Никто, даже полиция, не мог вытянуть из него ни слова. И дело было не только в тысяче долларов. Он был страшно напуган, как и все остальные. Вы видели, что случилось с Клайвом Мельбурном.

Ломбард вызывал страх. У него полностью отсутствовало чувство юмора. Он провел жизнь слишком далеко от цивилизации.

Решив проблему с барменом, он пошел дальше по вашему пути. Не имеет смысла утомлять вас всеми подробностями. Ресторан и театр были уже закрыты, но Ломбарду удалось выяснить имена и адреса нужных ему людей. До четырех часов утра он сделал все, что требовалось: встретился с тремя людьми и договорился с ними. С таксистом Альпом, метрдотелем из «Мейсон Бланш» и кассиром из «Казино». Заплатил каждому сумму, которую считал достаточной. Таксист просто должен был сказать, что не видел ее. Метрдотелю пришлось поделиться с официантом, но тот от него полностью зависел и выполнил все его инструкции. Кассиру он заплатил так щедро, что тот практически стал его сообщником. От него Ломбард узнал, что ударник везде болтает об этой женщине.

Ломбард попал к нему только на следующий день после убийства, но ему повезло, потому что полиция не обратила внимания на этого свидетеля. Промедление не принесло вреда Ломбарду.

Но вернемся назад. Остается час до рассвета. Все, что возможно, сделано. Свидетельства о существовании этой женщины устранены. Теперь нужно было устранить ее саму. Он вернулся туда, где оставил ее. Он признался, что уже принял решение. Он не хотел покупать ее молчание, а собирался обеспечить его более надежным способом. Если бы он ее убрал, была бы надежда, что построенная им конструкция выдержит. Даже если бы кто-то из свидетелей заговорил, доказательств не нашлось бы.

Он вернулся в свой номер и какое-то время сидел в темноте, обдумывая все. Полиция будет разыскивать человека, записавшегося под вымышленным именем, а не Джона Ломбарда. Он решил, что догонит свой пароход и никогда больше здесь не появится. Полиция никогда не найдет ее убийцу.

Он вышел в коридор и стал прислушиваться у дверей. В комнате было тихо, она, вероятно, уснула. Он осторожно попытался открыть дверь, но это не удалось. Оставался единственный путь - по трубе и через окно.

Жалюзи по-прежнему было опущено не полностью. Он ловко залез на подоконник, потом поставил ногу на крюк, которым крепилась труба; остальное было уже легко. Он перелез через

подоконник соседней комнаты. Оружия у него не было, он был намерен действовать голыми руками.

В темноте он осторожно подошел к постели и протянул руки. Там никого не было. Она исчезла. Ее уход был так же необъясним, как и приход. После нее остались два окурка, рассыпанная на туалетном столике пудра и смятая постель - больше ничего.

Опомнившись, он спустился вниз и спросил о ней. Ему сказали, что она ушла незадолго до его возвращения.

Это было как бумеранг. Все свалилось ему на голову. Женщина, из-за которой он бежал всю ночь и потратил сотни долларов, исчезла. Он хотел превратить ее в призрак, и она исчезла, как призрак. Это его не устраивало, все повисло в воздухе. Дело не было завершено, она в любой момент могла появиться снова.

Несколько часов до отлета самолета, на котором он мог догнать свой пароход, были для него настоящим мучением. Он понял, что попал в безвыходное положение. Быстро разыскать ее в Нью-Йорке было все равно, что пытаться найти иголку в стоге сена. Он искал ее с упорством маньяка, но напрасно. Прошел день, еще одна ночь, он уже не мог дольше оставаться. Ему пришлось бросить дело незавершенным. С тех пор он чувствовал, что над ним нависла угроза.

Через два дня после убийства он вылетел из Нью-Йорка, переправился в Гавану и там настиг свой пароход. На пароходе он сказал, что в день отплытия напился, и не выходил из каюты.

Вот почему он сразу откликнулся на телеграмму, которую я послал от вашего имени, бросил все дела и вернулся. Говорят, что убийцы возвращаются на место преступления. Его сюда тянуло, как магнитом. Ваша просьба была только предлогом, которого он ожидал. Он, не скрываясь, мог вернуться и закончить охоту, которую ему пришлось прервать.

- Значит, вы подозревали его уже тогда, когда пришли ко мне в тюрьму и предложили послать телеграмму от моего имени? Когда вы начали его подозревать?

- Не могу точно назвать день и час. Но с самого начала и до конца против него не было серьезных улик. В квартире не осталось ни одного отпечатка пальцев, он тщательно вытер все, к чему прикасался, даже на дверных ручках не было ни одного отпечатка.

Первый раз я услышал о нем от вас, при допросе вы упомянули его имя. Старый друг, от приглашения которого на прощальную вечеринку вы отказались, и потом об этом жалели. Я решил им поинтересоваться, скорее для того, чтобы узнать что-нибудь о вас и вашем прошлом. Мне сказали, что он отплыл. Но я узнал, что он опоздал на пароход в Нью-Йорке и догнал его только через три дня в Гаване. И еще кое-что: он заказал каюту на двоих - для себя и для жены, но был один. Я выяснил, что он не женат.

Во всем этом не было ничего особенного. Человек может опоздать на пароход после вечеринки. Случается, что невеста в последнюю минуту передумает или обе стороны решат отложить свадьбу.

Я выбросил это из головы, но в подсознании застрял факт, что Ломбард опоздал на пароход и догнал его без жены. Когда позже я отказался от мысли, что вы убили свою жену, место убийцы осталось пустым. А пустота должна быть заполнена. Я начал размышлять, и постепенно Ломбард занял это место.

- Но мне вы не сказали ни слова, - констатировал Хендерсон.

- Я не мог. Долгое время у меня в руках не было ничего определенного. Можно сказать, вплоть до того вечера, когда он повез мисс Ричман в лес. Я не мог вам довериться, вы бы мне не поверили и из соображений чести предупредили бы его. А если бы поверили, то не смогли бы достаточно убедительно сыграть свою роль. Он мог заметить что-нибудь подозрительное в вашем поведении, и игра была бы проиграна. Это было слишком опасно. Я предпочел действовать через вас, не сообщая вам цели того, что вы делаете.

Это было очень сложно. Возьмите, к примеру, трюк с программами...

- Я подумала, что вы сошли с ума... И сама чуть не сошла с ума, когда мы в сотый раз повторяли каждое движение, каждое слово, которое я должна была произнести. Мне пришло в голову, что вы все это делаете для моего успокоения, потому что день казни близится. Я повторяла все, что вы мне говорили, но у меня отнимался язык.

- А у меня сердце было не на месте, - сказал Бёджес.

- Эти странные несчастные случаи, которые преследовали нас постоянно, были делом его рук?

- Он был замешан во всех. Но самое удивительное, что смерть Клайва Мельбурна, которая больше всего походила на убийство, при расследовании оказалась самоубийством. И бармен, конечно, случайно попал под машину. Но две смерти - дело его рук. Я имею в виду убийство Нищего и Пьеретты Дуглас. В обоих случаях не было орудия убийства в обычном понимании. Нищего, который изображал слепого, он убил особенно отвратительным способом.

Он оставил его в комнате и сделал вид, что идет звонить мне. Он знал, что этот человек, как и все ему подобные, боится полиции и попытается сбежать. На этом и строился его план. Закрыв дверь квартиры, он натянул поперек лестницы шпагат, приблизительно на уровне колен. С одной стороны он его привязал к перилам, а с другой - к скобе, вбитой в стену. Потом он включил свет и, громко топя, спустился вниз, но тут же вернулся и притаился в темноте.

«Слепой» решил убраться из квартиры до того, как Ломбард вернется с полицейским, и все случилось так, как рассчитывал Ломбард. Нищий зацепился за шпагат, упал, ударился головой о стену и потерял сознание.

Ломбард поднялся по лестнице и убрал разорванный шпагат, который мог его выдать. Потом он осмотрел Нищего и увидел, что тот еще жив. Голова его была неестественно повернута. Ломбард поднял ногу, так, чтобы тяжелый ботинок попал прямо в шею, и...

Кэрл отвернулась.

- Простите, - сказал Бёджес,

Она повернулась к нему:

- Мы должны все знать. Ничего не поделаешь, если так было.

- После этого Ломбард позвонил мне. Вернувшись, он встал у входа и, пока ждал меня, разговаривал с местным полицейским; тот подтвердил, что Ломбард ни на шаг не отходил.

- Вы сразу поняли, что произошло? - спросил Хендерсон.

- Мы тщательно осмотрели труп, и на голених я обнаружил следы от веревки. Кроме того, на затылке остались следы пыли. Я понял, что произошло. Но как доказать вину на основании догадок? Нужно было поймать его на чем-то существенном. Поэтому я молчал и водил его на поводке.

- А что с этим наркоманом?

- Клайв Мельбурн сам перерезал себе горло в припадке депрессии, вызванном наркотиком. Бритву на полке оставил, вероятно, предыдущий жилец.

- Но в смерти миссис Дуглас виноват Ломбард? - спрашивал Хендерсон.

- Он устроил все очень ловко. Длинная ковровая дорожка была расстелена на натертом паркете от прихожей до окна на другом конце комнаты. Он сам чуть не поскользнулся на этом ковре. Во время разговора он все рассчитал. Достаточно будет взяться за конец ковра и дернуть.

Это легче рассчитать, чем сделать, но у меня есть его признание, написанное черным по белому. Они начали танец смерти, Ломбард старался подвести ее к нужному месту. Написав чек, он подошел к окну, как будто хотел высушить чернила на ветерке. Он сделал вид, что подает ей чек, поднял руку, но не сделал ни шагу; ей пришлось идти к нему. Когда она остановилась на нужном месте, он выпустил чек из руки. Она стала его рассматривать, а он ринулся к двери и из прихожей попрощался с ней. Как и следовало ожидать, она повернулась спиной к окну и подняла голову. Ему именно это и было нужно. При падении спиной она не могла бы ухватиться за оконную раму. Он дернул ковер. Этого было достаточно. Она вылетела из окна. Как утверждает Ломбард, она даже не успела закричать.

Кэрл подняла брови:

- Это хуже убийства ножом или пистолетом, здесь столько коварства!

- Но уличить убийцу в таком случае намного сложнее. Он ее пальцем не тронул, убил, находясь на расстоянии шести метров от нее. Единственным следом был ковер. Я сразу обратил на него внимание. Ковер был сбит с той стороны, где стоял он. У окна ковер лежал гладко. Если бы она действительно поскользнулась и сделала неверный шаг, все было бы наоборот.

Я нашел горящую сигарету, которую она якобы оставила. Все должно было выглядеть так, словно несчастье произошло перед самым нашим приходом. Я не попался на удочку, но мне понадобилось три часа, чтобы понять, как он это подстроил. В центре пепельницы было отверстие, через которое пепел падал вниз, в резервуар, находящийся в подставке. Он взял три обычные сигареты и, вытащив из двух немного табака с одной стороны, сложил их в одну

длинную. Потом он положил ее на пепельницу, горящим концом в отверстие, чтобы она тлела. Две первые части провалились в отверстие, а третья создала нужную картину; когда мы вошли, она выглядела, как окурок обычной сигареты.

Но лучше бы он этого не делал. Связав себя временем горения сигареты, он вызвал подозрения. Зачем она стала бы посылать его по такому близкому адресу? Если она хотела вытянуть из него чек, то дала бы адрес, который он разыскивал бы целый день. А она бы выиграла время и получила деньги по чеку.

Все остальное он выполнил безупречно. Например, сделал вид, что разговаривает с ней, повернувшись к двери в пустую квартиру, когда приехал лифт и вышел лифтер.

Я уже тогда мог арестовать его, но это еще не доказывало, что он убил вашу жену. Поэтому я делал вид, что ничего не понимаю. Ему нужно было расставить ловушку, подставить кого-то.

- И вы решили, что эту роль может сыграть Кэрл? - спросил Хендерсон. - Ваше счастье, что я этого не знал. Меня бы ничто не удержало...

- Она сама это придумала. Я нашел другую женщину на эту роль. Но Кэрл настояла на своем. Она сходила посмотреть эту лавку, где скупали программы, и заявила, что сама туда пойдет и выведет его на чистую воду.

Не слушала никаких возражений, даже сказала, что отправится туда и без моего согласия. Делать было нечего, мне было ее не остановить. Я пригласил гримера из одного театра, он ее загримировал, и она отправилась туда.

- А по вашему мнению, - сказала она упрямо, - я должна была, сложив руки на коленях, ждать, когда какая-то статисточка, которая хочет заработать два доллара, испортит все! Времени на ошибки уже не оставалось.

- А она действительно ни разу больше не появилась, та, с которой я провел вечер? Мне это кажется очень странным. Кто бы она ни была, свою игру она довела до конца, - размышлял вслух Хендерсон.

- Ей и в голову не приходило играть, - возразил Бёджес

Хендерсон и Кэрл с любопытством повернулись к детективу.

- Откуда вы знаете? Вы все-таки напали на ее след?

- Да, - ответил Бёджес. - Уже довольно давно. Несколько месяцев назад я выяснил, кто она была.

- Была? - спросил Хендерсон. - Она умерла?

- Не совсем так. Но практически она мертва. Ее поместили в лечебницу для психически больных. Это безнадежный случай. - Он достал из кармана несколько конвертов и стал искать среди них нужный. - Я был там несколько раз. Говорил с ней. Она выглядит почти нормально. Но она не может вспомнить то, что произошло вчера, прошлое покрыто для нее туманом. Она не могла бы нам помочь. Ее нельзя было бы вызвать в качестве свидетельницы. Поэтому я промолчал о ней. У нас был единственный шанс поймать его, когда он попытается совершить другое преступление.

- Сколько времени она...

- Ее поместили в лечебницу через три недели после вашей встречи. Она и раньше лечилась, но ее время от времени отпускали.

- А как вам удалось?...

- Совершенно случайно. В одном магазине старых вещей появилась ее шляпа - в лавке, где все продается за бесценок. Один наш человек увидел там шляпу.

Какая-то старуха вытащила ее из мусорного ящика и отнесла старьевщику. Она сказала нам, где находился этот ящик, и мы обошли все окрестные дома. Нам удалось найти горничную, которая выбросила шляпу. Раньше она служила у женщины, которую поместили в лечебницу. Я допросил ее мужа и родственников. О том, что она провела вечер с вами, никто не знал, но на основании того, что они рассказали, я понял, что это она. Она уже давно вела себя странно: не приходила ночью домой, ночевала в гостиницах, а однажды ее нашли в парке на лавочке.

Он подал Хендерсону фотографию какой-то женщины.

Хендерсон долго сосредоточенно рассматривал ее и наконец неуверенно кивнул:

- Вероятно, это она. Наверное, она.

Кэрл вырвала у него из рук фотографию:

- Не смотри на нее! Ты все равно не мог вспомнить, как она выглядела, пусть все так и останется. Возьмите фотографию, мистер Бёджес.

- Фотография помогла нам, когда мы готовили Кэрл. Ее загримировали так, что она отдаленно напоминала эту женщину. Этого было достаточно, чтобы Ломбард попался. Он видел ее только издали и при слабом освещении.

- А ее настоящее имя?

Кэрл остановила Бёджеса жестом:

- Не говорите, прошу вас. Я не хочу, чтобы ее призрак преследовал нас.

- Вы правы, - согласился Бёджес. - Все уже позади. Нужно забыть об этом.

Все трое долго молчали, думая о незнакомке. От таких воспоминаний нельзя избавиться.

Потом они встали. Кэрл держала Хендерсона за руку. В дверях Хендерсон повернулся к Бёджесу:

- Вы думаете, что все наши переживания были напрасны? Это должно быть каким-то уроком...

Бёджес хлопнул его по плечу, стараясь подбодрить в начале новой жизни:

- Вы хотите извлечь из этого урок? Я вам скажу... Если у человека нет памяти на лица, ему не следует ходить в театр с чужой женой.